

А.К. Скворцов

Воспоминания   Очерки

А.К. Скворцов

Воспоминания. Очерки.

Издательство научных изданий КМК
Москва 2020

УДК
ББК

Скворцов А.К. Воспоминани. Очерки. — Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2020, 242 с.

В книге представлены воспоминания Алексея Константиновича Скворцова, основные моменты его жизни: история семьи, его школьные, студенческие и аспирантские годы, годы становления как ботаника и основная научная деятельность в Московском Университете и Главном ботаническом саду Академии наук СССР. В отдельных очерках Алексей Константинович повествует о разных путешествиях и экспедициях, в которых ему довелось побывать, а так же вспоминает многих замечательных людей, встретившихся на его жизненном пути.

Книга адресована всем, интересующимся работами А.К. Скворцова, историей ботанических исследований и науки целом, ботаникам и натуралистам.

Фотографии из личного архива А.К. Скворцова публикуются с разрешения родственников.

ISBN

А.К. Скворцов, 2020

Предисловие

Алексей Константинович Скворцов прожил долгую и счастливую жизнь. Наверное, потому, что присущие ему доброта, ум, интеллект притягивали к этому человеку только хороших людей. И сам он в окружавших его людях отмечал только их лучшие стороны. Все плохое и нечестное как бы само отторгалось от той душевной ауры, которая окутывала Алексея Константиновича.

Читая его воспоминания, понимаешь, что созданная им СЕМЬЯ - жена, сыновья и внуки - были его настоящей опорой и помогали уходить от случившихся неприятностей на работе, и строки о них пронизаны любовью и гордостью. А на работе он создал еще одну семью, которая официально называется научной школой. Только часто под научной школой понимается просто группа ученых, разрабатывающих одну тематику, а вокруг Алексея Константиновича сплотились самые разносторонние исследователи, не только его аспиранты, но уже и их ученики, и даже ученики их учеников. Мы гордимся, что стали единой научной семьей. Каждый год в день рождения Алексея Константиновича, 9 февраля, мы встречаемся и рассказываем друг другу о тех научных результатах, которые получили в последнее время. И в каждом нашем открытии – доля нашего Учителя. Самое интересное, что он никого из нас намеренно не учил, не диктовал, что и когда надо делать, никогда не только не ругался, но даже и не повышал голос. Он просто делился своими наблюдениями, своими планами, а главное, заражал нас своим неослабевающим интересом к загадкам природы.

Алексей Константинович чурался начальства, не рвался к академическим наградам и званиям, был очень скромным в личной жизни. Но время все расставляет по своим местам: никто не вспоминает об академиках и член-корреспондентах, а дух и научные идеи Алексея Константиновича витают и над ботаническим садом Московского Университета, и над Главным ботаническим садом Российской академии наук.

Он был очень разносторонним ученым – работал в области флористики, систематики, внутривидовой изменчивости, теории эволюции и философии ботаники. И не только растения занимали все его время, но и культура, искусство, история России, литература. Никогда не устареет его статья про русский язык в научной литературе! Эти вечные ценности он открывал и своей семье, и нам, его ученикам. Все мы – его творения.

Тому, кто откроет эту книгу воспоминаний Алексея Константиновича, предстоит пройти вместе с ним долгий путь Ученого и Учителя и, возможно, разгадать секрет его вечной научной молодости.

Ю.К. Виноградова

I. Корни. Старшее поколение

Я родился 9 февраля 1920 года в доме родителей в селе Желанья – тогда Знаменской волости Юхновского уезда Смоленской губернии. В 1926 или 1927 году уезд был передан Калужской губернии, а потом уезды были упразднены, и появился Знаменский район Западной области; но и Западная область просуществовала не долго; теперь Желанья относится к Угранскому району Смоленской области (центр – поселок и железнодорожная станция Угра).

Село Желанья расположено вдоль маленькой речушки Желонки до её впадения в реку Угру. Село старое: в одном месте над обрывом к Желонке были следы древнего селища – черная культурная земля с мелкими черепками. А на небольшом отдалении от села на высоком склоне к Угре расположен погост – теперь только кладбище, но раньше несомненно поселение; совсем рядом по обоим берегам Угры было много курганов.

По масштабам Смоленской области село довольно крупное: около 90 дворов и более 400 жителей, церковь, школа в 2 зданиях, спиртзавод и 2 лавки. Когда-то оно принадлежало, вместе с несколькими соседними деревнями, некоему генералу Шуховскому. И с тех времен еще оставались около Желонки какие-то почерневшие брёвна.

Своих дедов, Алексея Алексеевича Скворцова и Ивана Дмитриевича Ястребова, я в живых не застал. Зато с двумя бабушками мне довелось общаться долго – вплоть до войны.

Мать отца Екатерина Александровна Скворцова (“баба Катя”) происходила из семьи священника отца Александра Глаголева из Краснинского уезда Смоленской губернии и училась в женском духовном училище в Ярцеве. Из рода Глаголевых позже, уже около 1960 года, я познакомился с двумя ее племянницами – двоюродными сестрами отца, которые были учительницами, а после войны устроились доживать в селе Красном – километров 12–15 от нашей Желаньи. Когда мне случилось быть в этом селе в 1997 году, их уже не было в живых, но фамилию Глаголевых там еще помнили.

О своей жизни баба Катя не любила рассказывать. Мне запомнился только один, неоднократно ею повторенный, рассказ о том впечатлении, которое в 1881 году произвело убийство Александра II. Позже, читая летописные повести о древней русской истории, я вспоминал этот бабушкин рассказ, как свидетельство того, что незаурядные события могут и более чем через столетие еще достоверно сохраняться в памяти людей, передаваясь устным рассказом.

Вообще баба Катя была очень строгой и сдержанной, хотя и была в курсе всех событий в селе, совсем не любила судачить с соседками или с гостями. Быть может, это было следствием трагических событий в семье.

Кроме моего отца, у нее было еще 2 сына: Иван и Алексей. Иван умер в детстве. Алексей был старше моего отца, окончил юридический факультет и работал в Сердобске. По словам хорошо знавших его моих теток, он был очень видным и интересным мужчиной и любимцем своей матери. В 1924 или 1925 году в Сердобске будто бы застрелился, впадши то ли в психическую депрессию, то ли в конфликт с новыми порядками. Это было, конечно, тяжелым потрясением для бабы Кати, но она говорить про это не хотела, а всю свою любовь перенесла на меня – тезку дяди Алексея, и, говорят, чем-то на него похожего. Ей я обязан своим начальным образованием.

Про деда по отцу – Алексея Алексеевича Скворцова я знаю очень мало – вероятно, потому, что баба Катя была очень скупа на рассказы. Он был родом с Милуково Сычевского уезда Смоленской губернии, из семьи священника. Когда он поселился в Желанье – того не знаю. Знаю только, что дом был куплен, а не выстроен им. Дед был по горло занят церковными делами, так как он был не только настоятелем церкви в Желанье, но и благочинным – то есть надзирал за порядком в церквях своей округи и разбирал конфликты и осложнения, возникавшие у местного духовенства. Видимо, он проявил себя в этом неплохо: баба Катя показывала мне несколько орденов и наград, полученных дедом Алексеем. Умер он в 1914 году от рака пищевода. Он похоронен в Желанье около церкви. На его могиле стоял большой черный деревянный крест.

Дед был небогат, но любил чтение, и не только церковное: от него остался журнал “Нива” за несколько лет и в виде приложения к ней – собрания сочинений старых и новых писателей (помню Гончарова, Лескова, Бунина, Гейне, Данилевского, Гамсуна). Еще от деда остались 3 очень хорошо изданных книги исторического интереса: “Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии”, “Собор святого Владимира в Киеве” и “Памятник Александру II в Московском кремле”. Эти книги я часто листал, разглядывал иллюстрации и даже какие-то отрывки читал. Во всяком случае, они и сейчас у меня как будто перед глазами.

Дети его по духовной стезе не пошли. Старший Алексей стал адвокатом, а младший – мой отец – врачом. Был у него еще приемный сын (фактически его племянник) – Петр Петрович Протопопов (“дядя Петя”), почти ровесник моего отца. Он закончил духовную семинарию, но священником не стал; поступил в Харьковский ветеринарный институт и дальше служил по части коневодства.

Дед по матери, Иван Дмитриевич Ястребов, был выходцем из деревни Вязовец того же Юхновского уезда (в 1999 году эта деревня еще существовала) и был рожден еще крепостным. Поэтому очень торжественно справлял 50-летний юбилей отмены крепостной зависимости. Его отец Дмитрий Иванович Ястребов был человеком предприимчивым и сумел, в

основном на лесоразработках, обзавестись достаточными средствами, чтобы дать сыну высшее образование, что в те годы для детей крестьян еще было весьма необыкновенным. От прадеда у нас долго сохранялись столовая ложка с вырезанной надписью “Мышенская контора” и несколько массивных столовых ножей.

Дед Иван окончил Императорское Высшее техническое училище в Москве (теперь это МВТУ имени Баумана). Специализировался по строительству железных дорог и ездил их строить по многим местам России. Был на Украине, в Тульской и Пермской губерниях, в Поволжье.

Строительство дорог тогда сдавалось подрядчикам: чем лучше и вместе с тем дешевле был проект – тем охотнее его принимало министерство. А уже от подрядчика зависело – уложится он в проектную сумму и в сроки, или он в убытке. Строительство дороги в Европейской части России приносило деду некоторые доходы. На них он смог купить в селе Желанья небольшое имение, отстроить его и соорудить в нем спиртовой завод, но последнее строительство – железной дороги на Хабаровск по левой стороне Амура, да еще в самом северном глухом ее участке – обернулось очень большим убытком. Чтобы возместить казне этот убыток, имение пришлось заложить. Последние годы своей жизни дед целиком посвятил своему имению в надежде выплатить долги.

Февральскую революцию дед приветствовал, а вначале – даже Октябрьскую. Помня свое мужицкое происхождение, дед с местными крестьянами поддерживал хорошие отношения. Тем не менее он уже был не крестьянином, а помещиком, и имение было национализировано и превращено в совхоз, а дед оставлен управляющим.

Однако в 1918 году он умер от рака желудка и похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Рядом с ним в 1987 закопали урну тети Лены.

В соседнем селе Великополье (за Угрой, в 3 км от Желаньи) жил брат деда Ивана Семен. Он не получил высшего образования, но приобрел небольшое имение и завел сырный заводик. У него были 2 сына и дочь, после революции переехавшие в Москву; у них долгое время ютилась и моя тетя Лена.

Дед Иван очень хотел сына, но баба Поля (Пелагея Антиповна) родила ему только 4 дочерей. Старшей была Евгения – моя мама, далее шли Елена, Ксения и Мария. Всем 4 дочерям было приготовлено приданое: столовое серебро и комплекты полотняного белья. Все это, как и разные другие остатки, очень помогло выжить в последующие годы.

Дед Иван очень любил технические новшества. К своему брату в Великополье он провел телефон, завел колодезные насосы, приобретал новейшую сельскохозяйственную технику (но тяга тогда была только копытной). Любил хорошие книги, из которых до меня дошли энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона и ряд полных собраний сочинений

классиков, русских и иностранных. И вместе с тем, будучи очень деятельным, был и очень веселым, любил вечеринки, встречи и разные развлекательные затеи местной интеллигенции. Любил подпоить гостя до “риз положения”.

После смерти деда баба Поля еще некоторое время жила в бывшем своем доме. Помню, что тетя Маня, тогда еще девочка, работала на скотном дворе в бывшем своем имении – теперь совхозе, тетя Ксения пошла учительствовать, тетя Лена уехала в Москву, где работала машинисткой и секретаршей. И долго жила “на птичьих правах” у двоюродных родственников и только после войны смогла приобрести свою комнатку.

Смутно помню, как я бывал у бабы Поли еще в ее бывшем доме. Там у нее оставалось 2 комнаты; остальное заселили главным образом разные приезжие люди. Но в 1924 году ей предложили выехать. Обошлось без грубого насилия. Конечно, многое тогда уже было разворовано, но еще оставшееся личное имущество – книги, одежду, посуду, часть мебели и одну корову – позволили взять с собой. И даже выделили пустовавший сарай для постройки дома (хотя на деле сарай этот годился только под двор).

Строительством нового дома для бабы Поли в 1924–1925 годах командовал мой папа. Удалось заложить хороший фундамент из камня (местного известняка), стены и крышу из нового материала. Дом был поставлен на краю “Поповки” – улицы, где стояла церковь; все жители или их предки были так или иначе связаны с церковью. В доме было 2 “избы” – теплая зимняя с русской печью и холодная летняя с одной только печкой – “голландкой”.

Здесь не могу не сказать несколько слов в похвалу русской печи, настолько это замечательное устройство, приспособленное к нуждам тогдашней деревни. Она ставилась не на полу, а на земле на своем отдельном фундаменте. Дымовая труба начиналась у нее не с заднего конца, как обычно у печей, а от переднего. Перед входом под свод печи находится загнетка – площадка для подготовленной для постановки в печь (или, наоборот, вынимаемой из печи) еды. При топке печи огонь выносится вперед к загнетке, и от нее уже дым уходит кверху в трубу. Под у печи должен быть очень ровным и сплошным. Топят печь с утра; котлы и чугуны ставят по бокам горящего огня с помощью ухватов. Набор разного размера ухватов и другого печного инвентаря держится рядом с печью или в подпечной яме. По сгорании дров вся печь становится горячей, и в ней можно печь хлеб. Для этого под разметают от золы, а хлебные караваи из крутого теста со специальной широкой деревянной лопаты ссовывают прямо на под. Чтобы сохранить тепло, вход в печь закрывают заслонкой, а начало трубы перекрывают задвижкой. Так тепло в печи и в стоящих в ней посудицах сохраняется, по крайней мере, до вечера, а то и до утра. Часто хозяйка еще

с вечера кладет и дрова в печь, чтобы они за ночь просохли и с утра сразу хорошо разгорелись. На печи всегда тепло, и если в избе холодно, то погреться (а то и на ночь спать) залезают на печь.

Баба Поля была родом из крестьян деревеньки Коптева (тоже недалеко от Желаньи); детство ее прошло в крайней бедности. Изба их топилась по-черному, дым стоял на уровне роста человека. Как она рассказывала, дети ложились на лавку и поднимали голые ноги кверху погреть их в теплом дыму. В школу она вовсе не ходила и всю жизнь оставалась малограмотной. Как и когда она познакомилась с дедом – не знаю. Но думаю, что такому знакомству мог очень поспособствовать удивительно мягкий и доброжелательный ее характер. На большинство железнодорожных строек она ездила с дедом. Однако повенчались они поздно: когда уже были дети. А когда пришло время отдать двух старших дочерей в гимназию, пришлось проделать юридическую процедуру: обратиться “на Высочайшее имя” с просьбой признать рודившихся до брака дочерей законнорожденными. Незаконнорожденных частная женская гимназия в Москве брать не хотела.

Я очень любил бабу Полю. Она никогда не повышала голос, не ругалась, рассказывала мне 2–3 знакомых ей сказки и про жизнь до революции. У нее был хороший голос, но она пела только в молодости и в крестьянской компании.

Мой отец, Константин Алексеевич, родился в 1894 году. Закончил казенную гимназию в Вязьме, затем в 1916 г. Медицинский факультет Московского университета. Уже студентом подрабатывал репетиторством и мог за эти деньги покупать медицинскую литературу и даже съездить на некоторый срок в Берлин, откуда вернулся совсем незадолго до начала войны с Германией. Сразу после окончания университета был призван в армию и попал на австрийский фронт в Егерский полк второй гвардейской дивизии. В те времена 8 полков двух гвардейских дивизий набирались не случайно и не столько по качествам и квалификации человека, как по его внешним данным: например, в Измайловский полк набирали рыжих, а в Преображенский – только высоких брюнетов (в память Петра великого). Каждый полк имел свой застольный “потешный” гимн, отмечавший достоинства этого полка и недостатки других. У егерского полка он начинался со слов: “Выпьем, братцы егеря, рать любимая царя”.

Папе довелось участвовать в позиционной войне и в Брусиловском прорыве – последнем успешном наступлении русской армии. От пребывания на войне у папы сохранилось немало впечатлений и несколько фотографий.

Отношение к революции в армии было очень разным, противоречивым; офицерский состав в большинстве к ней относился негативно. По папиным воспоминаниям, ярче всего выражался их полковой священник: “Ну что ж свобода – подходи, каждому в морду надаю”. (Теперь, наверно, вместо “свобода” сказали бы “права человека”).

По окончании войны папа вернулся домой и устроился на земский медицинский участок на хуторе Михайловском близ с. Вознесенье (теперь это рядом со станцией и районным центром Угра). Интересовался возможностью эмиграции в Америку, но – то ли жизненные обстоятельства, то ли просто привязанность к “родному пепелищу” этому воспрепятствовали. В начале 1919 г. он женился на дочери И. Д. Ястребова Евгении, они обвенчались в с. Вознесенье. В начале 1920 г. родился я, а вскоре папу призвали в военный госпиталь в Вязьме. Еще не только не была окончена гражданская война, но еще и свирепствовали эпидемии. И папа в Вязьме переболел сыпным тифом.

Связь с Вязьмой продолжалась и позже. Папа несколько лет по специальности неврология–психиатрия регулярно принимал в Вязьме в железнодорожной больнице. Это давало ему бесплатный проезд от Москвы до Вязьмы (а в 1930 годы Вязьма была ближайшей ж.д. станцией к Желанье).

Отец хорошо знал немецкий язык, похуже, но все же достаточно для чтения английский, французский, уже на моей памяти изучал итальянский. Любил читать писателей в оригинале, на их родном языке. На моей памяти читал «Sartus resartus» Т. Карлейля, «Fuoco» и «Il piacere» Г. Аннунцио. Учил языки в основном по самоучителям, поэтому произношение у него было грубоватое, и он его стеснялся. Выписывал даже в Желанью французский медицинский еженедельник «La presse medicale» и английскую еженедельную газету «Observer».

Вообще говоря, по складу ума (как теперь говорят – по ментальности) отец был гуманитарий. Поэтому его выбор своей специализации был совершенно неслучайным. В отличие от меня – у меня ментальность естественника (но не математика). Но у нас было и общее – любовь к книгам. У меня в этом направлении было, конечно, уже больше возможностей, чем у отца. У него 2/3 жизни были достаточно трудными.

Про свои университетские годы отец почти ничего не рассказывал. Както, когда я уже был студентом – медиком, он показывал мне свой врачебный диплом, специально обращая внимание на напечатанное в нем “факультетское обещание” – во главу ставить благо пациента и действовать открыто, не использовать никаких секретных средств. Теперь эти простые слова высокопарно именуется “клятвой Гиппократата”, но не всегда соблюдаются. В моем врачебном дипломе 1941 года ни “обещания”, ни “клятвы” не пропечатаны, но, однако, учили нас вполне в духе “обещания”.

А свои гимназические годы папа любил вспоминать и часто рассказывал разные комические казусы, особенно про учителей. В одном классе с ним был ученик, Коля Радковский, обладавший артистическим талантом и умевший копировать в комическом духе учителей и разные ситуации. И вот когда у нас уже был дом в Жаворонках, около 1965 года в церкви села

Юдино, что близ соседней станции Петушково, появился священник отец Николай Радковский. Это был папин гимназический товарищ! Он окончил юридический факультет и долго работал в соответствующем направлении, но к старости все бросил и пошел в священники. Со своими артистическими способностями он быстро завоевал огромную популярность у местного населения. Он раза три заходил и к нам в Жаворонки и тоже рассказал несколько интересных историй. Например, как к нему пришли цыганки с просьбой крестить младенца. Но пока он отошел в другую комнату надлежащим образом переодеться, цыганки прихватили, что “плохо лежало” и исчезли. А младенец у них в руках был, конечно, куклой.

По своей основной специальности папа двигался через неврологию (в 1925–1926 гг. он заведовал нервным отделением во Владимире) к психиатрии; в 1928 г. он уже был ассистентом в психиатрической клинике В. А. Гиляровского в Москве.

Однако каждое лето в Желанье, приезжая в отпуск, он принимал самых разных больных (кроме детских, женских и венерических болезней), а в Москве как психиатр консультировал в общих больницах – в основном расположенных на Б. Калужской улице и связанных со 2 Медицинским институтом, а после войны – и в “кремлевской” больнице. Его докторская диссертация была озаглавлена “Психика раковых больных”. Я был на защите во 2 Медицинском институте и был потрясен тем, как некоторые врачи (особенно хирурги) воспринимали тему: какая же такая может быть психика, если нет психоза? А речь шла именно о психике без психоза. К концу жизни папа ушел со всех официальных работ и только иногда принимал у себя дома именно как психотерапевт. К нему обращались и многие довольно известные люди, как например, художник и тогда президент Академии художеств А. М. Герасимов (который написал и папин портрет, где папа удивительно похож на бабу Катю, которой художник, понятно, не видел), скульптор Вучетич (бюст отца его работы хранится в семье моей сестры, Е. К. Молчановой), артист Сергей Образцов и др. А в “Кремлевской” больнице ему доводилось видеть и людей иного сорта.

Моя мать, Евгения Ивановна, родилась в 1900 году в г. Вязьме, где у деда был свой дом (после революции его отобрали). Она закончила в Москве частную женскую гимназию в 1918 году. Рассказывала, как в Москве проходили революционные события; как в своем пансионе и в гимназии ученицы загораживали окна подушками и матрацами от попадания пуль. Хотела в дальнейшем поступить на медицинский факультет, но вместо этого в 1919 г., еще не достигнув 19 лет, вышла замуж и осела с моим отцом на хуторе Михайловском, близ с. Вознесенье. Однако родить сына (меня) поехала в Желанье, в более благоустроенный дом Скворцовых. Вскоре отца мобилизовали в Вязьму, и она со мной, еще едва стоявшим на ногах, туда тоже отправилась.

Вязьма была тогда ближайшей к Желанье железнодорожной станцией (в 40–50 километрах). Путь туда (или оттуда) на телеге по проселочной дороге занимал целый день; на полпути в с. Лосьмино обычно устраивался отдых. Папа несколько раз приходил из Вязьмы и пешком.

Я своего тогдашнего проживания в Вязьме, конечно, не помню. Но два знакомства, завязанные тогда родителями в Вязьме, отразились в дальнейшем и на мне. Мама в Вязьме очень подружилась с Розой Львовной Бочаровой, служившей в госпитале зубным врачом. Ее муж – П. П. Бочаров был убежденный партиец, служивший в администрации белорусской железной дороги. Позже в 1927 или 1928 мы ездили в Вязьму к Р. Л. лечить зубы. Потом она работала в Москве на Высших военных курсах – совсем недалеко от нашего жилья на Донской улице, и там я ходил к ней лечить зубы. Волна репрессий в 1937–1938 гг. унесла в небытие П. П. Бочарова, но Роза Львовна удержалась в военном санатории на ст. Чкаловской под Москвой. Я был у нее там в последний раз уже в начале войны; она тогда дала мне с собой пузыречек зубной серебряной амальгамы. После войны Роза Львовна отыскалась во Львове, где мы с Галей у нее были в 1957 г. Несмотря на общительность и мягкий, доброжелательный характер, ей не везло с семейной жизнью, и детей у нее не было. Во Львове у нее был новый, третий муж – пожилой отставной военный, явно неодобрительно относившийся к восстановлению прежних знакомств своей супруги.

И еще одно знакомство из Вязьмы. Там родители познакомились с четой Крюковых, у которых была маленькая дочь Ирина, в том же возрасте, в котором и я там был. И вот спустя лет 30 я встретил Ирину Крюкову как сотрудницу Института морфологии животных и супругу хорошо знакомого мне Д. А. Транковского с кафедры высших растений! Она хорошо знала и Галю, и у меня есть серебряный бокальчик, подаренный мне, кажется, к 30-летию, с надписью “от трех граций” – от И. Н. Крюковой, другой сотрудницы института Л. В. Даниловой и моей будущей жены – Гали Покровской.

Через 4 года после меня родилась моя сестра, которую называли как маму – Евгения. В раннем детстве она очень болела, настолько, что ее буквально “клали под образа”. С тех пор папа к ней стал относиться особенно бережно, я бы даже сказал трепетно. Появление второго ребенка, конечно, прибавило забот матери. Большую часть жизни мама была с утра до вечера занята бесконечным домашним трудом, который облегчился только в последние годы, когда появились в продаже готовая одежда, в квартире центральное отопление, горячая вода, на кухне газ, возможность отдать белье в прачечную. Ведь до войны не только в Желанье, но и в Москве у нас ничего этого не было. Отопление было печное, никакой горячей воды, готовка в Желанье только в русской печи, а в Москве – на керосинке в общей кухне,

в продаже никакой готовой одежды, а в основном перешивка старой и в случае особой удачи или после долгой очереди – куски новой материи, из которых надо было шить самим. И никаких прачечных: стирать самим и сушить на веревке во дворе.

Так как папа всегда для заработка совмещал и был занят весь день, а детям мама хотела дать возможность учиться и хотя бы немного поиграть, практически всю домашнюю работу, иногда даже колку дров, брала на себя.

У мамы было 3 сестры, мои тетушки – тетя Лена, тетя Ксения и тетя Маня. Тетя Лена была на 2 года моложе мамы и училась с мамой в гимназии, но из-за революционных событий не могла ее закончить, тем не менее осталась в Москве. Тетя Ксения не успела поступить в гимназию и доучивалась в советской школе. После этого она сама пошла учительствовать в начальную школу в ближней, а потом и в довольно отдаленной деревне. Тетя Маня вышла замуж (уже на моей памяти) в деревню Андронову за только что возвратившегося со службы в армии Георгия Васильевича Соколова, сына тамошнего мельника. Он был неплохим, но довольно недалеким человеком, но, к сожалению, в армии переболел неприятной болезнью, которую не вполне вылечили, поэтому и тетя Маня вскоре после свадьбы тяжело разболелась – и дальше у нее уже не могло быть детей.

В 1929–30 гг., когда волна “раскулачивания” прокатилась и по нашему селу, и бабу Полю заставили уехать, тетя Ксения устроилась воспитательницей в детский дом в Пушкине под Москвой.

II. Жизнь в Желанье

Я родился 9 февраля 1920 г. в селе Желанья тогда Юхновского уезда Смоленской (а позже – Калужской) губернии, в доме моих родителей. В самом раннем детстве, от которого у меня не сохранилось никаких воспоминаний, я года 2 жил с родителями в Вязьме, где отец служил в военном госпитале.

До 1929 года основным местопребыванием нашей семьи была Желанья. Хотя старшее поколение, конечно, испытывало свои трудности, для меня это был самый светлый и интересный период. С 1929–30 годов в деревне наступила эпоха коллективизации. В Желанье мы лишились старого дома и сада деда Алексея и переселились в дом бабы Поли, из которого сама она была выселена. Тогда же мы закрепились на постоянное жительство в Москве (хотя основным родным “кровным” домом до войны для нас оставался все же дом в Желанье).

В Желанье же родились и моя сестра Женя (в августе 1924 г.), и мой двоюродный брат Боря (в августе 1923 г.). Смутно помню крестины Бори – вероятно, потому что они происходили в нашем доме, в зале, а крестил отец Василий – второй священник нашей церкви и наш сосед; он был очень заметен тем, что носил синие очки. (Вскоре после того он перестал священствовать и стал бухгалтером в совхозе).

Старый дом деда Алексея, в котором я родился и жил до 9 лет, находился на левой стороне ручья Желонки на пригорке, рядом с церковью. С одной стороны ограда нашей усадьбы была церковной оградой. Соседние 5 домов на этом пригорке принадлежали людям, которые так или иначе были связаны с церковью, поэтому и наш конец села именовался “Поповкой”. Дом был построен еще в прошлом, т. е. XIX веке и для деревни мог считаться очень хорошим: пол клееный и крашенный, стены с обоями, печи кафельные, окна большие, потолок белый и достаточно высокий.

Комнаты в доме распределялись так: небольшая комната, вход прямо из передней – бабы Каги; две большие угловые комнаты, с 3 окнами каждая – столовая и зал, в столовой были и 2 книжных шкафа, а в зале летом жил дядя Петя с семьей. Через зал или через столовую можно было пройти в 2 небольшие жилые комнаты, одну из которых, с письменным столом, занимал папа, а другую, с большим зеркальным шкафом для одежды – мама со мной и сестрой Женей. Между жилыми комнатами и кухней была холодная, средняя часть; в ней помещались уборная, кладовка и лестница на чердак. Дальше была кухня; в ней русская печь.

Двор был частично крытый, в нем хлева для скота и помещения для сена и для конного инвентаря, из которого – на моей памяти – оставался и был интересен для игры только тарантас.

До 1928–29 годов и у нас, и у бабы Поли оставались коровы и, конечно, куры. Через дорогу от дома был ледник, который зимой набивали снегом, державшимся почти все лето и не только сохранявшим молоко и мясо, но и позволявшим готовить домашнее мороженое.

В саду была светелка – летний домик с большим окном; была и баня, топившаяся по-черному. Была еще беседка из высокорослого шиповника, защищавшая в жару от солнца. Эту беседку я запомнил – не только потому, что в ней баба Катя регулярно варила варенье на жаровне с углями, но и потому, что образовавший ее шиповник был особенный – не такой, как на островах на Угре: тот был низкий и растопыренный, а в беседке – высокий и стройный. Высокий шиповник был еще в 2 соседских садах. (И только совсем недавно, уже перевалив за 80, я удосужился установить, что этот шиповник – некогда завезенная в Россию американская *Rosa pendulina*). Еще в саду были с десяток яблонь, вишни, малина и смородина. И большая дикая груша. Дальняя от дома открытая часть усадьбы была отведена под картошку и капусту. Сейчас мне трудно оценить, как велик был сад; наверно не меньше 1/2 и не больше целого гектара, но тогда он мне представлялся очень большим.

Дом бабы Поли был построен на другой стороне дороги, совсем недалеко (метров 100) от дома Скворцовых. Он был меньше и проще; комнаты в нем были небольшие, не было отдельной столовой, а столовая и

кухня были вместе с русской печью; только половина дома была теплой и зимой, а во второй половине печка могла поддерживать тепло только весной и осенью. Сада не было, был только небольшой огород. Не было и бани.

Баба Катя жила в Желанье круглый год. Она привыкла к одиночеству, а помогать ей по хозяйству приходила женщина из соседней деревни. В Москву нам взять бабушку было бы крайне затруднительно. Мы взяли ее только осенью 1940 г., когда уже ее оставлять одну было нельзя. Но она очень скоро в Москве умерла.

До 1928–29 годов в деревне сохранялась жизнь в духе старого режима. Всё определялось сочетанием православного календаря с порядком сельскохозяйственных работ. В церкви регулярно была служба по воскресениям и церковным праздникам. На праздники съезжался народ и из соседних деревень, все празднично приодетые: женщины в большинстве в сарафанах и в калошах, а мужчины в сапогах (ботинки и дамские туфли были еще редкостью). Соблюдались церковные венчание, крестины и похороны. Похороны помню особенно, так как при них звонили по одному удару колокола, по очереди от самого маленького до самого большого, а покойника несли в гробу из церкви на погост мимо нашего дома.

Помню еще церковное действо, происходившее за пределами самой церкви – водосвятие. Оно совершалось зимой, в праздник Крещения. На Угре пробивали лед и сооружали из досок помост. Вода освящалась в специальной большой чаше, а затем и в самой проруби; каждый мог захватить с собой святой воды. У бабы Поли стояла большая бутылка такой воды. Она не протухала и не плесневела и в случае болезни могла помочь.

В день храмового праздника – рождества Богородицы (8 сентября по старому стилю календаря или 21 сентября по новому) бывала ярмарка. Она устраивалась на пригорке за Желонкой против церкви и продолжалась 3 дня. Впрочем, на третий день на этом месте было уже больше мусора, чем чего-либо интересного. Самым интересным была на ярмарке, конечно, карусель. Подростки внутри шатра карусели вращали колесо, а для публики было развлечением прокатиться несколько кругов за небольшую плату. Еще на ярмарке привлекали разноцветные пряники, которые иногда мне покупали, и длинные и тонкие, как карандаш, конфеты в пестрых завертках – но они мне не позволялись. На ярмарке продавались и более важные вещи – как например, скотина, но мне они были неинтересны и не запомнились. Запомнилось только, что после ярмарки все место бывало густо усеяно шелухой подсолнечных семечек.

В доколхозной деревне сохранялись и дореволюционные цены на важные товары. Пуд ржаной муки (16 кг) стоил от 80 коп. до 1 рубля, хорошие кожаные сапоги – 5 рублей. Мука должна была быть всегда в запасе, ведь хлеб пекли только свой. У нас в доме в холодном коридоре стоял сундук

с мукой. У многих хозяев был и запас солонины (соленого мяса); в каком-то количестве была и соль, крупы и другое продовольствие; про картошку и овощи и говорить не приходится: их урожай каждый хозяин запасал в подполье дома. Мясо было или свое (особенно куры, поросята), а при случае и покупное: если по нужде или по несчастному случаю с самой скотиной хозяин ее резал – он распродал мясо тут же по деревне, с телеги. Электричества в деревне до войны не было.

В Желанье были 2 лавки: хозяин одной – Макарёнок (или Макаренков), второй – Шатковский. У первого скорее был просто ларёк, в котором продавалось в основном всё по мелочи, в частности, баранки и сладости для ребят. Второй был более солидным: у него лавка была отдельным строением, и в ней были и керосин, и постное масло, и конская сбруя. При коллективизации Макаренка выслали как кулака. Что стало с Шатковским – не знаю, он наверно во-время успел скрыться, а его лавка стала казенной и именовалась “потребилровкой”.

Полевая земля считалась общей сельской. Время от времени ее переделывали в соответствии с числом едоков в семье. По тому же принципу, но каждый гол по-новому делили сенокосные луга.

У деда Алексея до революции был разный скот. На моей памяти оставалась только корова. И для нее нам выделяли сенокос. А делянку в поле засевали рожью. Сеять сам мало кто решался, обычно приглашали на посев какого-нибудь человека, имевшего репутацию хорошего сеятеля.

И еще каждый год покупали 1–2 поросят, которых выкармливали и около Рождества резали. Купленных маленьких поросят обычно переносили в мешке. Так что если кто-то нес грубый мешок, из которого раздавался визг – это были купленные поросята. Такие мешки в руках у людей я видел не только в деревне, но и в городах, даже в Москве, даже в трамвае.

Церковь наша была постройки XIX века в скромном, самом обычном для тех времен стиле, достаточно просторной, по праздникам способной вместить и всех приезжих. Стены внутри были расписаны приглушенными, некричащими красками; как говорил мой отец – близко к манере М. В. Нестерова. Некричащим, но нарядным был и иконостас. Священник, отец Павел Волочков был человеком скромным и, видимо, глубоко и искренне верующим. У него было 4 детей, и жил он очень небогато.

Баба Катя ходила в церковь регулярно, часто и я ходил с ней; она очень хотела бы и меня приобщить к церковной стезе и даже сшила мне из остатков дедовской парчи одеяние церковного служки. Но это одеяние мне не довелось даже примерить: мама решительно сожгла его в печке (что, впрочем, вовсе не значило, что мама сама была неверующей).

До 1928 года еще каких-либо стеснений церкви в деревне не чувствовалось, посещение церкви никому в вину не ставилось. По большим

праздникам в нашей церкви даже пел хор, регентом которого был местный учитель Сергей Иванович Назаров. Но затем гонения начались, и в 1930 г. церковь вовсе закрыли. Отец Павел уехал с семьей куда-то под Рославль, где у него были родственники; передавали, что там ему предлагали отказаться от священнического сана, но он не согласился и тогда был арестован, и след его пропал. Сын его Игорь, бывший мне почти ровесником, погиб на войне; одну из дочерей моя мама как-то встретила в Москве: она работала там продавщицей и рассказала о судьбе семьи.

Первое время на колокольне закрытой церкви еще оставались колокола; в большой колокол звонили, сзывая колхозников на работу. Но вскоре скинули и колокола и увезли как цветной металлолом. А во время войны церковь взорвали, пригодные к чему-либо части постройки постепенно растащили, и в 1999 году на месте церкви я смог увидеть только пологий заросший бузиной и бурьяном бугор.

Самое большое украшение и вместе с тем – ось всего ландшафта – река Угра. Правда, наш отрезок ее был не таким живописным, как ниже, например, у с. Дрожжино, или у деревни Васильевщины, или (уже на калужском течении) у Николы-Ленивца; в тех местах мне довелось быть только много позже.

Название реки звучит как бы происходящим от старинного варианта названия венгров – угры (отсюда у лингвистов и этнографов угро-финские языки и народы). Но скорее оно от древнего же слова “ра”, что значит река. Похожие названия и у других – не самых крупных – рек: Жиздра, Нара, Истра, Сура, Хмара, Вишера. А у Волги было в древности название Ра. Угра очень похожа на Москву-реку где-нибудь около Звенигорода или Тучкова. Ее долина резко расширяется только после впадения Шани у Товаркова – там она становится больше похожей на Оку, в которую скоро и впадает.

От нашего дома до Угры было всего 200–250 метров. Крайняя к реке полоса была луговой, заливалась весной в половодье, а иногда после сильных дождей даже летом. Берег на значительной своей части был окаймлен ивовыми кустами. Левый берег близ Желаньи более высокий, но и более плоский и песчаный; по существу это песчаная надпойменная терраса. На ней и преобладали сосняки – естественные, а наряду с ними был и сосняк, посаженный моим дедом Иваном; теперь ему (а в 1997 г. я его видел, он еще был цел) – около 100 лет. Полей на песчаной террасе было совсем мало. Но если на ней сеяли гречиху – она обычно удавалась. Недаром и соседняя деревня на том берегу называлась Гречишное. Летом по опушкам сосняков над рекой цвели ярко-красные смолки (*Steris viscaria*), а за ними – крупные колокольчики и короставники (*Knautia*); у берегов над водой всегда резвились синие и зеленые стрекозы. А воздух – нет слов

высказать, какой он бывал. В сосняках (по-местному – “сосонниках”) водились, иногда в изобилии, грибы маслята; вполне развернувшие свой край и губку грибы называли козлами: я так и не знаю, это один и тот же вид гриба – или два разных.

На правой стороне Угры, где расположена Желанья, почвы в основном были суглинистые и потому здесь преобладали пахотные поля. Ближайший лес – “Котельницкий” (по фамилии бывших владельцев) был километрах в трех. Туда мы обычно ходили в конце лета за грибами. Более значительные лесные массивы, почти сплошные, отстоят от Желаньи, за 6–10 км к югу и к востоку.

Руло Угры на протяжении 2–3 км мне было детально известно; здесь было только одно глубокое место, где можно утонуть; говорили, такие случаи и бывали. Это опасное место находилось прямо напротив нашей обычной купальни; там были выходы сильных ключей из берега и из дна реки. В остальном можно было безопасно купаться и ловить рыбу везде. Дно у Угры преобладает чистое песчаное, течение спокойное, но местами есть и перекаты, где течение быстрое (“бырь”), обусловленное каменистым, хрящеватым дном. Редко встречаются большие валуны или же – как в соседней деревне Гремячке – известковые плиты. Между Желаньей и Гремячей на Угре есть три острова: один большой (длиной метров 100), густо поросший ивами, ежевикой и шиповником; у его нижнего конца – два маленьких островка, почти голых, а у верхнего конца была большая отмель, летом обычно выходящая из воды и становившаяся отличным пляжем и пространством для строительства городов и крепостей из песка. На этом пляже, как и на других местах по Угре, ребяташки (и я в том числе) в теплые летние дни проводили время почти безвылазно.

Как это было обычно и на других реках, в жаркие летние дни, особенно в период обилия слепней, в Угру загоняли скот на несколько часов, для водопоя и просто для отдыха. Конечно, весь навоз и вся грязь смывались в реку. Но живая река быстро очищалась, так что воду из Угры мы считали здоровее колодезной и не стеснялись пить ее прямо из реки. (Между прочим, в 1965–66 годах я видел стадо скота, стоящим в Москве-реке близ Звенигорода, чуть повыше знаменитого моста у с. Успенского и совсем недалеко от купального пляжа у моста. Там и в те годы это выглядело уже не совсем нормально).

В довоенные годы в Угре было довольно много рыбы. Папа очень любил ловить рыбу – но не на червяка, а на живца или же прямо руками. Глядя на папу и пользуясь его советами, и я пристрастился к ловле рыбы руками. Руками ловились все рыбы, населявшие Угру, кроме шук. Надо только знать, где рыба любит держаться и надо избегать резких и быстрых движений, чтобы не спугнуть рыбу; если рыба обеспокоена, она всегда окажется

быстрее и резвее, чем руки человека. Жаркие летние дни – самая подходящая погода. В это время окуни, голавли, язи, налимы, плотва любят стоять под большими камнями или в норах под берегом. Надо очень осторожно пошарить в таких местах руками и, если есть рыба – осторожно захватить ее за голову. Плотву, пескарей и гольцов можно ловить еще в густых зарослях водяной травы на быстром течении.

Позднее я пробовал ловить рыбу в Москве-реке под Звенигородом и в реке Вятке около Кирова. В р. Вятке в 1943 г. хорошо ловились под берегом налимы, но вода реки была очень холодна, и рыболову было трудно ее выдерживать. А в Москве-реке, где я пробовал ловить уже после войны, рыбное население реки резко оскудело от применения взрывчатки. В Оке около Кропотова (ниже Каширы) я не смог найти подходящих для ловли обиталищ рыбы.

Для постановки лесок или переметов на живца папа налавливал пескарей мутилкой. Это квадратная мелко-ячеистая сетка поменьше 1 кв. метра, которая ставится на дно, и вода около нее подмучивается. Пескари, очень обильные на Угре, особенно на мелководьях с песчаным дном, идут на муть целыми толпами. Вообще, это очень доверчивая и милая рыбешка. Если в мелкой воде некоторое время постоять неподвижно, они начинают “точить” в ноги.

В мутной и грязноватой Желонке водились главным образом гольцы, которых легко было наловить лукошком или даже решетом. Но их ловили только для угощения кошкам или уткам, которые их страшно любили.

На Угре и близ нее много городищ – существовавших когда-то более или менее защищенных поселений. Теперь большинство их поросли лесом или кустами, и, чтобы найти их, нужны специальные поиски. В основном городища встречаются двух типов: древние (разного возраста) и средневековые (или еще более поздние). Древние обычно имеют неправильную, приблизительно округлую форму и расположены на каком-нибудь бугре или мысу; их почвенный слой часто имеет ту или иную степень осолоделости, что бывает видно и по травяному покрову. Таковы городище на р. Дебре (Бебре) близ ее впадения в Угру у с. Городище, городище Копец около впадения в Угру р. Леонидовки (Ливонинки), большое городище близ устья р. Вори, где в последние годы велись раскопки, и др. Средневековые городища в очертании обычно правильно четырехугольные, с сохранившимися валами и рвами. Из них особенно велики и хорошо сохранились городища близ северной излучины Угры у бывшей дер. Васильевщины, у д. Староселье близ выхода Угры в Калужскую область и уже близко от впадения Угры в Оку близ дер. Свинухово против поселка Лев Толстой. Эти городища в большинстве вероятно относятся к XVI веку, когда в наших краях была граница между Русью и Литвой. Некоторые

старики даже знали, где именно начиналась территория Литвы.

Нередки вдоль Угры и курганы. Многие были раскопаны еще до революции, как например чуть выше Желанье по правому берегу Угры около теперешнего погоста-кладбища. Но поблизости на левой стороне Угры несколько курганов в мое время еще были целы (хотя, как водится, и попорчены ямами кладоискателей).

Об Угре я могу говорить неограниченно долго. Мне часто и до сих пор снится, что я в Желанье и собираюсь пойти на Угру и за Угру... но тут сон обрывается. Я счастлив, что мне удалось в статье, посвященной роли Угры в истории России (“Природа”, 1980, № 9) подтолкнуть калужан организовать на Угре национальный парк. Об Угре после войны постараюсь еще написать отдельный очерк.

Если в жаркие летние дни мы, ребяташки, “пропадали” на Угре, то в прохладную погоду или вечерами местом нашей активности была площадь перед церковью. Наша компания состояла кроме меня еще из детей отца Павла – Игоря, Вали и Гали, иногда дочери соседа Лиды (она была заметно моложе прочих), а когда в Желанье жила и семья дяди Пети – то с нами играл его сын Боря. Другой его сын, Костя (“Котик”) чаще уходил играть с сельскими ребятами за Желонку. Играли в лапту, салочки, прятки. Нередко также и в “самогонщиков”.

Игра в самогонщиков заключалась в том, что одна сторона (самогонщики) запрятывала какую-нибудь бутылку, а другая сторона играющих ее пыталась найти. Правда, в конце 20-х годов эта игра стала менее актуальной, поскольку законной водки в магазинах появилось в достатке.

Дома я очень любил играть в карты и с этим приставал особенно к бабушкам. А зимой, кажется 1928–29 года, когда я оставался в Желанье с бабушками, без родителей, я очень любил заводить граммофон, уцелевший у бабы Поли от деда Ивана; так я познакомился с очень хорошим оперным и песенным репертуаром (ведь дед Иван любил все добротное – соответственно этому был и его набор пластинок).

В доме Скворцовых сохранились разрозненные домино и лото в виде маленьких бочончков с номерами. Поскольку они были разрознены и по назначению уже не использовались, я их приспособил к игре во время плохой или холодной погоды. В зале на полу “доминошники” и “бочёны” образовали два государства, которые имели свои города, а между собой – границу, где постоянно случались стычки. Однако картину расположения войск нарушала баба Катя, которая поздно вечером и рано утром приходила с лампой смотреть на градусник за окном; в темноте ногами всё сбивала с места.

Читать я научился очень рано, теперь уже не помню, в каком возрасте.

Но года два со мной занималась баба Катя. У нее был большой опыт: она еще в дореволюционные времена занималась с детьми, хотя учительницей и не была. Она обучала меня арифметике, грамматике, русской истории, Закону Божию. Это мне все давалось очень легко, трудности были только с географией: я никак не мог понять, что такое Среднерусская возвышенность и не мог запомнить названия губерний. Так как учебники у бабы Кати были еще дореволюционные (напр., курс русской истории Иловайского) и вообще дома из множества книг еще преобладали дореволюционные, я освоил как новую орфографию, так и старую, с ятем, і “десятиричным”, твердым знаком и старым склонением: “белого” и “синяго” вместо “белого” и “синего” и “оне” в женском роде вместо “они”. Наверно, и сейчас я мог бы написать диктант в старой орфографии почти без ошибок. Баба Катя научила меня действиям с простыми дробями, но не научила дробям десятичным; и это было в Москве главной причиной, почему меня не взяли в 5-й класс, а взяли в 4-й.

Когда мне было лет 8–9, мой отец обратил мое внимание на различия между травами и подарил книгу Маевского (в издании 1902 г.), позволявшую растения определять, т. е. узнавать их названия. Папа сам в гимназические годы занимался собиранием и определением растений, и у него был гербарий листов в 80–100, с современной точки зрения, конечно, не очень хорошо оформленный, но для меня тогда очень интересный. Он и заложил во мне то зерно интереса и любви к растениям, которое проросло в 1938 г., когда я сам начал собирать гербарий – уже по всем правилам, вычитанным в надлежащих руководствах.

Мой отец хотел специализироваться по неврологии и психиатрии. В связи с этим наше обитание в Желанье два раза по зимам прерывалось. Первый раз мы выехали в 1925 г. во Владимир, где папа стал заведовать “нервным” отделением. Второй раз, на следующий год – в Рязань, где он работал уже как психиатр.

Во Владимире мне было 5–6 лет. Мы приехали во Владимир осенью, и сначала жили на частной квартире, помню название улицы – Троицкая-Подгорная, имя хозяйки – Мета Генриховна, немка. Потом папе дали 2 комнаты в доме врачей в психиатрической больнице.

Как-то поздней осенью я с папой был в городе, и ему надо было по какому-то делу зайти в начальственное здание; меня он с собой не взял, велел подождать его на улице. Но он сильно задержался, а уже темнело. Мне стало скучно и беспокойно, я решил пойти домой один. Но как-то забыл, что мы переехали, и пошел по старому адресу, и только уже почти дойдя, вспомнил, что мы переехали, и пошел теперь как надо. Но папа тем временем вышел на улицу, меня не нашел и бросился на извозчике меня искать. Я уже был на полпути к дому, когда он меня нашел. Теперь мне

очень трудно оценить тогдашние расстояния: что тогда казалось далеким, теперь представляется совсем рядом.

Дом, где мы жили во Владимире, был одноэтажным и находился рядом с городской тюрьмой, буквально под ограждавшей ее высокой кирпичной стеной; раза два в день вдоль стены проходили солдаты-охранники. Заключенных обычно водили в суд и из суда пешком, под конвоем с саблями наголо. Другим развлечением было прохождение (тоже пешком) весной – из города в лагерь, а осенью – обратно в город местного гарнизона с играющим на ходу оркестром.

Когда папа бывал дежурным, я вечером ходил к нему в отделение. Там можно было помыться и посмотреть на разные души и электрические приборы, которые тогда входили в моду как средства “физиотерапии”.

Помню, что во Владимире я познакомился с такими новыми для меня угощениями как сыр и пирожные. Их мама покупала в лавочке недалеко от Золотых ворот. И еще почему-то запомнилась темно-синяя половинка чайного блюда, которую я нашел под забором; она мне тогда очень понравилась. Но играть во Владимире было почти что не с кем.

Еще помню в городе “кремль” с высокой белой стеной, с воротами закрытыми наглухо – седалище политической администрации и рядом сквер “Липки”, на котором стояли постоянно закрытый Дмитровский собор и краснокирпичное здание музея. Впрочем, воспоминания от города перекрылись впечатлениями от посещений 1951 и 1980 года, о которых я скажу позже.

На следующий год папа работал в Рязани; мы с мамой приехали, как и во Владимир, поздней осенью. И тоже поселились в доме врачей, на верхнем (втором) этаже. От Рязани у меня осталось впечатлений почему-то меньше, чем от Владимира. Запомнил рощу за больницей, в момент когда листья уже почти опали, а на земле был ковер ландыша со зрелыми красными ягодами. И еще запомнил уходящий под снег снежнягодник (*Symphoricarpos*) с белыми ягодами.

В психиатрической больнице было и детское отделение. Некоторым детям из него разрешалось свободно гулять по территории больницы, и я с ними свел знакомство. Из местных врачей, кажется, только у одного был сын близкого ко мне возраста, но он был маменькин сынок и содержался под строгим контролем, я с ним почти никогда не играл.

Очень врезалось в память, как в весеннее половодье я был с папой в “кремль” - на соборном холме над р. Трубеж. Половодье подступало прямо к самому собору, вся широкая луговая полоса от “кремля” до Оки была залита водой, и другого берега Оки совсем не было видно.

Вот, пожалуй, почти все, что сохранилось в памяти от пребывания в Рязани. Однако с того времени Рязань перестала для меня быть чем-то неве-

домым, и это сыграло свою роль при окончании медицинского института, когда мне срочно надо было выбрать место направления на работу.

Когда мне было лет 6 или 7, папа на 2–3 дня ездил в Москву и взял меня с собой – поглядеть на Москву. Остановились мы у дяди Пети на Новослободской улице, в доме, тогда известном как “дом Курникова” (как я с удивлением узнал в 2005 году, это название еще живет у местных жителей). В бывшей просторной квартире дядя Петя занимал 2 комнаты – по тем временам для Москвы это было совсем неплохо.

У дяди Пети была знакомая, служившая в Кремле, и она взялась туда меня сводить. Конечно, меня поразили и царь-пушка, и царь колокол, но более всего – обилие разложенных рядами стволов наполеоновских пушек. В соборы тогда доступа не было, но был еще цел памятник Александру II, хотя фигура самого царя была удалена. Этот памятник я уже знал по красивой книжке, оставшейся от деда Алексея, и с интересом разглядывал находящиеся в нем изображения царей.

Все это было очень интересно. Но когда меня потом спросили о моих впечатлениях, я ответил, что “там – хорошо, но папа сказал, что будет еще лучше, когда прогонят большевиков”. К счастью, эти слова не дошли до какого-нибудь “большевика”, а то бы нам всем не сдобровать.

Осенью 1929 г. в деревне “запахло” коллективизацией. В предвидении ее мужики начали резать скот, чтобы хотя бы съесть мясо самим, а не отдавать скотину в колхоз. В наших деревнях почти не было настоящих кулаков, поэтому те, у кого было 2 лошади, по нашим масштабам уже были “кулаками” и подлежали раскулачиванию и выселению. Но таких было мало, а коллективизация требовала результатов – жертв. Поэтому бабу Полю выслали из Желаньи, поэтому отобрали и наш старый дом. Еще через 2–3 года началась кампания за ликвидацию наследия П. А. Столыпина – хуторов. Их в наших краях было совсем немного, но в них и после коллективизации сохранялись хорошие дома, да и их жители как-то оставались в стороне от идеологического надзора. Комсомольские бригады приезжали на хутор и, не спросив хозяев, разрушали печь и крышу. Переселяйтесь в колхозную деревню. А где и как людям пережить ближайшую зиму – это никого не волновало.

Церкви массово закрывались, а очень часто и разрушались, священнослужители арестовывались и отправлялись в концлагеря, а часто и расстреливались, а уж высылались – во всяком случае. Выступать сторонником религии считалось почти за антисоветчину. В городах были введены продовольственные карточки, но плохо стало с продовольствием и в деревнях (а на Украине в 1931–33 г. был настоящий жестокий голод).

В результате всего этого деревня в 1930–34 годах была как бы в состоянии оглушенности, люди подавлены и насторожены, со страхом

ожидая новых передряг и бед и не зная, откуда их ждать. Из деревень началось настоящее бегство в города, где шла усиленная индустриализация.

В газетах было много сообщений об антиколхозных и кулацких выступлениях в разных местах. У нас таких происшествий не было, народ был вполне покорным.

В Желанье папа каждый день до обеда принимал больных: в старом доме – в столовой, а летом и в светелке; в доме бабы Поли – в передней холодной избы. Обычным гонораром был десяток яиц или комок домашнего масла. В годы после коллективизации это составляло немаловажную ценность. Мама старалась экономить, и к осени мы привозили с собой в Москву бидон топленого масла и сотню-полторы яиц. Все это стояло на холодной лестничной площадке и (теперь это себе представить трудно) не разворовывалось и не повреждалось. Благодаря этому, а также потому, что картошка все-таки была, мы прожили трудные годы, не голодая.

Но, несмотря на все человеческие беды и бури, лето оставалось летом, Угра – Угрой, и родные окрестности – такими же родными.

III. Москва. Школа и медицинский институт

Осень 1929 г. и год 1930 принесли мне и всей нашей семье несколько важных событий. Отец закрепился в клинике В. А. Гиляровского, которая принадлежала в своей специальности к высшему разряду. Наша семья поселилась в Москве – хотя и в весьма посредственных условиях, но, очевидно, прочно. Я поступил в школу. Домашним образованием стало у меня изучение немецкого языка. Летом 1930 г. мы жили уже в бывшем доме бабы Поли, который у нее отобрали и предоставили папе взамен отобранного у нас старого дома деда Алексея.

Тем же летом 1930 г. я переболел тяжелым нефритом. Еще до отъезда в Желанью, в Москве я перенес скарлатину, после которой мы сразу уехали, а тотчас по приезде в Желанью я сразу слег. Пик болезни развернулся очень быстро, а выздоровление шло очень медленно. Целый месяц я пролежал, а потом весь остаток лета был во всем ограничен. Но все-таки выздоровел, хотя склонность к повышению кровяного давления осталась, и уже когда мне было за 70, некоторые врачи мне говорили, что моя гипертония – это наследие нефрита.

Отец поступил на работу в клинику 2-го Медицинского института, которую возглавлял В. А. Гиляровский и которая помещалась в конце Донской улицы близ Донского монастыря, в 1928 г. Раньше здесь была частная психиатрическая больница доктора Н. Н. Баженова. Около года папа ютился в полупроходной полуподвальной комнатке на частной квартире, потом ему дали комнату в общежитии сотрудников больницы. В конце лета 1929 г. и мама с нами детьми сюда приехала. Комната была на

втором этаже деревянного дома. На 7 жилых комнат была одна кухня и один туалет; правда, семьи были небольшие: от 2 до 4 человек. Наша комната была на углу дома, и в ней было 2 окна. Дом был старой постройки, теплый, отопление печное. Во дворе был маленький индивидуальный сарайчик для дров. Устроились, как могли. Из Желаньи привезли часть мебели и в качестве единственной ценной вещи – пианино (которое, впрочем, фактически стояло без дела).

До сих пор помню планировку комнаты. В ней стояли 3 кровати: мамина и нас детей. Папа спал за плательным шкафом на сундуке, к которому на ночь приставлялось неуклюжее специально сделанное по высоте сундука “стуль”. На день его ставили в промежутке между обеденным столом и пианином. На нем обычно сидела Женя. Над местом “стула” висел план Москвы 1927 года; еще на стене висела только небольшая черно-белая репродукция “Видения отроку Варфоломею” Нестерова. Пианино стояло у глухой стены, на нем были папины книги; из них хорошо помню 5-томную немецкую историю искусств, которой папа очень гордился, и два немецких же тома с репродукциями Рубенса и папиного любимого Дюрера. Затем у той же глухой стены стоял небольшой шкафчик с посудой и иным хозяйством, а за ним, уже близ входной двери – мои книги, сложенные стопкой. Еще в комнате было 3 стола: два совсем маленьких стояли у окон, а побольше – обеденный – почти посреди комнаты.

Вокруг дома был дворик, частично даже поросший зеленой травой, и еще одноэтажный дом – переделанный из хозяйственного в жилой. В целом дворик очень напоминал известную картину Поленова “Московский дворик”. Стирки тогда были еще домашние, и белье сушили на веревках на улице. И еще во дворе была большая помойка, которая, правда, регулярно чистилась, вообще содержалась в порядке. В порядке были и территория двора, и улицы, и переулки, к которым выходила больница. Дворник Вавила был в этом отношении очень строгим. Зимой тротуар всегда был у него вычищен и посыпан песком.

Так как в нашей комнате было 22 кв. метра, т. е. более 5 кв. метров на душу, претендовать на какое-либо лучшее жилье мы не могли. Поступив на работу в Москве, отец тотчас вступил в жилищный кооператив. Но уже с 1930–31 г. деньги стали обесцениваться, и кооператив “накрылся”.

Мы прожили в этой комнате 12 лет. Но нашим настоящим домом все эти годы оставался дом в Желанье, в котором мы каждый год проводили 1.5–2 месяца. Все-таки в нем не тесно, нет постоянно перед глазами посторонних людей, есть огороженный участок земли, на котором растет картошка и кое-что еще, и Угра рядом, и кругом все с детства знакомое.

В школе № 38, в которую меня определили, мне устроили экзамен по основным предметам. Оказалось, что я подошел бы для 5-го класса. Но я

не знал десятичных дробей, лет мне было всего 9, и меня определили в четвертый. Вела класс симпатичная, в меру строгая учительница Елена Петровна. Прозанимавшись зиму, я нового усвоил мало, но к школе привык.

С пятого класса начинался уровень средней школы, и уроки вели преподаватели по предметам. И тут начался хаос введения новых “прогрессивных” методов обучения. Сперва был какой-то один “метод”, потом появился “бригадный”: за один стол садилось 5–6 учеников, “бригада”; кто что-то знал – отвечал учителю, остальные хлопали ушами. Определенных учебников не было, вообще учебников не хватало.

Кутерьма “прогрессивных методов” продолжалась для нашего класса 3 года: пока я был в 5–7 классах (а для других возрастов соответственно дольше или короче). Дисциплина резко упала; школа фактически оказалась на грани полного развала.

Но безобразия, творившиеся в школе, дошло, наконец, и до “верхов”, и наступил крутой перелом. По “личному” повелению мгновенно все переменялось, и в 8 классе у нас уже были в достаточном количестве стабильные учебники, определенные программы и испытанный “старорежимный” порядок в школе. Так что за 8–10 классы было не только усвоено новое, но и более-менее наверстано упущенное за 5–7 классы.

Независимо от школы, я дома занимался немецким языком. Папа нашел очень хорошую учительницу Любовь Евгеньевну, которая жила совсем близко от нас и каждый день приходила ко мне на 1 час. Она была русская, и немецкое произношение у нее было не без недостатков (после мне немцы говорили, что у меня произношение “остзейское”), но она была очень педантичной и строгой и задавала мне еще задание на час самостоятельной работы. В результате я за 2 года прилично освоил немецкий. До сих пор помню наизусть, какие предлоги в немецком требуют какого падежа. Так, предлоги *an, auf, hinter, neben, in, uber, unter, vor, zwischen* могут требовать как дательного, так и винительного падежа. Другие предлоги требуют только дательного, только винительного или только родительного падежа. (Должен признаться, что с употреблением английских предлогов у меня подобной уверенности до сих пор нет). Все школьные годы я продолжал заниматься немецким, но уже не столь интенсивно.

А в старших классах папа прибавил мне еще и английский. Здесь учительница Мира Францевна была не очень строгой и не очень интеллигентной, но она была прирожденной англичанкой и сразу мне поставила правильное (как потом мне говорили – оксфордское) произношение. Другая учительница английского, Софья Эммануиловна Мамонова, была старой интеллигенткой, жила в арбатском переулке Сивцевом Вражке, куда я к ней ездил, и была тем замечательна, что хорошо знала Льва Толстого и была вхожа в его семью (“Сонечка Мамонова”

упоминается и в известных мемуарах Т. А. Кузьминской). Но много расспрашивать ее про Толстых я считал неудобным.

Мою сестру Женю папа не стал учить ни немецкому, ни английскому. Для нее он нашел француженку madame Blanche, очень пожилую, жившую около зоопарка в коммунальной квартире. Хотя она была замужем за каким-то русским мелким служащим, она по-русски почти не умела говорить и вообще была мало образована; своих детей у нее не было, но с чужими она умела общаться очень хорошо. Своих учеников, живущих в разных концах Москвы, перезнакомила друг с другом и устраивала общие вечеринки. Она считала, что и мне надо обучиться французскому языку и что у меня уже “готово ухо” к этому (oreille pret). Пожалуй, когда я уже после войны изучал французский, у меня действительно было уже готовое французское произношение.

Моя школа была расположена на Большой Калужской улице (теперь это Ленинский проспект), и по ней ходил трамвай № 7 до Воробьевых гор, и мы, школьники, часто туда ездили играть в футбол. Я играл неважно, но игра мне нравилась; нравилось именно самому играть, а не смотреть. И сейчас я считаю, что лучше быть самым слабым игроком, чем самым классным болельщиком. И еще: благодаря трамваю, вся молодежь с Воробьевки училась в нашей школе. В частности, я очень сдружился с Игорем Редлихом. Отец его был немец, а мать – русская; сам Игорь считал себя немцем, но немецкий знал хуже меня. Я у них бывал и дома; тогда вдоль Воробьевского шоссе стояли небольшие дома с небольшими садиками, в которых разводились и кое-какие овощи. К сожалению, Игорь как-то забросил свое обучение, а в начале войны всю их семью выслали куда-то на Урал как немцев.

В школе, в 7–8 классе я испытал и первую любовь. Зина Маркова училась в том же классе, что и я, но до поры она была для меня просто симпатичной, румяной девочкой, но потом вдруг... Мы с ней ходили даже в театр, но как-то я не чувствовал достаточной взаимности, и постепенно остыл.

Когда я был уже в 10 классе, наступило возрождение танцев. До той поры “западные” танцы считались “буржуазным пережитком”, допускались только народные пляски, и в общественных местах, и особенно в школах, танцы были просто запрещены. Этот запрет наконец прорвался.

Очень неприятный осадок остался от того, что нас школьников заставляли голосовать за одобрение смертных приговоров всяким “антисоветчикам” и “наймитам буржуазии”, “врагам народа”. Какое собственное мнение мог иметь школьник 10–12–15 лет? Но нужно было показать “единодушное одобрение всего советского народа”.

Я чувствовал несовпадение моей интеллигентской закваски с настроениями и интересами большинства моих школьных товарищей.

С одной стороны, меня мучило стремление “быть как все”. Но “все” проводили время в бесцельном брожении по улицам (тогда еще не было слова “тусовка”: тусовка была только у колоды карт). И хотя такое брожение было по сути скучно и никчемно, я старался “быть, как все”.

Еще несколько воспоминаний из довоенной жизни в Москве.

Весной и осенью в Москве мы с мамой или с папой ходили гулять по ближним окрестностям, а часто я и один ходил. Ближайшим интересным местом был Донской монастырь. Большой храм был на положении музея, мы раза 2 были в нем. В остальном монастыре сделали кладбищенский музей; кроме надгробий людей, похороненных в самом монастыре, сюда свозили еще и надгробия из других московских кладбищ, предназначенных к ликвидации. Здесь же были скульптуры Триумфальных ворот, которые стояли когда-то около Белорусского вокзала, но потом они стали “мешать уличному движению” и были снесены. (Тогда и многие другие памятные исторические сооружения были снесены по той же причине, например, Сухарева башня, стена Китай-города, великолепный храм Успения на Покровке и т. д. Впрочем, для сноса церквей придумывались и другие аргументы). Достопримечательностью Донского монастыря была и старинная небольшая церковка Тихвинской Богоматери, в которой был похоронен патриарх Тихон.

Наверно, в течение 2 или 3 лет в теплое время года, когда невозможно было не открывать окна, меня допекало радио. Репродуктор большой мощности был установлен на здании соседнего завода “Красный пролетарий” и как-раз был направлен в сторону нашего дома. Но поделаться ничего было нельзя. Радио на улицах считалось важнейшим средством культуры, а реально – средством идейной агитации, и было неприкосновенно еще даже и в послевоенные годы.

Не столько мешали, как внушали тревогу залпы из ружей или пулеметные очереди, слышавшиеся на рассвете или поздно вечером. Говорили, что это упражнялись в стрельбе учащиеся политических курсов, находившихся за Донским монастырем, близ крематория. Но время казалось как-то неподходящим. А впоследствии близ крематория обнаружили место массовых расстрелов. Что означали слышавшиеся выстрелы – я так и не знаю.

Запомнились похороны В. В. Маяковского. Вся Донская улица была заполнена народом, так что официальная, казенная часть процессии даже совсем где-то затерялась. Чувствовалось, что публика очень эмоционально заряжена. Но я был еще мал, чтобы присоединиться к процессии и ее эмоциям.

Незадолго перед войной в свободной продаже появились ткани. (До того всю одежду приходилось шить из каких-то старых запасов или как-то перелицовывать. Готового платья практически в продаже не было, да и ткани только изредка по ордерам). Почти против нашего дома, в маленьком

переулочке открылся магазин. Очереди устанавливались с вечера, и на расвете шла проверка: не выбыл ли кто. Причем в одни руки давали только 5 или 6 метров. Мама и я выдержали ночь и купили материи на целых 4 рубашки!

В старой Москве существовали публичные туалеты. Так, Калужская (ныне Октябрьская) площадь когда-то была круглой, ограниченной кольцом двухэтажных домов с подворотнями, а середину площади занимал такой же круглый сквер, а в сквере был общественный туалет – закрученная спирально стенка в рост человека. Такой же в точности был и на такой же круглой Серпуховской (ныне Добрынинской) площади. В период реконструкции в 1930-х годах скверы и туалеты снесли, но взамен стали появляться подземные. Такой подземный появился и в сквере у Донского монастыря. Он же, очевидно, должен был служить в случае нужды и бомбоубежищем.

Я кончил школу “с отличием”. Это давало право на поступление в вуз без экзаменов. Но я еще не созрел до понимания собственных задатков и интересов и выбрал свою “семейную знакомую” – медицину. В институте я учился хорошо. Но здесь политический надзор и гнет были гораздо более строгими, чем в школе. Да и эпоха наступила страшная: 1937–38 годы вошли в историю нашей страны как период самых жестких, самых неоправданных, самых губительных репрессий. Конечно, жертвами чаще оказывались люди, занимавшие какие-либо видные посты, или вообще чем-либо выделявшиеся, однако уверенности в завтрашнем дне не мог иметь никто. У нас в доме за стеной была лестница на наш этаж, и было слышно, когда по ней кто-то шел. И по ночам мы со страхом прислушивались: не идут ли по нашу душу. К счастью, не пришли.

На курс было набрано 800 студентов. Столько не могли сразу вместить имевшиеся аудитории. Поэтому курс был разделен на 2 потока; в каждом потоке было 14 групп примерно по 30 человек в каждой, а для некоторых лабораторных занятий (потом и для занятий в клиниках) группы еще подразделялись на 2–3 части. Слабым местом нашего института (как, впрочем, и многих других вузов) была разбросанность его частей по Москве. Первые курсы еще помещались в близких (хотя и отдельных) зданиях, но с третьего курса приходилось ездить уже в разные концы Москвы. (И что характерно: когда я был на 50-летнем юбилее нашего выпуска в 1991 г., то узнал, что эта раздробленность не сократилась, а скорее усилилась благодаря постройке новых зданий на южной окраине Москвы.

Первые 2 курса были общими для всех, но с 3 курса педиатрический (детский) факультет отделялся от “лечебного”. В 1-ом Медицинском институте существовал еще санитарно-гигиенический факультет, но у нас его не было. А когда в 1939 году сильно запахло войной, у нас организовали военный факультет и очень агитировали мужчин туда переходить:

все равно войны не избежать, так хоть к ней лучше быть готовым.

Студенты были из всех краев СССР, самых разных национальностей, очень разных возрастов (до 35 лет) и разной степени образованности. Очень много было из окончивших различные средние медицинские училища, типа сестринских или фельдшерских; поскольку наш декан факультета покровительствовал спорту, было много спортсменов; соседняя с нами 28 группа была целиком набрана из спортсменов разного возраста. На нашем курсе, в частности, учились знаменитые бегуны братья Знаменские. На нашем же курсе учился альпинист Олег Газенко, который позже возглавлял Институт космической медицины.

Первые 2 курса были посвящены нормальному человеческому организму: анатомии, физиологии, гистологии (микроскопической анатомии), начаткам физики и общей химии, и несколько детальнее – химии аналитической и еще более детально – биохимии. Были также курсы латинского и немецкого языков, но очень слабые. Высшим достижением было знать наизусть “Gaudeamus”. Более важным для меня (как я понял только потом) был курс общей биологии, который читал весьма сведущий профессор Л. Я. Бляхер.

Гистологию очень интересно читал Б. И. Лаврентьев; у него кроме обширности знаний, явно был и лекторский талант. Кафедрой биохимии заведовал Б. И. Збарский, ведущий биохимик лаборатории Мавзоля Ленина, представлявший СССР и в международных организациях здравоохранения. Однако сам он читал лекции редко, но и его доценты читали неплохо. Наоборот, кафедра физиологии во главе с Л. С. Штерн мне показалась невыносимо скучной и неинтересной, а основной рекомендованный учебник – маловразумительным.

На третьем курсе очень важным, но и особенно скучным и нудным предметом была фармакология. Ее читал мой однофамилец профессор В. И. Скворцов. Помню, как он демонстрировал ядовитость никотина. Пойманному уличному воробью окунали нос в никотин и тотчас отпускали. Он, конечно, устремлялся к окнам, но не долетал до них, а падал мертвым среди аудитории. Любимой лекцией профессора была лекция, посвященная алкоголю, он тут буквально разливался соловьем – и, конечно, допускал употребление алкоголя, но только “при необходимости” и “в меру”.

Микробиологию читал недавно вернувшийся из Франции профессор Н. Ф. Гамалея – человек очень почтенного возраста (лет, наверно, 90), хорошо помнивший И. И. Мечникова и работавший с ним в институте Пастера. У него была любимая шутка: Если его фамилию принимали за женскую, то он отвечал: “Я сейчас, конечно, уже не мужчина, но женщиной я никогда не был”.

Начиная с 3-го курса, почти все предметы были уже посвящены больному организму и его лечению. Большинство занятий проходило в клиниках, как я упоминал, разбросанных по Москве. Правда, пожалуй, половина их была на Б. Калужской улице в 5 расположенных там больницах, что было недалеко от моего дома.

Но скоро оказалось, что клиники не очень захватывают меня. Мой главный интерес поглотила гистология – в значительной мере, конечно, благодаря обаянию Бориса Иннокентьевича Лаврентьева. Со 2-го курса я начал приходить на гистологический кружок, а затем взял и предложенную мне исследовательскую тему: периферическая нервная система надпочечников при кори.

Для успешного исследования периферических нервов необходимо было сперва освоить методику их выявления путем серебрения, а дальше – добывать необходимый материал. При кори смертность невелика, но все-таки есть, и в детской больнице мне нужный материал добыть было не так трудно. Сложнее было с контрольным материалом – надпочечниками здоровых детей; понятно, он мог быть получен только от погибших в несчастных случаях. Это было очень тяжело психологически. – Но такова специфика медицинского исследования. Я не мог много времени уделять этой работе, и первые интересные результаты – дегенерация нервных волокон при кори – были получены уже, когда я был на 5-ом курсе.

После 4-го курса у нас была двухмесячная практика в рядовой районной больнице. Нашей группе в 10 человек досталось Завидово (между Клином и Тверью). Там мы присутствовали при работе тамошнего опытного врача или чаще сами принимали больных под его контролем. Только что было образовано Ивановское водохранилище (тогда называвшееся Московским морем), и во-всю свирепствовала малярия. В Завидове даже была создана малярийная станция для борьбы с комарами в природе. А у нас буквально каждый день на приеме было по 1–2–3 человека, заболевших малярией. Больным мы прописывали в основном акрихин, отчего они желтели. В целях профилактики я принимал хинин, и в Завидове не заболел.

Вторым по частоте случаев был аборт. Тогда существовал законодательный запрет на аборт, но местные женщины, конечно, плохо береглись от беременности и в результате прибегали к разным небезопасным приемам ее прерывания. С кровотечением являлись на прием. Приходилось делать чистку матки, трактуя происшедшее как “несчастный случай”. Таких “несчастных случаев” было слишком много, чтобы заводить какие-либо судебные дела. Если только не случалось осложнений.

За 2 наших месяца было-таки 2 случая, когда без судебного дела обойтись было уже нельзя. Один раз было простое убийство: перерезали горло бритвой. Второй раз принесли на прием мертвого почти годовалого младенца. Будто

бы неизвестно, от чего умер. Однако при тщательном осмотре был обнаружен прокол головы в родничке – вероятно, вязальной спицей.

В медицинском институте было много симпатичных и привлекательных девиц и поначалу довольно мало замужних. На 4–5 курсах очень многие выходили замуж, чтобы успеть забеременеть до получения диплома и тем избежать “распределения” в какую-нибудь глухомань. Я все эти 5 лет о женитьбе не думал: во-первых, мне еще было мало лет (к окончанию института мне был 21 год). На всем нашем курсе была только одна мне ровесница – Роня Розенфельд – симпатичная и очень неглупая девица, с ней у меня были дружественные отношения – но не более. Я был поглощен своими развивающимися интересами, постепенно освобождаясь от синдрома “быть как все”; иначе говоря, был занят поисками самого себя. Перспектива поступить в аспирантуру на кафедру гистологии выглядела вполне реальной.

В поисках самого себя мне очень помогло знакомство с Катей (Екатериной Алексеевной) Фадеевой, студенткой соседней группы. Я как-то сразу почувствовал к ней не только симпатию, но и какое-то душевное влечение. Но я и с самого начала понимал, что претендовать на что-либо большее я не могу. Катя явно уже нашла самую себя, и я в этом смысле оказывался на ступеньку ниже. Кроме того, она при всяком знакомстве сразу заявляла, что у нее есть жених – художник Коля Клинцов, который еще служит в армии; стало быть, и не пытайтесь стать ближе. Но судьба распорядилась иначе. Катя вышла замуж за другого. А Клинцов, как мне рассказывали, в войну уцелел, стал скульптором, и фигуре на монументе военным медикам-женщинам придал лицо Кати Фадеевой.

Теплые и сердечные отношения у нас сохранились на всю жизнь. Не раз я бывал у Кати и дома; она жила со своей теткой княжной Софьей Сергеевной Урусовой в Мертвом переулке, прямо напротив тогдашней резиденции патриархии. Родители ее давно умерли, только портреты их висели на стенах. С Катей можно было говорить откровенно и советоваться о чем угодно, даже легче, чем со своими родными.

Она ушла на педиатрический факультет, а по окончании института была направлена в Елатьму, где вышла замуж за местного врача-хирурга. Когда он был мобилизован, поехала с ним в действующую армию. В конце войны вернулась и родила дочку. Увы – сама заболела туберкулезом, и девочка прожила недолго. Подлечившись, работала в детской тbc больнице. Но судьба нанесла ей еще один удар: ее муж, придя из армии, поступил в лабораторию Мавзолея Ленина. Из-за неприятностей по службе и семейных несчастий стал сильно пить... и повесился. Тем не менее Катя не сломилась духом и посвятила себя вытягиванию из отчаяния туберкулезников. Она умерла от рака в 1993 г.

У Кати была в одной группе с ней подруга Валя Шмелева – очень элегантная и, пожалуй, красивая и привлекательная особа. Она мне нравилась, но поближе сойтись с ней я опасался. Она была года на 3 старше меня, была замужем, но ее муж где-то пропал. И характер ее мне казался колючим (что потом и оправдалось: вскоре после нашей с Галей свадьбы мы были у Кати на Новый год. Валя сидела рядом с Галей и шепнула ей, будто я имел виды на Катю, но опоздал; я думаю, она хорошо знала о моих подлинных отношениях с Катей, но хотела подставить Гале шпильку). Впоследствии Валя стала видным глазным хирургом.

Из студентов-мужчин у меня особенно дружеские отношения были с Васей Сыченковым и Мосей (Моисеем) Вроно. Вася был родом из Тверской или Псковской области, простоватый, но очень искренний и доброжелательный. После войны он пошел по линии инфекционных болезней и был главным эпидемиологом, кажется, в Псковской области. Мося был из Москвы из интеллигентской семьи. Он хорошо учился и пошел на педиатрический факультет. Как-то во время войны, когда я служил в госпитале в Кирове, ко мне попал больной с записями д-ра Вроно; на пакетах всегда были адреса полевой почты, и мы с Мосей могли обменяться письмами. После войны он специализировался по детской психиатрии и рано скончался.

Несколько бывших студентов нашего курса образовали инициативную группу, которая через каждые 5 лет организовывала встречи выпускников 1941 года, так что мы могли узнавать о судьбах своих товарищей. С каждым разом нас оставалось все меньше. Последняя встреча была на 50-летний юбилей, в 1991 году, и на ней было уже видно, как сильно поредели наши ряды.

Уже после первого курса я осознал, что лечебная медицина меня мало привлекает, а все больше притягивает к себе ботаника. Поэтому на втором курсе я постарался ускоренно сдать экзамены с тем, чтобы застать в Желанье растения самого начала лета. К гербаризации я был уже готов: и начитался разных наставлений, и сделал по заказу пару гербарных сеток. Но к весне я все-таки не успел, и первым растением, заложенным мной в гербарий, оказался гравилат *Geum urbanum*. Собирал растения я не в папку, а в клеенчатую сумку, сперва их определял и затем только закладывал в пресс. Таким путем за первое лето я засушил не менее сотни растений; монтировал их на листы полуватмана уже зимой.

Второе лето добавило в гербарий другую сотню. В Завидове я тоже собирал растения, но немного; также и в Желанье после Завидова. А весенний сбор 1941 г. сделал только в Пушкине, под Москвой. Там жили баба Поля с тетей Ксеньей, и я часто бывал у них в гостях. Будучи в Пушкине и сидя над подготовкой к очередному госэкзамену – Истории КПСС – я услышал о начале войны.

На последнем курсе, в начале зимы, как-раз когда наша группа была в инфекционной клинике, я заболел какой-то болезнью – явно инфекционной, с высокой температурой, но непонятно, какой. Высокая температура была, пожалуй, единственным симптомом. Папа приглашал знакомого доцента из инфекционной клиники – но тот тоже ничего не мог сказать. Тогда папа из той же клиники пригласил нетитулованного, но зато опытного и внимательного врача – д-ра Орлеанскую. Она сделала то, что не догадались сделать мы сами: простукала мою селезенку и обвела на коже ее контур. Селезенка оказалась резко увеличенной. – Малярия! А дальше я пожелтел, и пошел понос. – Гепатит! Малярия, подхваченная в Завидове, оставалась скрытой (я профилактически принимал хинин) и была спровоцирована инфекционным гепатитом, волна которого как-раз бывает обычно в начале зимы.

С тех пор приступы малярии повторялись раз в 1–2–3 года после каких-либо непредвиденных резких охлаждений тела. Уезжая куда-нибудь из Москвы, я всегда брал с собой хинин. Окончательно пресечь малярию мне удалось только в 1997 году. Но и тут не обошлось без заковык и загадок. Я собирался ехать в Америку для работы над “Флорой Китая”. А хинин у меня кончился. Чтобы мне дали на него рецепт, я пошел в поликлинику Академии Наук во Фроловом переулке. Но там оказался настолько малограмотный инфекционист (которого рекомендовали как профессора), что не знал о существовании хронической малярии и рецепта мне не выписал. Я, конечно, купил на Никольской в центральной аптеке какое-то средство против малярии, но от академической поликлиники остался неприятный осадок (потом были поводы для еще большего недовольства ею). А в Америке, где я жил на частной квартире, хозяйка-китаянка мне подарила китайские таблетки с препаратом, изготовленным из *Artemisia annua* – обычного сорнячка, растущего у нас на юге. Им пришлось воспользоваться там же, в Америке, и я сразу почувствовал, что малярию, сидевшую во мне больше 50 лет, “как рукой сняло”. Но потом ни в России, ни в самом Китае (где я был в 1998 г.) мне этого чудодейственного препарата больше найти не удалось. Впрочем, он и был больше не нужен.

IV. Война. Рязань и Киров

В июне 1941 г. у нас начались государственные экзамены. Всего их было, кажется, 7. Я сдал два экзамена; третий должен был быть по истории КПСС, и я уехал готовиться к нему в Пушкино, к тете Ксене и бабе Поле. И вот именно за этой знаменательной книгой и застало меня известие, что началась война. Я закрыл книгу до лучших времен и поехал в Москву. В институте было решено, что в ближайшие дни проставят за госэкзамены те же отметки, что были на курсовых экзаменах по предмету, и диплом в руки. У меня всюду были пятерки, и я получил диплом “с отличием”.

Аспирантура отпала, надо было выбирать, куда поехать врачом. По допризывному освидетельствованию из-за моей сильной близорукости я был признан годным только “к нестроевой” службе, поэтому можно было рассчитывать проработать, по крайней мере, некоторое время, в гражданском учреждении. Из имевшихся вакансий я выбрал психиатрическую больницу в Рязани – ту самую, в которой отец работал в 1926–27 г. и которая мне представлялась знакомым и вполне приемлемым местом. Уже в июле, я уехал в Рязань.

В больнице я быстро освоился с рутинной жизнью и перезнакомился с сотрудниками. Конечно, уже кое-кто ушел на фронт, но в общем жизнь текла еще близко к мирному времени. Однако быстро ухудшалось продовольственное положение, столовая для сотрудников закрывалась, по карточкам фактически был гарантирован только хлеб. А в октябре-ноябре военные действия подошли совсем близко к Рязани; артиллерийская канонада была слышна почти непрерывно. Готовились к приходу немцев. На специальном закрытом собрании объявили, что врачи все останутся на месте, общей эвакуации не будет. Будет образован подпольный партизанский отряд, который возглавит секретарь парторганизации больницы. К счастью, декабрьское наступление советских войск на подмосковном фронте отменило все наши приготовления.

Зима – весна 1941–42 были очень голодными; люди исхудали сильно, особенно городские. Кто имел связь с деревней – те выглядели более нормально. Мне предложили принимать приходящих больных, а если надо – то посещать по вызовам в соседних деревнях – Голенчине и Никуличах; плата за это была натурой – зерном. Кроме того, главный врач больницы сумел получить разрешение кормить врачей наравне с находившимися в больнице ранеными бойцами. Поэтому голод меня фактически не коснулся.

В Голенчине я был по вызовам только 2–3 раза, в Никуличах больше: село было большое. Никуличи остались в моей памяти как село с феноменально грязными, топкими улицами. Они были проложены по глинистым оврагам, и после дождей весной и осенью раскисали до полной непроходимости.

Еще меня обязали преподавать анатомию человека на курсах медицинских сестер, организованных при больнице. Рассказать всё по скелету было нетрудно. Но для показа внутренних органов надо было провести вскрытие трупа и для этого пойти в соседнюю общую больницу. Порядок вскрытия я хорошо знал, так как еще будучи студентом, не раз присутствовал при таковых. Но тут больница, предоставляя мертвое тело, требовала еще надлежащей документации и диагноза: пока этот человек был жив, не смогли установить, чем он болел. Так вот, и при вскрытии нигде причины смерти не находилось. И только буквально в самом конце обнаружился абсцесс

(большой гнойник) в мозжечке. Не хочу говорить о слушательницах: они были едва живы от впечатлений. Этот случай запал мне на память, и я его не раз вспоминал и рассказывал.

В первые 2–3 месяца жизни в Рязани я был соседом по лестничной площадке с врачом – испанцем Вилья-Ландо, эмигрировавшим из Испании. Он был женат на русской и говорил на ломаном русском. У меня появилась идея: выучить с его помощью испанский язык. Я выписал из Москвы очень хороший учебник и что-то успел освоить; правда, в произношении испанского двойного “л” (ll) я никак не смог добиться одобрения моего учителя. Когда осенью военные действия приблизились к Рязани, супруги Вилья уехали куда-то дальше на восток. Но учебник у меня сохранился, я еще немного его штудировал, и в результате могу читать элементарный испанский текст, например, письма, или мою ботаническую литературу. Благодаря этому (а еще и моему пребыванию в 1981 г. в Аризоне, где много испаноязычного народа), омексиканившийся коллега – поляк Rzedowski уже много лет присылает мне свой журнал *Acta botanica Mexicana*.

Ранней весной 1942 г. я съездил в Москву в качестве сопровождающего двух выписывавшихся больных – москвичей. Прибыв в Москву, я первым делом отправился отвозить больных по их домам. И как различно меня встречали в двух домах, мне врезалось в память. В обычной, довольно бедной квартире простого рабочего меня встретили как дорогого гостя, постарались угостить чаем и еще чем-то. У другого подопечного квартиры оказалась прекрасной – просторной, хорошо обставленной. Но меня здесь не то, чтоб чем-то угостить, даже не пригласили есть. Как я понял, хозяин квартиры заведовал мануфактурной секцией в каком-то универмаге и был в смертельной обиде на своего шефа, который не предотвратил его призыв в армию. Как различны люди, как отчетливо их разделение на классы – не только по состоятельности, но и по поведению!

Тогда я побывал и у родных – у Протопоповых (теперь тетя Шура была одна) на Новослободской и у Залесских на Плющихе. Все сидели с застывшим центральным отоплением и с маленькими “буржуйками”, для которых, чтобы истопить, нужно было топливо – а где его взять? Чтобы не обременять родственников, я взял с собой пузырек льняного масла и что-то вроде толочка и для еды себе делал холодную мешанину из обоих.

Весной и в начале лета я смог проделать из Рязани две экскурсии: в район станции Денежниково, где у одного нашего фельдшера были родные, и в Солотчу – поселок за Окой, где был раньше монастырь, а теперь целый набор санаториев и пионерлагерей. В обоих местах удалось повидать некоторые растения, до того мне неизвестные. Их я смог определить: у меня с собой были два определителя – для Московской области и для северо-восточных областей. Обе книжки были переплетены в одну, и она цела у меня и сейчас.

В конце лета 1941 г. в общей волне эвакуации мои родители приехали в Киров (Вятку). Папа устроился работать в психиатрической больнице. Дали и жилье: порядочную комнату на нижнем этаже двухэтажного деревянного дома. Но вскоре психиатрическую больницу выселили за город в ее же колонию для хроников, на место ее переселили городскую больницу, а помещение той – отдали под госпиталь. С питанием в первую зиму было плохо; и родители, и сестра Женья сильно похудели, но все-таки не до полной прозрачности. Отец начал прирабатывать в местной поликлинике так называемого “4-го управления” (а в просторечии – отделении “кремлевки” для местного начальства), и там иногда что-то перепало вроде пары пеклеванных булочек или банки сгущенки.

Поскольку родители осели в Кирове, у меня появилась мысль, к ним переехать. Но так просто уволиться из Рязани было невозможно. Был один путь – получить короткий отпуск за свой счет для посещения больных родственников, и я этим воспользовался. А в Кирове в госпиталях был дефицит врачей, и я смог устроиться в госпиталь № 1322. И уже не возвращаться в Рязань. Это было в конце лета 1942 г. До Нижнего Новгорода из Рязани я ехал на пароходе (К великому изумлению, на пароходе пассажиров кормили, притом бесплатно!). Пароход имел небольшую стоянку в Елатье, и я смог повидаться с работавшей там Катей Фадеевой. От Нижнего до Кирова я уже ехал поездом.

При приезде в Киров меня поразила особенная манера речи местного населения, особенно пожилых. Кроме того, что они отчетливо выговаривают “о”, казалось, что они перемещают в словах ударение, напр., “заготоввки”, говорят замготовки”, вместо “Скворцовь” говорят “Сквомрцов” и т. п. Вместо “ему” я часто слышал “имям”, вместо “на север” – “на ночь” и т. д. Сама интонация фраз была для меня необычной. Позже, уже после войны, я познакомился с архангельским говором, он очень похож на вятский. А еще позже, когда я изучал сербо-хорватский язык, я понял, в чем дело с вятско-архангельским: иная система ударения, нежели в средне-русском говоре; ударение не экспираторное, а тоническое: повышается или понижается тон речи. Как в языке сербо-хорватском.

В госпитале, в котором я стал служить, порядок был полувоенный: начальник госпиталя и комиссар были военнослужащими и ходили в армейской форме, все остальные оставались гражданскими лицами и ходили в своей штатской одежде. За исключением каких-либо авральных случаев, соблюдалась длительность рабочего дня, а также и выходные. Продовольствие было свое – по карточкам и весьма недостаточное. Но когда я был дежурным по отделению, то получал еду не в счет карточек. Еще очень помогло, что сестра из нашего отделения ездила в Рязань отвозить больного, и привезла оттуда почти пуд зерна – оплату за мою работу в

Никуличах. Еще пуд я заработал осенью 1943 г., съездив в колхоз на уборку урожая. В общем, мы прожили терпимо.

Сестра Жена окончила в Кирове школу и поступила в Кировский зооветеринарный институт, где проучилась 2 года. По возвращении в Москву она перешла в Медицинский институт, но там ей пришлось начать с первого курса (ведь в ветеринарном институте не изучали анатомию человека!).

Наше отделение госпиталя имело невро-психиатрический профиль, занимало небольшую 2-этажную школу на окраине города. Палатных врачей было трое: кроме меня еще А. В. Трейтер и К. И. Бессонова, обе коренные жители Кирова. Кроме них был еще начальник отделения. Почти одновременно со мной появилась д-р Матусова, которой удалось выехать из блокированного немцами Ленинграда. Ее назначили было начальником отделения, но неудачно: гонору и запросов было много, а толку мало.

Но через небольшое время, также из Ленинграда, приехал Ефим Соломонович Авербух, только что защитивший там докторскую диссертацию – человек лет 40–45, очень живой, здравомыслящий и доброжелательный. Он и стал нашим начальником отделения. У меня с ним сложились хорошие отношения; я уже после войны два раза навещал его в Ленинграде. Помню, я был у него как-раз во время последней кампании Сталина, направленной против “космополитизма”, а реально против евреев. Е. С. и тогда не терял чувства юмора и отметил, что у этой кампании есть и аргументы для публики: так, в Ленинграде 23 райздрави, и в 22 из них заведующие – евреи. Последний раз я встретил Е. С. в вагоне поезда Ленинград – Москва. Он ехал к своему сыну – тоже врачу, служившему в Твери. Позже сын уехал в Израиль, и сам Е. С. на старости лет уехал к нему.

В Кирове же в годы войны нашла приют Военно-морская медицинская академия, незадолго до войны созданная в Ленинграде. И в нашем отделении числилась психиатрическая клиника этой академии. Ее составляли профессор А. К. Ленц, доценты И. А. Фейгин и Н. В. Канторович и ассистентка С. С. Калинер. Не знаю, вели ли они какие-нибудь учебные занятия или же только иногда бывали у нас. В отделении активен был только И. А. Фейгин. У нас бывало довольно много больных с различными истерическими реакциями, в частности, с глухонемой после контузий. И Фейгин пытался – и часто с успехом – лечить их гипнозом или электрошоком.

В лучших традициях клинической медицины Е. С. Авербух устраивал семинары, посвященные отдельным заболеваниям. Тогда была особенно актуальна проблема военных психозов; многие случаи были шизофреноподобны, но это все-таки была не шизофрения. Как-то мне поручили прореферировать только что вышедшую книгу К. М. Быкова “Кора головного мозга и внутренние органы”. Е. С. даже советовал послать

реферат в “Журнал невропатологии и психиатрии”. Книга была действительно интересной, но меня поразила грубость методики: у животных просто отрезалась кора мозга. Помню, у нас выступал и что-то демонстрировал на кошке профессор Черниговский (но что – уже не помню), впоследствии академик. Как-то на семинаре разгорелся принципиальный спор между энергичным Авербухом и благодушным очень пожилым профессором А. К. Ленцем: в связи с каким-то случаем Ленц уверял, что “всё может быть”, а Авербух энергично возражал.

Мой отец, по старой желаньинской привычке, в выходные дни любил гулять на вольной природе. И я с ним ходил, а нередко и сестра Женя – в основном, конечно, по долине реки Вятки. Ходил я и самостоятельно. В пойме Вятки нередко встречались одиночные, обычно изуродованные дубы. Но за пределами долины реки господствовала ель. Гербарий, который я заранее, еще до моего отъезда, послал с одним выписывавшимся больным из Рязани, благополучно доехал, и в Кирове я его несколько пополнил.

В Рязани меня осенило, что для общего развития мне недостает математики. И я подал заявление на заочный математический факультет Саратовского университета. И еще в Кирове я продолжал усердно заниматься аналитической геометрией и начатками анализа, убил на это массу времени. Но в Кирове же стал понимать, что у меня не математический склад ума, и стал отходить от математики. Да и в госпитале от врача требовалось больше, чем в гражданской больнице.

В госпитале работали преимущественно женщины. В Кирове они не блистали особенной красотой, но мне очень нравилась практичность и ладность их внешнего облика и одежды. Зимой почти все были одеты одинаково: теплый платок, темное короткое пальто или ватная куртка, темная же юбка, а на ногах носки своей вязки и шубенки – короткие, теплые и мягкие сапожки из овчины, на улице на них обыкновенно надевали калоши. Летом одежда была разнообразнее, но всегда простая и практичная. А руки – чистые и мягкие, с остриженными неокрашенными ногтями. Такие по моему пониманию – подлинно женские руки – были и у мамы, и у моей жены Гали, и у многих моих сокурсниц в институте. А отращенные (а теперь еще и приклеенные) и крашеные когти всегда бросали меня в неприятную дрожь. Никогда не влюбился бы в женщину с такими когтями.

Судьбы моих родственников в войну сложились разны. Двоюродный брат Костя еще перед войной был призван в армию. Он сложил голову уже в 1941 г. под Смоленском. Боря, который был на 3 года моложе Кости, успел поступить на факультет восточных языков и почти 2 года изучал китайский язык, но в 1943 г. его взяли в воздушные десантники. А судьба таких людей была самая печальная: большинство их немцы расстреливали в воздухе. У поселка Угра стоит большой памятник десанникам. Думаю, что Боря

остался лежать там. Дядя Петя, получивший еще в период 1937–38 годов “101-й километр” – т. е. запрет жить к Москве ближе 100 км, устроился в Рязани, а потом уехал в какой-то совхоз, там завел новую семью, и тетя Шура осталась в Москве доживать одна.

Тетя Маня перед войной поселилась под Можайском. Ее муж, Георгий Васильевич, отбив по “раскулачивании” несколько лет в лагерях, после освобождения получил тот же “101-й км” и нашел работу на заводе медицинского инструментария в нескольких километрах от Можайска. Их застала немецкая оккупация, и после нее Г. В. опять попал в лагеря.

Тетя Ксения с бабой Полей, которые после выселения из Желаньи, устроились было в приличной комнатенке в одном из детских домов около ст. Пушкино под Москвой: тетя Ксения работала воспитательницей. Но осенью 1941 г. детдом эвакуировали на восток, в Челябинскую область. Вернулись в конце войны. – Тетя Лена все время оставалась в Москве.

Нашей местности война досталась горько. В продвижении к Москве осенью 1941 г. немцы ее заняли, в зимнее наступление 1941–42 г. их было отбили, но ненадолго; немцы скоро опять вернулись, окончательно их выбили в 1943 г.; тогда и был тот воздушный десант около станции Угра, в котором, как я думаю, погиб Боря Протопопов – такой был хороший, добрый, умный мальчик!

У нас, конечно, были и партизаны. Их возглавлял Петр Колбасов, ранее бывший директором районной МТС (машинно-тракторной станции). Но, как нам рассказывали после войны, активность его была направлена не столько против немцев, как на сведения счетов со своими. В конце концов немцы Колбасова захватили; он готов был им служить, но они не поверили и его расстреляли. Уходя из Желаньи, немцы намеревались сжечь село. Начали с нашего конца, т. е. с нашего дома. Но другой конец сжечь не успели.

V. Аспирантура. Институт цитологии

После победоносного завершения битвы на Курской дуге в конце лета 1943 г. правительство СССР предприняло широкий круг мер (отчасти даже беспрецедентных) для резкого подъема науки в стране. В частности, в Академии Наук была открыта аспирантура. По рекомендациям членов Академии абитуриентов отзывали даже из действующей армии. Б. И. Лаврентьев сначала мне прислал письмо, спрашивая о моих намерениях и возможностях, а вскоре затем я получил и телеграмму с грифом “правительственная”, на основании которой начальник госпиталя должен был меня отпустить. В конце 1943 года я приехал в Москву; мой двоюродный дядя Д. С. Ястребов любезно согласился, чтобы я жил на Плющихе у него. Поскольку у него была отдельная комната, остальные Ястребовы – Залесские не возражали. Через некоторое время в той же квартире, но в совсем маленькой комнатке поселились баба Поля и тетушки Ксения и Лена.

Они эту комнатку купили у П. Залесского, хозяина квартиры; я перебрался жить к ним. Хотя в комнатке было теснее тесного, мне больше простого ночлега ничего не было нужно. Под досками моей кровати лежала картошка, выращенная тетей Леной на выделенном ей огороде под Воскресенском.

Я уже освоился в знакомой мне кафедре гистологии и в библиотеках, когда Б. И. Лаврентьев скоропостижно скончался в феврале 1944 г. Но так как формально я был аспирант Института цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук и после смерти Б. И. Лаврентьева “достался” директору института и руководителю лаборатории гистологии Г. К. Хрущову. Соответственно изменился и профиль моей аспирантской темы: если Б. И. Лаврентьев интересовался исследованием периферических нервов, то Г. К. Хрущов – органами кроветворения. Григорий Константинович предложил мне тему по исследованию строения селезенки у рыб. Селезенка тогда еще была органом с мало известным значением: с одной стороны, она присутствовала у всех позвоночных, с другой – ее удаление не влекло за собой роковых последствий. В отличие от печени, никаких выводящих протоков у нее нет: входят в нее и выходят из нее только сосуды.

Но у меня была еще более широкая цель – использовать возможности аспирантуры для пополнения моего общего биологического образования. Проще говоря, пройти все основные общие предметы биологического факультета и специальные курсы ботаники. Я оформил поступление на заочное отделение биофака и первые 2 года аккуратно ходил на практикумы по зоологии и ботанике, а летом выезжал в группе заочников на биостанции университета в Болшеве и под Звенигородом. С третьего курса я не стал посещать предметы, которые я уже основательно проходил в мединституте: физиологию, биохимию, микробиологию, а также специально зоологические курсы и сосредоточился на ботанике: прослушал курс геоботаники В. В. Алехина и проработал практикум П. А. Смирнова по злакам.

Еще до войны, начав гербаризировать, я заходил раза 3 в университетский гербарий и познакомился с его куратором М. И. Назаровым. Во время войны Назаров уехал в Среднюю Азию и там скончался. Теперь гербарий был под присмотром П. А. Смирнова. Я скоро стал своим человеком на кафедре геоботаники и в гербарии. Помню, приносил В. В. Алехину показать свой гербарий, и он его очень похвалил. Еще помню семинары В. В. Алехина, на которых Т. А. Работнов и А. Г. Воронов докладывали первые результаты и дальнейшие планы своих докторских диссертаций. Теперь уже ни Алехина, ни Смирнова, ни Работнова, ни Воронова давно нет в живых.

Институт цитологии помещался в особняке на Воронцовом Поле (тогда это была ул. Обуха, а позже здание института отошло под индийское

посольство). Раньше он назывался Институтом экспериментальной биологии, но после смерти его организатора и директора Н. К. Кольцова переименован, и директором был назначен Г. К. Хрущов. Когда я пришел в институт, там еще был жив дух Кольцова, хотя личный состав, конечно, изменился. Основной определяющей деятельностью и лицом института была лаборатория генетики во главе с Н. П. Дубининым.

Остальные лаборатории были малочисленными; точнее сказать, это были небольшие группы, возглавлявшиеся учеными, имевшими уже определенный вес и известность. Как они числились официально – группами или лабораториями – по сути не имело значения. Таковы были группы Б. Л. Астаурова (позднее академика и основателя Института биологии развития), В. В. Попова (эмбриология), М. А. Пешкова (цитология бактерий), П. И. Живаго (хромосомная цитология), Г. А. Шмидта (ранний онтогенез), Л. В. Полежаева (экспериментальный морфогенез), Г. К. Хрущова (гистология). Две группы работали в институте временно, в силу военных обстоятельств: М. С. Навашина (кариология растений) и А. Н. Насонова (клеточная физиология). Перечисление длинное, но все группы были маленькие, и все люди очень разные. Атмосфера в институте была очень свободная, и каждый сотрудник мог пообщаться с каждым другим; все знали, над чем каждый работает, и у каждого складывалось определенное представление о каждом другом.

Самый общительный народ был в лаборатории генетики; с ними можно было поговорить и на общебиологические темы; я к ним частенько заглядывал. Но особенно дружеские отношения у меня сложились с Владимиром Владимировичем Сахаровым. Он был старше меня лет на 20, но у него был настоящий педагогический талант, и я ему очень благодарен за разъяснение разных трудных вопросов биологии и за рассказы о новых успехах генетики. Я несколько раз бывал и у него дома. У него была отдельная комната в общей квартире родственников; по крайней мере половину этой комнаты занимал рояль, на котором В. В. однако не играл. В институте он получил крупноплодную тетраплоидную гречиху и старался ее еще улучшить; весь летний сезон он проводил со своей гречихой на биостанции. В. В. был холостяк и совершенно невосприимчив к дамским авансам, строго старомодно вежлив и не любил пикантных анекдотов. Поэтому некоторые институтские дамы говорили о нем с раздражением и в среднем роде: “Пришло Вэ Вэ, и интересный разговор оборвался!”

Во времена лысенковщины В. В. нашел убежище в ботаническом садике Фармацевтического института в Тестовском поселке, где я у него тоже раза 2–3 бывал, а после победы над лысенковщиной он был профессором на кафедре генетики университета. Скончался скоропостижно около 1965 года.

Своеобразный повод послужил тому, что у меня сложились

дружественные отношения с И. А. Раппопортом, известным своими работами по химическому мутагенезу. Он вернулся, с боевыми наградами, но потерянным глазом, с фронта и стремился наверстать упущенное для науки время, работая до поздней ночи. И я тоже, стремясь сочетать работу по теме с общим и ботаническим образованием, часто работал по ночам. На этой “полуночной” почве и выявилось некое “родство душ”. И. А. Раппопорт работал фактически не в составе, а при лаборатории генетики, на своем, в значительной мере им же созданном, направлении. В период лысенковщины он состоял в должности лаборанта в институте физической химии акад. Н. Н. Семенова, но настойчиво продолжал свои исследования.

Мой рабочий стол помещался на втором этаже в большой комнате. Через комнату был проход в лабораторию М. А. Пешкова, да и наша комната наполовину была заполнена шкафами с лабораторным имуществом М. А. Пешкова. Вместе со мной, в этой комнате сидели еще 3 аспирантки разных руководителей – впрочем, дамы уже неаспирантского облика и возраста. И еще посредине комнаты был стол, где поочередно работали разные временные сотрудники; из них запомнил пожилую чудаконатую В. И. Олифан, двух молодых очень симпатичных и интеллигентных дипломниц М. А. Пешкова – Валю Бирюзову и Машу Талиеву. Впоследствии я встречался с Марией Николаевной Талиевой – сотрудницей Главного ботанического сада; она же оказалась и знакомой Кати Фадеевой. Был еще Мар Скобельский – аспирант, крупномерный мужчина; кажется, он занимался культурой клеток.

Институт имел свою биостанцию на Оке несколько километров ниже Каширы. Это был небольшой земельный участок на краю села Большое Кротово, с одноэтажным деревянным домом какого-то дореволюционного небогатого владельца. И еще с несколькими строениями поменьше, в которых жили семьи постоянных служащих биостанции. У дома была порядочная открытая терраса, на которой собирались для еды или каких-либо разговоров, а от террасы прямо к Оке шел крутой спуск. Было несколько комнат для жилья и две закрытых терраски, которые служили лабораториями. В одну сторону от биостанции было село, в другую – изрытый овражками и поросший березами крутой склон к Оке. На верхней стороне за оградой участка были уже засеянные поля.

Жизнь в Кротово была очень свободной; самыми обязательными были присутствия на завтраке, обеде и ужине. Эта последняя сторона была весьма важной, особенно в первые годы, т. к. основу еды составляла картошка, выращенная на самой биостанции; остальные продукты надо было везти с собой из Москвы. Но всё это были мелочи по сравнению с главным; полной свободой распоряжаться своим временем и прекрасным природным окружением. Свобода, конечно, не мешала, а помогала интенсивно работать.

Но было время и для общения: на террасе за обедом и по вечерам. А еще вдоль дорожки были сложены бревна, на них удобно было сидеть и беседовать. А еще была Ока, на которой у биостанции была своя лодка, и за Окой – широкий простор: луг, сосновый лес и чистые ручейки. А если не переезжать за Оку, а пройти ниже по течению, там был отличный песчаный пляж, на который из села почти никто не ходил. Зато им частенько пользовались сотрудники биостанции. В том числе и я, обычно вместе с В. В. Сахаровым. Полежать на теплом песочке и поговорить о проблемах генетики и эволюции – разве могло это быть неинтересно и бесполезно?

В Кропотове каждый одевался, как хотел и как мог. Я все лето до поздней осени ходил, как когда-то в Желанье, босиком – и никого это не смущало (кроме меня самого, когда приходилось вставать от обеденного стола с общей лавки). Впрочем, мое хождение босиком до поздней осени тронуло сердце профкома, и мне дали ордер на ботинки.

В Кропотове я ходил по окрестностям, изучал местную флору и собирал гербарий. А рыб, нужных для моей диссертации, поставлял бакенщик, будка которого была совсем недалеко, у берега Оки. Этот бакенщик был пожилым и не слишком образованным, но я его запомнил благодаря некоторым глубокомысленным суждениям, которые он высказывал. Например, узнав, для чего мне нужны рыбы, он сказал: “Надись был в городе. Там человек на голове стоит и на руках ходит – и тоже деньги платят”. – И это без малейшей иронии, просто констатация многообразия жизни.

Когда наступила лысенковщина, в Кропотове, конечно, изменился состав населения. Заведующим станцией вместо генетика Е. Н. Волотова стал Г. Гинзбург, сотрудник Л. В. Полежаева, но, в отличие от своего шефа, без психической неуравновешенности и без склонности к лысенкизму. Агрессивных лысенковцев на моей памяти не появилось, и общий стиль жизни в общем сохранялся. Моя деятельность изменилась: закончив с селезенкой рыб, я перешел к клеточным элементам крови и соединительной ткани млекопитающих и для этой работы ловил в мышеловки мелких грызунов.

Я вспоминаю о Кропотове почти так же, как о Желанье – как о родном доме, где мне было легко и привольно расти. Уже будучи сотрудником университета, я несколько раз приезжал в Кропотово – и всегда было чувство, будто я приезжаю к себе домой.

В 1946 г. П. А. Смирнов мне сказал, что, по некоторым сведениям, в самом южном районе Московской области – Серебрянопрудском – собирали на лекарственное сырье адонис. Интересно было бы узнать, где именно – и нет ли там и еще других степных растений. Я решил съездить в Серебряные Пруды. Но тогда это было еще очень непросто. От Кропотова до узловых станции Ожерелье, где должны останавливаться все без исключения поезда,

около 8 км – это легко одолеть пешком. Но как попасть на поезд? На нормальное: купил билет и сел в вагон – тогда нельзя было рассчитывать (хотя и было не исключено). Но от Ожерелья до Серебряных Прудов – 5 станций. Если попасть на переход между вагонами (тогда переходы были открытыми) или даже на входную площадку вагона – можно было и доехать. На случай осложнений – в кармане командировочное удостоверение. Но поездов в сутки было всего 3. Теперь не помню, как – но доехал. В Серебряных Прудах узнал, что на юге района, в селе Подхожем, действительно, собирают адонис. Переночевав на столе в лесхозе, с утра отправился туда (конечно, пешком: всего 20 км). И уже по пути встретил черноземные почвы и на них не только адонис, но и целую свиту степных видов.

Этот дотеле неизвестный очаг степной растительности я описал в статье в “бюллетене МОИП” в 1947 г. В том же году, но в другом журнале – “Докладах Академии наук СССР” – появились и 2 мои первые работы по гистологии.

В институтские годы я довольно много экскурсировал и по другим местам в окрестностях Москвы. На кафедре геоботаники, которой принадлежал гербарий, была пожилая лаборантка Нина Леонидовна Соколова, опекавшая всех молодых ботаников и рекомендовавшая, куда поехать. Первым таким замечательным местом было Ромашково – вблизи этой ж. д. платформы на ветке белорусской линии был прекрасный лесной участок – сосновый и дубовый лес с полянами – тогда еще в почти ненарушенном виде. (Правда, это место было совсем недалеко от правительственных дач, и, экскурсируя там, об этом следовало помнить). В Ромашкове мы были ранней весной на нашей первой совместной экскурсии с Галей; еще цвел *Pulsatilla patens*.

Вторым еще более замечательным местом экскурсий были Лужки, вернее, отрезок долины Оки ниже села Лужки – до д. Зиброво; там теперь Приокско-террасный заповедник. Но туда уже надо было ехать с одним-двумя ночлегами. У П. А. Смирнова там была половина избы, в которой он проводил все лето, и охотно давал приют на ночь приезжим. Но экскурсировал я обычно один: это как-то у меня сложилось еще с желаньинских времен.

Я защищал кандидатскую диссертацию в апреле 1948 г. в совете Института эволюционной морфологии животных под председательством И. И. Шмальгаузена. Со мной защищала докторскую по хромосомной цитогенетике А. А. Прокофьева – Бельговская. Мы оба защитили успешно. Но у меня тогда упорно в голове было: “Не говори гоп...”, и отмечать защиту банкетом я не захотел. А Бельговская свою защиту отпраздновала. Наши диссертации попали в ВАК к осени, уже после знаменитого выступления Т. Д. Лысенко. И ВАК утвердил мою диссертацию, очень далекую от генетики, а диссертацию Бельговской не утвердил (ее утвердили лет 10 спустя, уже на спаде лысенковщины).

Изучению селезенки я старался придать эволюционный оттенок. Когда после защиты встал вопрос, продолжать ли работать с селезенкой, я решил сменить тему и подойти к эволюции уже на клеточном уровне, начиная с выявления многообразия клеток крови и рыхлой соединительной ткани в группе грызунов. Уже в 1947 году я ловил грызунов и делал мазки их крови в Кропотове, а в 1948 г. за этим же поехал на Кавказ. На Кавказе я базировался сперва в Армении на Севанской гидробиологической станции, а затем в Сухуме в обезьяньем питомнике. Некоторые результаты обработки кропотовских материалов мне удалось опубликовать в 1949–50 годах, но кавказский материал остался лежать нетронутым. Лысенковщина ужесточалась, и мою работу в 1950 г. исключили из планов как “неактуальную”.

VI. Лысенкиада. Переход на ботанику

Сочинения Т. Д. Лысенко издавались и пропагандировались уже перед войной. Помню, я кое-что читал, еще когда был в Рязани, разглядывал красивые картинки, но как-то не уразумел сути. Когда я уже был в Институте цитологии, в 1945 году был отпразднован 220-летний юбилей Академии Наук, иностранные гости были и в нашем институте. Помню доклад, который у нас делал Джулиан Хаксли (Julian Huxley) на тему о внутривидовых клинах. Библиотека института регулярно получала иностранные журналы. Ученым резко повысили зарплаты. Казалось, перспективы науки, включая и биологию, в стране самые радужные.

Хотя грозные предупреждения были уже и раньше. Так, у нас в школе в 8 классе был учебник общей биологии Н. К. Беляева. А в 1945 г. я узнал, что Н. К. Беляев... исчез. Н. И. Вавилов был арестован в 1940 г., и в 1945 г. мы ничего не знали о его судьбе, хотя иностранные гости чуть ли не каждого спрашивали об Н. И. Вавилове. В Кропотове уже при мне явились некие люди и на глазах всех там находившихся арестовали генетика Д. Д. Ромашова.

Летом 1948 г. я был в Армении; со мной была еще нанятая лаборанткой студентка Наташа Палёнова. Мы остановились на Севане на гидробиологической станции; экскурсируя по окрестностям, я собирал материал для своей новой темы, а также, кстати, и флору. И вот до нас дошли известия о разгромном докладе Т. Д. Лысенко на сессии Академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) – докладе, якобы одобренном самим Сталиным. Раз “в центре” случилось такое цунами, захлестнувшее биологию (а в какой-то мере и другие науки), оно неминуемо должно было докатиться и до Армении. И вот соответствующий армянский вариант лысенкиады был доложен в Ереване в большом зале Армянской академии наук. В качестве основного мальчика для битья был избран молодой, но

быстро растущий ботаник А. Л. Тахтаджян. Конечно, он был уволен со своих постов в Ереване – что, впрочем, помогло ему занять посты в Петербурге.

По возвращении в Москву осенью, я застал лысенковщину в разгаре. В нашем институте была целиком ликвидирована самая многочисленная лаборатория генетики и уволены все ее сотрудники вместе с руководителем Н. П. Дубининым. Уволены цитологи, занимавшиеся изучением хромосом – группа М. С. Навашина. Была “перетряхнута” тематика и других лабораторий, с целью освобождения ее от всякого “менделистско-вейсманистского” привкуса и направление ее на “полезные для практики” сельского хозяйства рельсы. Увольняемые из академических учреждений высококлассные специалисты – биологи волей-неволей шли в учреждения более низкого уровня и там в известной степени повышали этот уровень. Правда, после одоления лысенковщины многие из них вернулись на свои прежние места.

Институт эволюционной морфологии, где был директором И. И. Шмальгаузен (сын известного ботаника И. Ф. Шмальгаузена), и где я еще той же весной защищал кандидатскую диссертацию, также претерпел подобное сокращение и в урезанном виде был слит с нашим институтом под общим названием “Институт морфологии животных”; директором остался Г. К. Хрущов.

Перетряска происходила и повсюду, где велась серьезная исследовательская работа в области биологии или где преподавалась биология.

Лысенкизм представлял собой конгломерат некоторых оригинальных и интересных наблюдений и практических растениеводческих советов с множеством не выдерживающих никакой критики общих тезисов, в основном архаичных и давно опровергнутых и отвергнутых наукой, но постоянно вновь порождаемых примитивным воображением обывателей, не искушенных в логике науки. Осью этого конгломерата было “Наследование приобретенных признаков”, а к нему присоединялись перерождение видов, их самозарождение, существование аморфного “живого вещества”, отсутствие естественного отбора внутри видов и т. д. Поскольку Т. Д. Лысенко на Ч. Дарвина не покушался, то всю эту галиматью стали называть “творческим дарвинизмом”.

Мне довелось быть на собрании в Доме ученых на Пречистенке, где Т. Д. Лысенко выступал с изложением своих идей. Зал был заполнен профессорами и академиками. Людишки рангом поменьше теснились в коридорах и фойе и слушали радиотрансляцию доклада. И что же мы услышали? Кроме уже знакомого набора фраз были еще и новые перлы. Так, мы узнали, что собаку можно превратить в волка, если ее 3–4 поколения подряд кормить сырым мясом. Так же, как сорняки появляются из

вырождающихся полевых культур, кукушка появляется в результате вырождения мелких птичек.

Идею превращения клеток в бесформенное “живое вещество” пропагандировала особенно старушка О. Б. Лепешинская, которая – как я мог своими глазами убедиться – не могла отличить метахроматической окраски бесструктурных капель от подлинной гематоксилиновой окраски ядер, потому и считала, что ядерное содержимое гомогенизируется. Будто бы существовал и обратный процесс – появление клеток из гомогенного “живого вещества”. Рассказы о якобы наблюдавшемся самозарождении микробов слышались с разных сторон и дополнялись баснями об их дальнейших фантастических превращениях.

Особым вниманием пользовался лысенковский тезис об “отсутствии внутривидовой борьбы за существование”. Хотя уже Дарвин подчеркивает, что он понимает слово “борьба” в метафорическом смысле, лысенковцы понимали “борьбу” как настоящую войну. На эту тему мне предложили сделать доклад на семинаре отдела. Я постарался (и как будто удачно) свести дело к более широкой проблеме внутривидовых отношений, которые могут быть разными у разных видов и в разных ситуациях. Стало быть, надо изучать конкретную биологию видов, а не декларировать “да” или “нет” априорно.

Мою тему “Сравнительное изучение клеточных элементов крови и соединительной ткани” сняли, заменив ее изучением соединительной ткани у ранне- и позднеспелых пород рогатого скота. Эти породы исследовал некто Левонтин, и я ездил в Воронеж на дегустацию приготовленных из этих пород бульонов и жаркого. Дегустация напоминала хорошо отрепетированную пьесу и, конечно, дала результаты, благоприятные для ее устроителя. Уже после моего ухода из института, в печати появилась статья, где я числюсь соавтором. Но, честно говоря, я совсем не уверен, что в этой статье есть какое-то зерно истинно научной новизны.

Летом 1949 г. я еще ездил по лесостепным областям Европейской России – отчасти в расширение моего исследования северных пределов (или эксклавов) черноземно-степной флоры. А отчасти, под влиянием тогда еще очень читавшейся книги Б. М. Козо-Полянского “В стране живых ископаемых” – просто познакомиться с открытыми и описанными этим автором районами меловой флоры. Был я, конечно, и на Галичьей Горе. И даже на “Чертовом городище” близ Козельска. В большей части маршрута со мной ездил Галина Михайловна Проскуракова – тогда студентка 2 курса университета.

В 1950 г. А. И. Шретер приглашал меня поехать с ним в экспедиции Института лекарственных растений (ВИЛАР) на Дальний Восток. Но меня не пустили: в рамки новой тематики Дальний Восток никак не входил.

Я почувствовал, что к новым порядкам мне привыкнуть будет слишком трудно. И я решил из Института уйти. Стал узнавать, куда бы податься, где была бы достаточная возможность работать на природе. Чтобы ознакомиться с возможными местами работы, за лето 1950 г. съездил в Крым, в Центральный Лесной заповедник и на Урал, где побывал на южном Урале и на Денежкином Камне. С управлением заповедников в Москве сторговались на Денежкином Камне, куда я и поехал в июне 1951 г., уже в должности ботаника.

Управление заповедника находилось в с. Всеволодо-Благодатском на севере Свердловской области, в 20 км от ближайшей ж. д. станции. Меня поселили в просторном, но старом доме, к зиме нуждавшемся в серьезных утеплительных мерах. Но это я откладывал до наступления холодов, и все 4 месяца странствовал, иногда в сопровождении лесника, по действительно первобытной, лишь кое-где местами измененной человеком природе. Я повидал здесь и темнохвойный лес с разным соотношением ели, пихты и кедра; особенное впечатление произвела такая тайга с деревьями до 1 м в диаметре и в возрасте до 200 лет на склонах хребтика Еловский Урал. На том же хребте интересна верхняя граница леса из малорослых и редкостойных кедров. Птицы-кедровки заносят зрелые кедровые шишки снизу из лесного пояса и прячут их выше границы леса в дерн или под камень или корягу. Из них и вырастают эти кедры, но верхняя граница леса обусловлена климатически, и вырасти выше нее деревьям трудно.

Очень хороши старые сосняки на известковой подпочве – то моховые с замечательными орхидеями калипсо и крапчатый башмачок, то, наоборот, с подлеском из кустарниковой ольхи и развитым травяным покровом. Кое-где по горным склонам есть лишайничники, доходящие до верхней границы леса (она лежит здесь на выс. 800–900 м). А выше – разнообразие горных тундр – более пестрое на самом Денежкином Камне, сложенном разными, преимущественно основными породами, и более бедное и однообразное – на водораздельном Уральском хребте, сложенном кварцитами. Болота в заповеднике немногочисленны и довольно однообразны, преимущественно переходные от низинных к верховым.

Несмотря на все интереснейшие впечатления, давшие мне так много для понимания природы, к концу сезона накопилось и какое-то чувство одиночества. В с. Всеволодо-Благодатском, где было управление заповедника, люди были, как везде, заняты своими заботами, и своим исследовательским интересом мне не с кем было поделиться. Было и еще одно мало приятное обстоятельство. Через территорию заповедника из Сибири на запад иногда бежали заключенные из сибирских лагерей. Это были, конечно, не “враги народа” – политические заключенные, а уголовники и ради паспорта или буханки хлеба они могли изрядно избить

(а то и убить) одинокого исследователя. А сопровождение охраной было практически неосуществимо. За мою бытность в заповеднике охота за беглецами случилась только один раз.

В октябре того же 1951 г. я получил предложение заведовать гербарием МГУ. Мой отец энергично советовал мне принять это приглашение. Поздней осенью я приехал в Москву. Но тут оказалось серьезное препятствие: все командные должности на биологическом факультете университета были захвачены лысенковцами. И хотя я открыто не выступал против лысенкизма, а гербарий по отношению к идеям Т. Д. Лысенко, казалось бы, был вполне нейтрален, однако мои убеждения были известны, и даже ратовавший за меня доцент М. С. Двораковский – фронтовик и активный член КПСС – не мог преодолеть осмотрительность деканата биофака: для них было неважно, сколь человек пригоден профессионально, важно лишь, готов ли он быть апостолом Т. Д. Лысенко.

Однако выход был найден. При новом здании университета организовывался новый ботанический сад, и вопросы кадров строительства были непосредственно в руках ректора, математика И. Г. Петровского. Он, конечно, не был сторонником Т. Д. Лысенко, и к нему обратились в обход очага биофаковского мракобесия. С начала 1952 г. я стал старшим научным сотрудником ботанического сада МГУ, а через 2 или 3 года, по завершении периода строительства, стал числиться в штате кафедры высших растений. В гербарий взяли заведующим М. Н. Караваева, пожилого и весьма осторожного и вместе с тем очень доброжелательного и приятного человека – автора “Конспекта флоры Якутии” и впоследствии нескольких статей исторического характера: исследования старинных гербарных материалов МГУ. У меня с ним сразу сложились самые хорошие отношения.

Своего апогея лысенкиада достигла в защите докторской диссертации некоего Дмитриева, которая состоялась в том же круглом зале отделения общей биологии, где незадолго перед тем я защищал свою кандидатскую. Зал был переполнен. В качестве неоспоримого аргумента по залу были пущены чашки Петри с набором семян разных сорняков, будто бы произошедших от культурных растений в результате их перерождения. Это был уже откровенный фарс, открытое издевательство над всякой наукой. Однако в составе совета уже доминировали лысенковцы, и они проголосовали “за”.

В ВАКе долго не могли решить, что делать с этой “диссертацией”. Наконец, в “Правде” появилось письмо С. С. Станкова – тогда зав. кафедрой геоботаники в Московском университете и члена ВАКа, где он, скромно рекомендуя себя как “старого ученого, который не может...”, тем не менее дал “диссертации” уничтожающую оценку. Это и стало началом дельсенкизации. Но процесс этот не был легким и скорым. Во времена

Хрущева т. е. до 1964 г. можно было высказывать и точки зрения, не согласные с лысенкизмом, но только в форме осторожных дискуссий, без стремления унижить Лысенку.

Винить самого Трофима Денисовича Лысенку можно и должно. Но считать его главной движущей силой лысенкизма нельзя. Такой силой, и главным виновником, конечно, был порядок, при котором решающую команду в науке могло дать начальство, само далекое от науки. Сергей Иванович Вавилов, бывший во время войны президентом Академии наук, считал и не раз устно и письменно повторял, что в СССР необходим непрерывный фронт наук. Так был составлен и тот отряд аспирантов 1943 года, к которому я принадлежал. Никто не спрашивал, будет ли моя тема “полезной для практики”. За одним столом со мной в Ленинской библиотеке часто занималась аспирантка Ася Елеонская; у которой тема была посвящена древнерусской литературе.

А вместо того устанавливался порядок, когда каждый ученый должен был доказать людям, далеким от всякой науки, полезность своей темы. Уже когда лысенкизм шел на спад, я докладывал на семинаре ботанического сада тему своей будущей докторской диссертации по систематике ив СССР. И вот секретарь партбюро сада А. Н. Морозов (в прошлом хозяйственник) изрек такое суждение: “из доклада мы узнали, что ива растет везде; непонятно, зачем ее изучать”. Волей-неволей с такой оценкой работы приходилось считаться.

Студенчество университета не хотело спокойно принимать лысенковские рассказы. Как ни молоды и еще незрелы были студенты, они чутьем понимали и принимали такие простые критерии научности как логика и проверяемость – и не находили их у проповедников лысенкизма. Было немало случаев проявления студенческих эмоций. Помню особенно два случая, связанных с туалетами. В мужском на стене появилось приглашение: “кто хочет быстро облысенковать – мойте голову в писсуаре”. А парадный портрет Т. Д. Лысенко был из фойе перевешен в женский туалет.

Я до сих пор не могу понять, как можно было сочетать такую дикость как лысенковщина – нечто совершенно противное науке – с теми огромными усилиями (и расходами!), которые правительство СССР предприняло в конце войны для резкого подъема науки (аспирантура, резкое повышение зарплат, расширение кадров и образование новых учреждений, образование филиалов Академии наук в республиках, а затем и республиканских академий, и т. д.). Ни то, ни другое, конечно, не могло иметь места без решающего участия И. В. Сталина. Как будто одна его рука яростно сокрушала то, что создала другая рука. Но так же было и в других направлениях жизни.

VII. Семейное устройство. Дети

Хотя я уже с января 1952 г. был в штате университета, однако чувство одиночества продолжало меня угнетать. Явно, необходимо было завести свою семью. До тех пор я был поглощен продвижением и укреплением на стезе науки и разного самообразования; хотя некоторые девицы, встречавшиеся мне, конечно, не оставляли меня вполне равнодушным, о женитьбе я не думал.

Но вот однажды, еще в институте на Воронцовом Поле, кажется, в 1950 году я увидел новую, незнакомую мне, молодую особу, которая сидела у двери перед кабинетом директора в ожидании приема. Особа произвела на меня, мягко говоря, сильное впечатление. Я сразу навел справки и узнал, что это Галя Покровская, аспирантка Г. А. Аветисяна на морфологической половине института. У нее было плоховато со здоровьем, а Г. А. Аветисян был страшным курильщиком, и ей советовали от него перевестись к Б. Л. Астаурову в наш отдел цитологии на Воронцовом Поле. С этим делом она и пришла на прием к директору.

Галя окончила биологический факультет университета по кафедре зоологии беспозвоночных в 1947 г. Но после военных лет была очень истощена, страдала от щитовидной железы и потому два года провела дома. В 1949 или 1950 г. поступила в аспирантуру к Г. А. Аветисяну, работавшему с пчелами, (что для нее казалось очень удачным, поскольку она и свою дипломную работу в университете делала с пчелами). Но Аветисян оказался фигурой крайне экспансивной и отчаянным дымокуром. Естественно встал вопрос о другом руководителе, и вместо пчел Галя получила шелкопряда.

В тот момент Галя на меня никакого внимания не обратила, была в ожидании решения относительно самой себя. Позже, когда она стала уже аспиранткой Б. Л. Астаурова и сидела в его комнате, я как-то зашел к нему – и вот тут, оказывается, я ей тоже понравился. Но это мне стало известно только много-много лет спустя.

Вот так: симпатии с первого взгляда. А потом тянули резину еще два года. Я ушел из института, уехал на Денежкин Камень, снова вернулся в Москву, поступил в университет, там проработал целый летний сезон, - познакомился с семьей Гали – и только поздней осенью 1952 года мы решились пойти в ЗАГС. Правда, с моей стороны дело затормозилось моим решением поехать на Денежкин Камень. А с Галиной – наличием еще двух претендентов: Жени Кунегина и Игоря Матросова. Первого я видел только один раз; он был человек городского, инженерно-математического склада, и у него был весьма существенный недостаток: решительно не хотел детей. Второй был сокурсник Галиного брата Игоря по архитектурному институту и моложе Гали года на 2, из себя очень видный, но явно простоват. Но оба,

конечно, люди вполне добропорядочные, и я тщательно старался избежать каких-либо негативных высказываний в их адрес.

В конце войны папа получил квартиру на Кутузовском проспекте (тогда Б. Дорогомиловская ул.). Улица застраивалась в основном домами привилегированного класса – служащих аппарата ЦК КПСС. Но еще перед войной некоторые профессора медицины, имевшие доступ к “верхам”, выхлопотали решение, 2 подъезда одного из домов отдать кооперативу “профессоров медицины”. Уже перед войной весь взнос был выплачен, но достроить дом до войны не успели, а чиновному аппарату ничто не помешало все дело просто перечеркнуть. И только по просьбам самых уважаемых профессоров на самом “верху” кооператив восстановили, и уже в 1946 году заселили.

В квартире было 2 жилых комнаты; одну из них, поменьше, занял отец. Он купил письменный стол обычного двухтумбового образца и длинный диван – чтобы на нем можно было и спать. Поместился и маленький столик для меня. В большой комнате помещались мама и Женя, а за бывшим дедовым гардеробом из мореного дуба, спал и я. Рядом со мной торцовую глухую стену комнаты отвели под книжные полки.

В этой большой комнате и справляли нашу свадьбу. Конечно, на 24 кв. метрах много народу не уместишь. Кроме нескольких самых близких родственников пригласили в основном моих и Галиных общих знакомых – т. е. сотрудников института. Застолье прошло мирно и доброжелательно.

Но где же молодоженам жить? – Тогда, как впрочем и теперь, только очень немногие люди были достаточно богаты, чтобы хотя бы снять комнату в коммунальной квартире. Мы к числу этих немногих тогда не принадлежали (да и теперь оказались бы далекими от таких возможностей). Жилище Покровских было на Большой Полянке (д. 50) в старом двухэтажном доме с печным отоплением. В квартире на первом этаже 3 семьи, кухня тесновата, туалет совсем закуток, ванной нет. Комната 40 кв. м разгорожена перегородками на три; до появления меня жили четверо: Александр Андреевич и Мария Федоровна Покровские и их двое детей: Галя и Игорь. Со мной и двумя детьми получалось 7 человек – и это получалось опять более 5 кв. метров на человека – тоже никаких шансов на получение нового жилья. Но Игорь, брат Гали, был архитектор и имел шанс получить квартиру в доме, строящемся по его проекту. Но для этого он должен был оказаться в числе “нуждающихся”.

Стало быть, вопрос разрешился так: я прописываюсь в жилье Покровских, а Игорь выезжает в свою квартиру. Но на все это потребовалось время – года два мы с Галей помещались в уголке за буфетом. И я частенько ездил к своим родителям; ведь там оставалось почти все мое имущество.

Тем не менее жизнь шла. В 1952 году папа купил “дачу” в поселке

Жаворонки по Белорусской ж. дороге. Это была отапливаемая избушка (точнее сказать, халупа) и недостроенный бревенчатый домик, рассчитанный на 2 комнаты. На что-либо большее средств уже не хватало. Но халупа отапливалась, и мы после свадьбы сразу туда поехали. Была середина ноября, но выпал такой обильный, такой пушистый снег, какого мы никогда ни до, ни после этого не видели. Наверно, этот снег был хорошим для нас предзнаменованием.

Ранней весной 1953 г. я смог взять в ботаническом саду отпуск, и мы поехали с Галей на Кавказ – в основном в знакомые мне места Грузии и Армении. Тогда еще можно было переночевать в гостиницах или турбазах. Мы побывали в Ереване и окрестностях, в том числе Эчмиадзине и у развалин храма Звартноц, в Аштараке и Агарцине, в Тифлисе, Мцхете и недалеко от Мцхета в месте, именуемом Шио-Мгвиме.

Это последнее место тогда было еще мало кому известно, и проезжей дороги к нему не было, но на нас оно произвело огромное впечатление. По пути туда от ж. д. станции нам встретилась только одна женщина, пасшая овец. И в самом Шио-Мгвиме только 2 человека: смотритель памятника – очень интеллигентный, прекрасно говоривший по-русски пожилой грузин Глonti (имя не помню) и нестарый русский – странствующий паломник. Родничок, из которого вода еле капает. Часовенка на высокой скале над Курой. И весна в разгаре: примулы, морозники, цикламены, ирисы. Кругом – обрывы скал, в которых множество отверстий – входов в когда-то здесь бывшие кельи. У Шио мы переночевали и при этом претерпели яростную атаку полчищ клопов. Но даже клопы не могли принизить очарование места.

Еще раз мы с Галей были у Шио-Мгвиме в 1986 году. Но тогда сюда уже была проложена асфальтовая дорога, и место было в значительной мере “затурищено”. Конечно, оно осталось интересным и замечательным. Но былого очарования уже не вызывало.

Из той поездки на Кавказ в 1953 году еще сохранилось впечатление от экскурсии в лес близ Иджевана (в северной Армении). Была самая ранняя весна: массово цвел кизил, а в травяном покрове – сциллы, пушкинии, рябчики, морозники, примулы – свежайший, красивейший и душистый клевер. Свежие листья черемши (как добавка к каким-то сухим кубикам, бывшим у нас в этот день единственным провиантом). И в дополнение ко всему этому – курлыканы журавлей в небе: летели на родину.

Несколько подпортило поездку то, что Галя у Звартноца простыла и несколько дней в Ереване пролежала. Я за это время побывал в Аштараке и прошел оттуда на Егварт. Не могу не упомянуть этот поход: какие замечательные хачкары мне встретились на этом пути – в пустой каменистой степи. (Хачкар – это армянская плоская памятная стела из туфа, на которой вырезали узорчатый крест).

Зиму 1953–54 г. я посвятил двум важным делам: помочь Гале оформить диссертацию и заготовить материал для постройки нового дома в Жаворонках. Тогда у нас по службе было предусмотрено в неделю 2 дня “библиотечных”. Фактически они, как и воскресенье, уходили на упомянутые два дела. Резиденция моя была в помещении старого ботанического сада на 1-й Мещанской (ныне это проспект Мира), и там была совсем неплохая библиотека, так что я мог смело расходовать “библиотечные” (а в обиходе их называли “банно-прачечными”) дни на другие важные дела.

В конце зимы стало ясно, что Галя находится “в положении”. Ее даже пришлось поместить в клинику. Предлагали и аборт, но мы решили ориентироваться на лучшее. Постепенно неприятные симптомы прошли, диссертацию удалось доработать, представить к защите и даже защитить той же весной. А прямо после защиты мы поехали на несколько дней проветриться в Ленинград. Где и как мы там побывали, я уже не помню: слишком волнительен был период перед этой поездкой.

Лето 1954 г. до родов Галя провела в Алабине. Это 50 км от Москвы по Киевской дороге. Там уже сколько-то лет Покровские снимали дачу: комнату и террасу с отдельным входом внизу и совсем маленькую комнатку наверху; в остальном доме (что было еще раза в 2 больше) жили хозяева – Соколовы Александра Филипповна и ее дочь Зинаида Константиновна (“Зика”). Хозяин дачи давно скончался. Вскоре хозяева дачи стали и нашими родственниками: Галин брат Игорь женился на Зике.

Рожать Галя приехала в Москву. Выбрали роддом в конце Шаболовки (новый: до войны его не было). Я регулярно туда звонил. И вот вечером 8 августа мне ответили: “первый родился, мальчик”. Значит, будет и второй? Это было неожиданностью. И, действительно, часа через 2–3 появился и второй, тоже мальчик. Гале уже после говорили в роддоме, что даже тамошние врачи не были согласны: один или два? Назвать их решили в честь дедов, которые тогда еще были в полном здравии: первого – Константином, а второго – Александром.

Дети, конечно, стали центром нашей жизни. Жилье пришлось перепланировать. Сначала мы с Галей помещались в первой комнате за буфетом. Теперь туда выселили дедушку Александра Андреевича, а мы с детьми заняли самую большую угловую и непроходную комнату; бабушке Марии Федоровне досталась маленькая и проходная – но зато с печкой. Конечно, с двумя грудными детьми было очень трудно, Галя изнемогала. Выручала бабушка. А потом моя мама нашла молоденькую девицу, приехавшую в Москву из деревни – Машу Архипову. Она у нас прожила до времени, когда сыновьям уже было пора идти в школу.

В том же 1954 году летом я занялся строительством в Жаворонках.

Сперва надо было продумать план дома – чтобы он был удобен и вместе с тем обошелся бы по средствам. Основной материал – строевой лес был закуплен зимой и в начале весны. Рассчитывали, что строительство продлится 2 года. На первый год – фундамент, стены и крыша, остальное – на второй. У меня строительного опыта не было, конечно, никакого. Как советовали разные пособия – так и делал. Сперва пробовали нанять человека, который бы всё организовал и за всем следил – но скоро убедились, что ему доверять нельзя. За всем надо было следить самому. Не обошлось, конечно, и без промахов. В доме планировалась кухня, общая комната, 2 отдельных комнаты внизу и 2 еще наверху в мансарде. Позже, когда папа умер, по его завещанию дом мы разделили, одну часть занял Константин, а другую – дочка моей сестры Жени Лена. Костина часть оказалась больше по размерам, но не столь удобной, ее пришлось дорабатывать; впрочем, дорабатывало свою часть и семейство Лены Молчановой.

В 1955 г. первый день рождения сыновей мы встречали в Алабине. Здесь был большой дачный участок, а прямо рядом – лес, где даже бывали грибы. Пока Костя и Саша были еще маленькие – они играли на участке. Для них была большая куча песка. Потом стали их выводить гулять в лес; особенно запомнились прогулки на чистый лесной ручеек недалеко за соседним поселком Софьино. Здесь мы устраивали бивуак: жгли костерок, кипятили чай, закусывали, устраивали на ручейке запруду. Лес был грибной, и в конце лета все прогулки в лес были со сбором грибов. Около нашего ручейка водились даже рыжики (еловые). Но один раз, помню, наш костер разгорелся и дым дошел до дороги; так что к нам пришли какие-то другие гуляющие и попросили огонь потушить, что, конечно, пришлось сделать.

Тогда мне отпуска летом не давали, из Москвы можно было оторваться только на экспедицию. Поэтому в Алабино приезжал только на выходные. Меня всегда встречали на станции Костя и Саша – с мамой Галей или с Манюней (так они звали свою няню).

Когда детям было 4–5 лет, нарастала эпидемия полиомиелита; делали прививки новой вакциной. После прививки наши мальчики разболелись, особенно Саша. Я ездил в военный городок за врачом. Он вроде бы нашел несколько облегченный полиомиелит, но дело через немного дней обошлось, и никаких параличей не наступило. Но переволновались мы очень.

На Полянке с нами жила кошка. О ней заботился в основном дедушка Александр Андреевич; это была его кошка. Она выезжала с нами и в Алабино, и пока была молодой, ходила с дедушкой гулять и особенно на рыбную ловлю, куда дед ходил почти ежедневно к вечеру. В алабинской речке, Десне, было довольно много рыбы, но мелкой; иногда улов был годен только на угощение кошке. Но иногда и людям. Дедушка ловил на простую удочку, но повадки рыб знал досконально, и совсем с пустыми руками не

приходил никогда. Когда кошка стала старой, она уже не ходила с дедушкой, а только выходила его встречать. В Москве ей было очень скучно, и в новой квартире в Измайлове она прожила недолго.

Из Алабина в Жаворонки можно было проехать и минуя Москву. Около военного городка меньше километра от ж. д. платформы Алабино, ходил автобус до Голицына, а от Голицына до Жаворонков – всего 3 ж. д. перегона. Мы этим путем неоднократно пользовались.

Теперь уже не помню, в каких именно годах, но мы часто ездили с Сашей и Костей и на Москву-реку (от Жаворонков ходил автобус до Успенского или до Иславского) купаться и ловить рыбу, и на Голицынский пруд за тем же. Временами сыновья жили и отдельно, у разных бабушек: Костя предпочитал Жаворонки бабы Жени, а Саша – Алабино бабы Муси. Мы с Галей больше жили в Алабине. Я любил по лесу бродить и один: обычно из Жаворонков в сторону Звенигорода. Так же любил один побродить по лесу и папа. В те годы это не было опасно. Зимой частенько ездили на лыжах, с базой в Жаворонках: там сравнительно легко можно было натопить часть дома.

Хорошо запомнились проводы сыновей в школу, в первый класс. Школа была совсем недалеко от нас, на Житной, без перехода улицы. Учительница была довольно опытная, и в первых классах осложнений в школе как будто бы не было. Но когда дети были в 4 классе, надо было переезжать на новую квартиру в Измайлове. Полгода ребята ездили сами в старую школу, но дальше, конечно, надо было переводиться по месту нового жительства. Но район был новый, и народ здесь еще нормально не обжился. Мы с Галей ходили в две ближние школы и одну из них выбрали – удачно или нет, трудно сказать. Правда, по пути к ней надо было переходить улицу, но тогда улица была еще совсем тихой.

В начале 60-х годов у Александра Андреевича на работе стало известно, что разные деятели образования создают жилищный кооператив, который хочет построить дом в Измайлове в районе, где до сих пор было еще немало пустырей, а застройка была хрущевскими 5-этажками. Деньги как будто находились. И вот в конце 1964 г. дом был готов – кирпичный, 8-этажный, на 200 с лишним квартир.

В начале 1965 г. мы переселились в Измайлово. Это была та самая 3-комнатная кооперативная квартира, в которой мы и сейчас с Галей доживаем свой век. Членом кооператива числился Александр Андреевич, больше половины взноса сделал он; я тогда еще смог внести меньше половины. А всего она стоила около 9 тыс. рублей. Теперь за такую сумму можно купить около 1/5 квадратного метра, но даже если учитывать, что рубль подешевел в 40 раз, то все рано квартирная площадь теперь окажется раз в 6–8 дороже, чем была до ельцинского переворота.

Комнаты распределились просто: одна – бабушке с дедушкой, вторая – нам с Галей, третья – сыновьям. Почти в одно время с нашим переездом открылась и станция метро “Щелковская”, которая до сих пор остается конечной на нашей линии. С метро связь с городом стала проще; однако когда я стал ездить в Главный ботанический сад в Останкино, часто пользовался и трамваем, который и сейчас ходит по Первомайской ул. и далее на Выставку.

В Измайлове дети вступили в самый трудный – подростковый возраст, это сказалось и на разных инцидентах в школе. Костя в первые же годы завел собаку и аквариум. Саша был менее активен и более спокоен, с ним было и меньше трудностей в школе; учился он лучше. Я первые годы в Измайлове завершал свою докторскую диссертацию и готовил по ней монографию; после защиты, в том же 1966 году меня Цицин пригласил заведовать по совместительству гербарием в Главном ботаническом саду, так что первые годы в Измайлове были для меня очень напряженными. А в 1975 году Цицин схлопотал для меня квартиру в новых домах в Бибиреве – Алтуфьеве, куда переехали трое: я, Галя и Саша. Впрочем, реально мы еще довольно долго базировались на Измайлово.

Целую эпопею составило поступление сыновей в Педагогический институт. Школа в Измайлове была слабовата, и народ там был очень разношерстный, да и учились оба не на пятерки. Значит, на поступление в университет рассчитывать было нельзя. Но определенные склонности у Саши и у Кости все-таки обозначились, и это очень помогло. Конечно, пришлось обратиться и к репетиторству, но все-таки оба поступили в Педагогический институт.

К великому нашему огорчению, у Саши проявился сахарный диабет. Уже на первом курсе он чувствовал себя плохо, так что пришлось прибегнуть к медицине и оформить повторение курса. Медицинское обследование, и как допризывника, и при поступлении в институт – не провело надлежащего исследования мочи, и (высокий!) сахар в моче был обнаружен только после специальной заявки эндокринолога, когда Саша уже по виду был бледен и плох. Его срочно положили в больницу и дали еще одну годичную отсрочку.

Когда появилась квартира в Алтуфьеве, стал выбор: кого взять с собой, а кого оставить в Измайлове. Решили взять Сашу – ему еще оставалось до окончания института на 2 года дольше, и в отношении здоровья, казалось, ему лучше быть при нас. А измайловская квартира фактически осталась для доживающих свой век стариков: сперва Александра Андреевича и Марии Федоровны, а потом и меня с Галей. Костя, хотя юридически и хозяин этой квартиры, фактически ей почти никакого внимания не оказывал.

VIII. В университете

Как я уже говорил, меня приглашали сначала в гербарий Университета, но это дело наглухо заблокировали лысенковцы, захватившие биологический факультет. Благодаря некоторым друзьям моего отца, был найден ход к ректору МГУ И. Г. Петровскому, и я был принят на строительство нового ботанического сада рядом с новым зданием университета на Воробьевых (тогда Ленинских) Горах. До той поры я интересовался растениями, только растущими в природе, собирал их в гербарий, дома цветов не растил и цветочными клумбами мало интересовался. При больнице на Донской улице была оранжерейка и при ней садовник, с которым папа меня познакомил, но ни в школьные, ни в студенческие годы я этим знакомством не воспользовался. И вот я начал работать в ботаническом саду, где главное – растения выращивать. И проработал в университетском саду 20 лет (1952–1972), а всю остальную жизнь – в Главном ботаническом саду.

Две первые зимы мое рабочее место было в небольшом двухэтажном корпусе старого ботанического сада университета на 1-й Мещанской (теперь это проспект Мира). Директором сада была Нина Александровна Базилевская. Она же возглавляла и небольшую группу новых сотрудников, принятых для организации нового сада. В здании было 2–3 лабораторных комнаты с элементарным оборудованием: микроскопы, термостаты, лабораторная посуда. Была и очень неплохая библиотека (правда, литература была преимущественно старая).

На меня была возложена задача – разработать детальный проект участка систематики высших растений на территории будущего сада: около 0,8 га площади, на которой должно разместиться более 1000 делянок по 1,5 кв. метра, найти источники посадочного материала, подрастить этот материал и высадить на участок. Подготовку территории сада, в частности и моего участка, должны были обеспечить строители; они же должны обеспечить рабочей силой и подращивание растений и их посадку.

Вроде бы всё ясно. Университет строился “по высочайшему повелению”, в расчете на широкую и дальнюю перспективу, при его проектировании все пожелания могли быть выполнены. Но не после того как все проекты были утверждены. Еще совсем недавно отгремела война, на строительстве главного здания университета было еще много военнопленных немцев; еще был жив И. В. Сталин, и начавшийся в конце войны бум подъема науки – хотя и был изрядно подпорчен лысенковщиной – но еще продолжался. Новый Московский университет должен был если и не затмить славу Оксфорда, Сорбонны и Гарварда, то, по крайней мере, стать наравне с ними.

Тем не менее, сложностей и трудностей было достаточно. Начать с того,

что утвержден был проект не только основных зданий университета, но и планировки всей его территории, и ботанический сад должен был уложиться в эту планировку. Иначе ждать до отвода места где-то еще. Для территории, где нужно было развернуть сад, было запроектировано только одно здание – общественный туалет; предполагалось, что все сотрудники разместятся в здании биологического факультета. Большой участок сада должен был носить характер партера. Его решили сделать в виде розария. Для питомника отводилась ничтожная территория, а для экспериментальных работ – и вовсе никакой.

Но главной трудностью для меня были отношения со строителями. У них окончательным считался результат, когда участок засажен растениями. Сделано ли необходимое выравнивание поверхности, обеспечен ли сток, подготовлена ли почва – т. е. то, что по существу от них и требовалось – для них было совершенно второстепенным, главное – засадить растениями и соответственно “запроцентовать”. А мы целиком зависели от строителей: земляных работ мы сами сделать не могли. Приходилось искать какие-то компромиссы. Помню, раз пришли в сад помочь благоустройству студенты – китайцы (тогда их было в университете очень много). Я их заставил на носилках таскать мокрую глину с одной части участка на другую, чтобы обеспечить надлежащий сток. А день был дождливый.

Точно уже не помню, когда ботанический сад был объявлен построенным – кажется, в 1954 году. На этот момент определился состав подразделений сада и рабочего коллектива. Из старшего состава, кроме самой Н. А. Базилевской, хорошо образованным и опытным ботаником был только Тит Трофимович Трофимов. До хрущевского сокращения заповедников он работал в Верхне-Клязьменском заповеднике, где мне как-то случилось у него побывать. Еще у него был опыт работы в Средней Азии, когда-то он побывал даже в китайской Кашгарии. В нашем саду он ведал самым крупным отделом – дендрарием. И работал он серьезно и основательно. Особенно симпатизировал облепихе, выпустил о ней небольшую книжечку. Традиция распространения облепихи осталась у сада и дальше.

Кроме обычных разделов ботанических садов, был еще – в духе эпохи – плодовый сад, в котором были представлены сорта И. В. Мичурина и его последователей. Но сотрудники этого сада были в основном нормальными плодоводами, без лысенковской агрессивности.

Очень существенным минусом было то, что на территории, где развертывался сад, не должны были появиться оранжереи. Таковые оставались только в старом саду и уже в весьма обветшавшем состоянии. Старый сад под “стройку века” не подходил. А в новом саду единственным капитальным строением должен был быть туалет.

Однако же, поскольку всем было ясно, что у работников сада должны быть хоть какие-то помещения в самом саду, удалось сохранить от эпохи строительства маленькие “финские” домики в плодовом саду, чуть побольше домик – модель профессорской квартиры – для дендрария и низкий барак чисто российского типа – для остальных сотрудников. Много лет спустя удалось бараку придать форму настоящего здания. Я помещался сперва в бараке, а через несколько лет мне дали комнату в экспериментальной теплице факультета.

Перед открытием сада произошло его крупное кадровое пополнение: несколько выпускников университета и около 20 лаборанток – выпускниц Ногинского садоводческого техникума. Из выпускников университета А. Г. Еленевский и С. М. Разумовский не ужились в сложной и трудной обстановке первых лет в саду, сочли ее бесперспективной и ушли. Впоследствии оба приобрели известность: С. М. Разумовский теоретическими трудами по геоботанике, а А. Г. Еленевский – как заведующий кафедрой в Московском педагогическом институте. Ушли также Г. И. Черкасова и И. К. Артамонова – они проявили себя в журнале “Цветоводство”. Из этой группы “университетских” осталась в саду только К. В. Киселева.

Позже, когда я помещался уже в благоустроенной комнате при оранжерее, со мной работали старшими лаборантами и м. н. с. М. Д. Гольшева, Т. А. Репина, на смену им Н. Б. Белянина и И. И. Русанович, а лаборанткой А. И. Рудакова (из числа бывших ногинцев, которых в саду тоже осталось не больше половины). Белянина и Русанович перешли со мной в ГБС.

Мне было ясно, что 1000 видов разместить на участке нереально; ведь за каждым должен быть квалифицированный и дифференцированный уход. Да и совсем ненужно – гораздо важнее иметь какой-то клочок земли для подращивания растений и опытной работы. Еще в период строительства удалось убедить в этом Н. А. Базилевскую. А мне хотелось начать какую-нибудь исследовательскую работу. Начинаний было несколько. Во-первых, я уже раньше интересовался осоками, и для проработки их систематики заготовил еще в старом здании на 1-й Мещанской, зафиксированные и залитые в парафин для анатомических срезов органы осок: листья и корневища. Но когда я вышел на землю, на участок в новом саду, анатомия меня уже не стала так привлекать.

В 1950-е годы много внимания к себе притягивал феномен амфиплоидии: с помощью колхицина можно было удвоить набор хромосом и тем самым гетерозиготный и стерильный гибрид сделать гомозиготным и плодовитым. Получался как бы новый вид. Для этого мне казались подходящими злаки рода *Festuca*, интерес к которым мне привил П. А. Смирнов, и травянистые малины – *Rubus saxatilis* и *R. arcticus*, естественные гибриды которых я часто встречал

на Денежкином камне и несколько образцов которых я вывез с собой и посадил в саду. Интересны были и ивы, поскольку они легко образовывали и естественные, и искусственные гибриды.

Я начал с того, что стал подбирать живые коллекции овсяниц из группы *F. rubra* – *ovina*. У меня набралось, вероятно, 20–25 образцов, из них большинство – из группы *F. rubra*. Созерцая огромное разнообразие и внешнего облика, и детальной структуры в группе *F. rubra*, я понял, что гибридизация и амфилоидия здесь приведет к созданию не нового вида, а просто еще одного варианта к уже существующим в природе десяткам и сотням вариантов. Недаром и в литературе относительно систематики этой группы также существуют десятки различных точек зрения. Однако гибридизацию *F. rubra* с видом из группы плотнoderновинных овсяниц, я все-таки произвел (Доклады АН, 1960), но дальше дело не пошло.

Что касается ив, я начал с высадки черенков, выписанных из Лесостепной опытной станции в Орловской области. Это были почти исключительно гибриды. Некоторые отличались декоративным обликом или сильным ростом. Но ивовая систематика мне показалась гораздо интереснее ивовых гибридов. Еще в Институте цитологии, будучи в Кропотове, я старался освоить различие местных среднерусских ив, а в 1955 г. опубликовал статью об этих ивах в зимнем состоянии.

Хотя заведовать гербарием меня лысенковцы не пустили, приходиться туда и просматривать имеющиеся там сборы – запрета не было. Я проводил в гербарии немало времени, особенно зимой. Тем более, что новый заведующий, Михаил Николаевич Караваев, человек уже пожилой, оказался очень симпатичным и доброжелательным; вместе с тем, он был очень осторожен и осмотрителен. У меня с ним сложились самые хорошие отношения. М. Н. раньше работал в Якутске, издал “Конспект флоры Якутии” и поддерживал отношения с Якутском и с Магаданом, постоянно получал оттуда интересные новые гербарные сборы и семена тамошних растений. В гербарии МГУ я обнаружил два новых вида ив: *Salix nasarovii* и *S. recurvigemmis*. Виды, без сомнения, вполне “хорошие”, сразу всеми признанные. Что же до семян, которые Михаил Николаевич обычно передавал мне для посева в саду, они все согласно поучали меня, что северяне юга не любят. Ни один вид из посеянных не чувствовал здесь себя хорошо. Все скоро выпадали.

Так окончательно определилась основная линия моей работы: систематика ив. Она стала и главной целью поездок в Ленинград, в Ботанический институт. В течение нескольких лет я ездил туда почти ежегодно, и на долгие сроки – по месяцу и даже более. Жил там в разных местах, дольше всего у старушки в старом доме на территории самого ботанического сада. Обедал в столовой сада (вполне приличный был обед за совсем низкую цену). Жил также и в

академических гостиницах на ул. Энгельса (метро Удельная) или на ул. Халтурина (бывшая Миллионная) недалеко от Зимнего дворца. Но в последней мне не нравилось: там был туалет только в коридоре, и рядом не было, как на Удельной, магазинов.

В начале 60-х годов А. И. Толмачев (тогда зав. кафедрой в университете) подал идею издания “Арктической флоры СССР”. За исполнение взялась группа сотрудников лаборатории растительности Севера Ботанического института: фактически проект возглавлял Борис Александрович Юрцев, который окончил Московский университет, но там не смог устроиться в аспирантуру и уехал в Ленинград, где за работу по горному массиву Сунтар-Хаята (у южного конца Верхоянского хребта) ему присудили сразу докторскую степень. Правда, он просидел над этой работой много дольше трех аспирантских лет. “Арктическую флору” он сумел довести до конца и в 1989 г. она получила Государственную премию СССР. (Моё участие, кроме Ивовых, выразилось еще в нескольких небольших группах). Впоследствии выходили ее переводы на английский; у меня есть 2 тома – примерно половина всего труда, но вышли ли и остальные – я не знаю.

Боря Юрцев был наш москвич, ботаник “божиею милостью” со школьных лет, любимец университетских ботаников. Но острый на язык, и потому не всем нравился, особенно, конечно, лысенковцам. Он был лет на 12 моложе меня; его я знал уже как студента-первокурсника. И вот в 2005 году его не стало. Последний раз мы виделись, когда я был в последний раз в Петербурге – в 2000 году, за месяц до моего первого инсульта. У него была опухоль околоушной железы, несколько раз оперированная. Но до последнего дня он работал. Еще в 2005 году его имя стоит среди авторов поздравительной статьи в ботаническом журнале по случаю моего 85-летия.

Обзор ив для “Арктической флоры” был первым важным шагом к моей докторской диссертации. Второй важный шаг удалось сделать при участии Марины Гольшевой – обзор анатомической структуры листа разных групп ив. Этот обзор был напечатан (на русском языке) в Acta Botanica (Budapest). Третьим шагом было изготовление фотографического альбома видов ив, в основном снимки с гербарных образцов. Их мне сделала на стеклянные пластинки 13x18 лаборантка сада Анфиса Кузнецова. Правда, до готовности я довел только 1 экземпляр, но на защите он фигурировал.

Защищал диссертацию я в июне 1966 г. в Университете. Оппонентами согласились быть: В. Н. Сукачев, А. И. Толмачев, А. Г. Воронов. Толмачев приехать не смог, за него оппонентом выступил Л. Ф. Правдин. Защита прошла успешно. В 1966 г. лысенковцы уже утратили влияние.

С В. Н. Сукачевым я познакомился, когда я начинал собирать живую коллекцию ив; у него был экспериментальный участок в Серебряноборском лесничестве, где он в основном и вел работу с ивами: занимался их

гибридизацией, отчасти с целью получения форм, дающих длинные гибкие пруты для плетения. Особенно интересны у него были две группы растений: 1) гибрид *Salix pyrolifolia* x *S. rosmarinifolia* – F1 и целая гамма его расщепления в F2. 2) группа позднепойменных экотипов *S. viminalis*, и *S. triandra* с Нижней Волги. Еще у него был в коллекции *Sorbocotoneaster*, находка которого в Якутии в свое время была маленькой сенсацией. Но было совершенно ясно, что это никакой не гибрид, а форма *Cotoneaster* с частью листьев сложными, т. е. некий атавизм.

Через 2 года после защиты вышла моя книга “Ивы СССР”, где материал был существенно переработан и дополнен включением видов зарубежной Европы. В 1999 г. она вышла в Финляндии в переводе на английский язык.

В дальнейшем я хотел было продолжать работу с ивами – но материала было явно слишком мало, да и был он в основном в Петербурге. Так что я в значительной мере переключился на березы. Тут со мной сотрудничала И. И. Русанович (ее диссертация была о березах). Но в университете мы смогли только провести ревизию группы *Betula alba* s. lat. и убедиться, с одной стороны, в необычной склонности наших берез к межсекционной гибридизации, а с другой – в неоправданности различения у наших белых берез более двух видов. В 2000 г. Н. Н. Цвелев выступил с обзором берез Северо-запада России. Он там приводит всего 5 видов, из них 4 гибрида между кустарниковыми и древесными видами. Различия с нашими результатами столь разительно, что можно только развести руками и промолчать.

Но были и другие интересы. Еще в 1950 г., будучи в первый раз на Северном Урале в районе Денежкина камня, я впервые столкнулся с массовыми зарослями голубой жимолости, в июле месяце обильно плодоносившей (до той поры я видел ее только изредка в окрестностях Кирова). Я, конечно, не удержался, чтобы ягоды не попробовать. И меня сразу поразило, что степень горечи в них очень разная; есть кусты с ягодами, почти лишенными горечи. Местным жителям это хорошо известно, но жимолость они не культивируют, и кусты со сладкими ягодами так и остаются на месте в природе. В тогдашней литературе вкусу ягод придавалось таксономическое значение, и растения Забайкалья и Дальнего Востока, имевшие ягоды почти без горечи, считались за отдельный вид.

Но у меня создалось иное представление. Я счел, что дело только в частоте и выраженности признака, и если поискать хорошенько, то и среди массы горькоплодных кустов можно найти сладкоплодные. Это в дальнейшем и подтвердилось. Несколько наименее горьких кустов я вывез в Москву и посадил в Жаворонках под опеку тети Ксени и тети Лены, а в дальнейшем получал семена и привозил кусты из разных мест от крайних северных (Хибины, Нарьян Мар, низовья Оби, Магадан) до крайних южных

(Алтай, Памир) и от крайних западных (Пиренеи) до крайних восточных (Курилы) пределов ареала голубых жимолостей.

В ботаническом саду Университета мне помогала Т. А. Ретина, а после моего перехода в Останкино – А. Г. Куклина. Обе они защитили по изучению голубых жимолостей кандидатские диссертации. Суть дела состояла не только в детальном изучении морфологии и биологии, и изменчивости жимолостей, но и в повторных пересевах с последующей жесткой отбраковкой, в результате чего сформировалась культурная популяция, обладающая широким диапазоном изменчивости, но начисто лишенная горечи. В 2002 г. вышла в свет книжка, подытоживающая эти работы.

В одну из первых экспедиций ботанического сада, в 1956 г., мне случилось быть на северном берегу Иссык-Куля; базировались мы около Пржевальска, в станции ВИЛРа (института лекарственных растений). Тут я имел случай познакомиться с местной жизнью, в основном, русского населения, которое поселилось здесь еще в XIX веке. И меня поразило сходство быта, хозяйства и самого облика здешних поселений с южнорусскими. Замечательные березовые и тополевые аллеи, одноэтажные домики с дощатыми заборами, и сады, сады... А в садах множество абрикосов. И мной овладела мысль: если здесь всё так похоже на Россию, то почему бы здешним абрикосам не расти у нас?

Я собрал абрикосовых косточек и в Москве посеял их. В следующем году появились всходы – штук 50. В первую зиму часть их выпала, но многие и остались. Вторая зима – уже легче, а в 1963 году несколько деревьев заплодоносило, и плоды оказались вполне приличными. Это меня вдохновило, и я стал выписывать семена абрикосов из разных мест. Но ни места в саду, ни собственного внимания тогда не хватало. Заметно работу удалось расширить только в 1974 г., после моего перехода в Главный ботанический сад.

Эти строки пишу в 2006 году, через 50 лет после моего посещения Пржевальска. Одновременно работаю, вместе с моей сотрудницей Л. А. Крамаренко, над книжкой, подводящей итоги абрикосовой эпопеи – итоги достаточно положительные.

Программа участка систематики в университетском саду давала полный простор для выращивания любых экзотических растений, способных выдерживать московский климат и не выходящих за пределы высоты в 1,5–2 м. А источники получения интересных материалов – обменные каталоги других садов, в том числе и зарубежных, к нам регулярно поступали. Попытки вырастить нечто новое, у нас мало известное, придавали интерес и рутинной работе по поддержанию участка. Опыт такого выращивания был подытожен в совместной с Н. Б. Беляниной статье (1973) в сборнике в честь 75-летия Н. В. Цицина.

Но еще интереснее и поучительнее был опыт, приобретенный при

выращивании широкой гаммы разных растений, происходящих из разных экологических и географических условий. В частности, этот опыт поучает, что у растений, происходящих с севера, как правило, приросты и в надземной и в подземной частях меньше; к тому же корневая система более поверхностна; свой сезонный цикл северяне проделявают быстрее, чем местные представители того же вида (скажем, *Salix reticulata* из Хибин в Москве заканчивала вегетацию уже в конце июня), а что делать дальше – они не знают. Например, голубая жимолость из Магадана в Москве почти каждый год в осеннее потепление начинала распускать цветочные бутоны, приготовленные для следующей весны. Особенно резкое различие можно обнаружить у растений древесных: измерив приросты лет за 10, можно обнаружить, что взятые с северного предела ареала вида, в несколько раз ниже растений того же вида, взятых из центральной (а тем более южной) части ареала. Южным же растениям недостаток тепла компенсируется уходом, и именно поэтому они – благодарный материал для интродукции.

Культивирование растений выявляет и их приуроченность к определенным условиям. Например, еще не так давно считали (да и сейчас кое-кто считает), что выражение “растение тенелюбивое” – не вполне научно, правильнее говорить “растение теневыносливо”. Однако опыт показывает, что если растение свойственно тенистым местообитаниям, то и при культивировании их надо притенять. Растения верхового болота, вроде багульника или клюквы, не хотят расти на грядке питомника. Степь, созданная из привезенных степных дернин, очень быстро перерождается в луг (кстати, этому пример был и в саду МГУ: там подобную степь, созданную В. А. Сорокиной, даже с известкованием подпочвы и наклоном поверхности к югу, не удалось удержать от деградации и 10 лет).

И, наконец, есть и еще одно интересное и важное обстоятельство. Никакие условия культуры не могут изменить генотип особи; как бы растение ни изменило свой облик в культуре, индивидуальные особенности именно этого генотипа сохраняются. И вот умение отличать, с высокой долей вероятности: что в растении от генотипа, а что – от влияний среды, умение, которое постепенно приобретается в опыте, очень важно не только для людей, занятых культивированием, но в неменьшей степени и для систематики. Кто не умеет отличать модификации от генотипических особенностей – пусть лучше систематикой не занимается.

В заключение я хочу сказать, что за годы работы в ботаническом саду университета я получил огромный, хотя и нелегко доставшийся опыт. Сочетание изучения растений в природе и в гербарии с их культивированием дает понимание многих вещей, непонятных при каком-либо одностороннем подходе. И именно опыт, приобретенный в ботаническом саду университета, после перехода в ГБС позволил мне

здать несколько аспирантских тем по изучению изменчивости растений (Т. А. Зайцева, С. П. Дронова, Ю. К. Майтулина, А. Г. Куклина).

Но, отдавая львиную долю своего летнего времени растениям в культуре, я не забывал и милую моему сердцу флористику. В экспедициях я всегда собирал, сколь возможно, и общий гербарий. Сбирал, конечно, и в Московской области. В результате, вместе с двумя такими же заядлыми флористами – В. Н. Ворошиловым и В. Н. Тихомировым – мы смогли составить и выпустить (в 1966 г.) “Определитель растений Московской области”.

В конце того же 1966 года мне передали приглашение Н. В. Цицина возглавить гербарий ГБС, по совместительству. Я согласился. Поскольку общая обстановка в биологии снова стала довольно благоприятной, я смог – обычно 2 раза в неделю – отрываться в ГБС. И так до 1972 г., когда с В. Н. Ворошиловым случился конфликт, и он должен был оставить должность, которую до того занимал – заведующий отделом флоры, и на меня сильно надавили, чтобы я за нее взялся. Я долго не решался – но конечно, решать надо было либо университет, либо ГБС, одно постоянное место. А в другом можно быть гостем. Я решил на ГБС.

IX. Главный ботанический сад

Еще в конце 1966 г., после того как я защитил докторскую диссертацию, мне передали приглашение Н. В. Цицина принять кураторство гербария ГБС, хотя бы по совместительству. До этого гербарий был в ведении В. Н. Ворошилова, поскольку находился в составе отдела флоры СССР, которым заведовал В. Н. Я давно был знаком с В. Н. Ворошиловым; мы вместе работали над московским “Определителем”. Группу сотрудников гербария составляли Е. Е. Гогина, Г. М. Проскурякова и В. В. Макаров – тоже известные мне люди, вполне положительные. Новыми для меня были только 3 технических сотрудника. Я согласился. И по совместительству проработал в ГБС почти 6 лет. Как правило, я приезжал в ГБС два раза в неделю. Мне выделили в главном здании сада отдельную комнату. Гербарий занимал большой высокий зал, кажется, первоначально предназначавшийся для библиотеки; он был уже укомплектован шкафами в расчете на размещение примерно 400–500 тысяч листов. Шкафы были вполне приличными, деревянными, трехъярусными. В момент моего прихода в основном фонде было ок. 60 тысяч листов. Много шкафов было занято случайным временным материалом. Были уже и залежи интересных, но плохо этикетированных материалов (особенно сборы Г. В. Микешина – около тысячи листов из Китая).

В общем сложилось впечатление, что гербарий имеет возможности и должен расти. Поэтому я сразу наметил перспективную программу деятельности гербария: 1) Максимально использовать экспедиционные

возможности ГБС; 2) Начать издание 2 серий эксикат: “Растения Европейской части СССР” и “Древесные растения природной флоры СССР”; 3) Интенсифицировать обмен, особенно с зарубежными коллегами. Эту линию я продолжал и ставши в 1972 г. заведующим отделом флоры СССР. Продуктом изучения гербарного дела, его истории и современного состояния стала книжка “Гербарий”, вышедшая в 1977 г. Однако государственным переворотом 1991 года, последовавшего за ним государственным отворотом от науки, все планы были разрушены.

В ГБС я бывал и раньше. Еще когда не было теперешнего главного корпуса, сотрудники сидели в глубине сада в бараках, оставшихся от бывшего здесь лагеря заключенных. Ворошилов работал в саду почти с первого года его существования; его участок был то, что теперь называется “старый Дальний Восток” – небольшой участок у забора сельскохозяйственной выставки. В 50-е годы он много экскурсировал по Московской области. В его компании я познакомился с Борисом Митрофановичем Кульковым – из поколения еще дореволюционных энтузиастов любителей московской флоры, хорошо знавшим еще Д. П. Сырейщикова. От Кулькова я в частности узнал о замечательном местонахождении редких орхидных на известняках р. Пахры.

Когда я пришел в гербарий, В. Н. Ворошилов заведовал отделом флоры СССР, сменив здесь скончавшегося М. В. Культиасова. Он особенно уделял внимание участку (“новому”) Дальнего Востока. До ГБС Ворошилов работал в ВИЛАРе (институте лекарственных растений) и много ездил по стране, особенно на Дальний Восток. Ставши зав. отделом, ездил меньше, но еще более целеустремленно на Дальний Восток. Плодом изучения флоры Дальнего Востока явились две его книжки – определители флоры Дальнего Востока (1966 и 1982).

В. Н. Ворошилов был известен как любитель женщин. В ГБС он посмотрел себе рабочую Асю Богатыреву, но она хотела оформить брак, а он не захотел. Получился скандал; Цицин и Лапин были любители строгих порядков, и Ворошилову в наказание пришлось оставить заведование отделом. Был объявлен конкурс, и на меня очень надавили, чтобы я согласился. Поскольку в Университете директором сада был уже В. Н. Тихомиров, понятно, что молодые обещающие выпускники университета станут тяготеть к нему, как и тематика, а я уже хотел растить молодых в своих направлениях. Я решил перейти в ГБС, но только если со мной возьмут и 2 моих сотрудниц из университета – И. И. Русанович и Н. Б. Белянину. Условие было принято, вопрос этим был решен.

Когда я вступил в заведование отделом, в нем было около 40 сотрудников, примерно пополам научных и технических. Главная обязанность, лежавшая на отделе – поддержание 6 экспозиций в открытом

грунте: Европейской части, Сибири, Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока и диких полезных растений (“ДП”). К ним был общий питомник в дальнем углу сада. Только последняя экспозиция выглядела как обычно в ботанических садах: небольшие четко очерченные делянки, каждая с куртиной одного вида. Остальные участки были созданы в подражание естественным типам растительности. Такой порядок, конечно, гораздо интереснее, чем деляночное расположение растений. Но он и требовал большего количества труда для своего поддержания, притом труда весьма квалифицированного. Это создавало несоответствие между запланированным и реально осуществимым. И это несоответствие постоянно тяготело над отделом. Но чтобы все-таки поддерживать некоторый уровень, обычно в начале июля проводился смотр всех участков всех отделов, и оставившие самое лучшее впечатление выделялись и премировались.

С самого начала я поставил задачу, чтобы куратор каждого участка нашего отдела изложил опыт культивирования растений своего региона в московских условиях в книжечке, ориентированной на широкую публику, на любителей. Но – куда там! Летнее полугодие куратор занят выше головы на участке, а зимой должен проверить и внести в картотеки все записи о состоянии растений. Дважды были изданы сухие отчеты наблюдений по видам, но до книжек для широкого читателя дело, к сожалению, так и не дошло.

В отношении участков и по разным административным делам мне помогала Наталия Владимировна Трулевич. Когда мне в 1987 г. пришел срок оставить заведование по возрасту, она стала заведующей, а я вот уже 20 лет состою при отделе в должности главного научного сотрудника. После 2002 г. пришел черед оставить заведование и Наталии Владимировне; гербарий выделился в отдельную лабораторию; заведовать отделом природной флоры стала Юлия Константиновна Виноградова (бывшая Майтулина), когда-то моя аспирантка; гербарий возглавил Михаил Станиславович Игнатов, когда-то тоже бывший в аспирантуре отдела, а затем защитивший докторскую диссертацию по мхам и создавший у нас хороший гербарий мхов.

Общая обстановка в ГБС была гораздо более партийной, и вместе с тем менее интеллектуальной, чем в университете. Очень сказывался полухозяйственный характер учреждения; по хозяйственным делам было с кем посоветоваться, а по научным дело обстояло хуже. Контакты с сотрудниками других отделов носили в основном чисто служебный характер, более свободный разговор бывал только в узких рамках гербария.

Помню, еще в самые первые годы пребывания в ГБС я на заседании совета рассказывал о поездке в Данию в 1969 г. и в частности сказал, что там если дают определенную сумму на экспедицию, то не спрашивают

подробной бухгалтерской отчетности, а только научные результаты; неплохо было бы принять такой порядок и у нас. На это П. И. Лапин заметил, что надо бы было высказываться “более патриотично”. Я хорошо понял смысл его слов и принял их к сведению.

С другой стороны, в ГБС были и существенные преимущества по сравнению с университетом. Здесь было более свободное финансирование. Ряд лет мы организовывали экспедиционные поездки с 1, а то и с 2 специальными машинами; общая сумма расходов на них была от 12 до 18 тысяч рублей в сезон. А на командировки почти не было ограничений. Ботаническая литература приходила более полно, чем в университете (но, конечно, много тощее, чем в БИН в Санкт-Петербурге). Наконец, здесь у меня стали шире возможности иметь аспирантов.

Все главные персоны в ГБС выдвигали в качестве основной специфики ботанических садов и главное их назначение интродукцию. Хотя, как это нечаянно обнаружилось, главные апостолы интродукции не держали в руках старинных каталогов и не знали, что, например, в Санкт-Петербургском ботаническом саду уже в конце XIX в. в культуре было не меньше интересных видов, чем в ГБС в конце XX века. Под интродукцию подстригали всю основную тематику сада. Даже добивались (и на короткое время добились), чтобы интродукция была отдельной специальностью по защите диссертаций. Интродукция навязла в зубах. Глашатаи интродукции не понимали, что от выращивания дикого вида в саду – до того, как он станет подлинно культурным растением – дистанция огромного размера. Чтобы прибавить к имеющейся культурной флоре еще один вид, нужно положить целую жизнь, или, по крайней мере, ее существенную часть.

Я хотел даже в виде некоей насмешки сочинить словарик терминов для интродукторов. С помощью латинских и греческих приставок и суффиксов и последующей русификации получалась куча псевдоученого словесного мусора, в котором оказалось и несколько забавных выражений, вроде, например, экстрадукция, псевдодукция, трахидукция, пропердукция и т. п. Но реально я только напечатал статейку, в которой показал, что употребление тогда распространенного термина “интродуцент” для обозначения интродуцированных растений, элементарно безграмотно: по грамматике этот термин должен обозначать того, кто интродуцирует, т. е. синонимичен со словом “интродуктор”.

Наряду с интродукционным пустословием, с реальными возможностями для интродукции дело было ненамного лучше, чем в университете. Например, среди обещающих растений, перенесенных мной из университета, был кустарниковый пион. Я перенес 2–3 летние сеянцы. Но они все в первый же год были украдены, далеко не дойдя до цветения. Сперва нам для отдела дали отсек в оранжерее для опытных работ – потом

отобрали. Сперва выделили около 1 га земли под абрикосовый сад – но потом оказалось, что это место предназначено для строительства разводочных оранжерей. Стало ясно, что вкладывать туда время и труд – бессмысленно. Но это – частности. Главная же причина была в жестком противоречии между тем, что нужно для движения вперед – и тем, что нужно для поддержания сада в запланированном состоянии. Слишком велики были мечты и радужные планы, и получилось, что отдача слишком мала. Сейчас сад находится в прострации. Ясно, что нужна коренная реконструкция, а не просто пропорциональное сокращение всех разделов. Если наука не нужна – сдать площади под разное делание денег, а если все-таки науку сохранить – надо как-то четко разграничить ее от делания денег.

Несколько слов о библиотеке ГБС. Надо отдать должное первостроителям сада, они понимали ценность библиотеки. В Санкт-Петербурге в 1930–32 годах произошло слияние двух ботанических учреждений: ботанического музея Академии Наук и Императорского ботанического сада. У обоих были хорошие библиотеки, и при слиянии их получилось много дублетов, в том числе редкой старой литературы. Эти дублеты и были переданы в ГБС. Кроме того, П. А. Баранов сумел получить и толику старинных книг из трофейного фонда, главным образом частновладельческого. И в целом примерно до 1970–80 годов библиотека получала важнейшие иностранные журналы и практически всю отечественную литературу, так или иначе интересную для сада. Но в 80-е годы все это стало быстро ухудшаться, а в 90-е нарушилось вовсе. Каталог остался карточный, электронной техникой сами библиотекари не владеют и помочь набрать литературу через интернет не могут. Нужна реорганизация от основания. Я уже вряд ли доживу...

Я хотел работы, посвященные внутривидовой изменчивости, опубликовать отдельным сборником. Но сами авторы работ были удовлетворены полученной степенью и не очень хотели работать с этим материалом далее. А мне тоже не очень хотелось перерабатывать их диссертации в статьи. Главная суть работы была ясна. К тому же еще самая интересная работа С. П. Дроновой из-за ее болезни осталась неоформленной. Вместе с тем других интересов хватало.

Ельцинский переворот сказался и на подготовке молодых кадров: аспирантура как бы впала в анабиоз. Особенно затруднилось проведение работ с выращиванием растений: ни на подготовку земли, ни на охрану опытных участков надеяться было нельзя. Однако желание вырастить что-то для Москвы новое оставалось. Правда, последние годы это составляло в основном только присмотр за тем, что было посажено еще когда-то. В конце 90-х годов я стал подводить итоги, и уже после 2000 года дорабатывать их до статей в Бюллетене ГБС (в №№ 188, 190, 191, 192).

Про интересные виды, выращенные в ботаническом саду МГУ, я рассказал в Бюллетене ГБС № 80 (1971).

Назову наиболее интересные виды, которые мне удалось успешно вырастить и довести до цветения: *Myrica pennsylvanica*, *Calycanthus floridus*, *Cercidiphyllum magnificum*, *Fothergilla gardenii*, *Corylopsis pauciflora*, *Hypericum kalmianum*, *H. olympicum*, *Castanea dentate*, *Platanus occidentalis*. Еще не дошли до цветения, но уже вполне взрослые деревья буки и карики. Буки не разводятся в Москве только потому, что надо брать семена с верхнего предела леса в Крыму или на Карпатах, а не откуда попало из питомников. Взятые с верхнего предела деревья растут довольно медленно, но совершенно зимостойки. Карики до сих пор считались неперспективными для Москвы. Зря! По крайней мере *Carya ovata*, *C. laciniosa* и *C. cordiformis* вполне могут существовать в условиях Москвы. При некоторой защите от холодных ветров может существовать и американский платан (в 2007 г. цвел!).

При всех пережитых трудностях и неприятностях, в моей судьбе все-таки было больше хорошего, чем плохого; сделано пусть не все, что хотелось, но сделано добросовестно. Сейчас идет 41-й год моей работы в ГБС. А за всю мою научную деятельность нужно различить 2 периода неравной длительности:

I. До 1951 г. Гистология животных и становление общего взгляда на науку. Здесь, я надеюсь, я воспринял традиции Института, который еще тогда был известен, как “кольцовский”. И к гистологии у меня уже выработался эволюционный подход. Но на втором плане уже была – еще как хобби – и флористика.

II. После 1951 г. Основное – ботаника. Но вместе с ней и постоянно нарастающий интерес к общим проблемам биологии. Тут можно различить несколько направлений:

1. Флористика: сперва в Средней России, а затем и в Нижнем Поволжье. При этом, конечно, и разрешение некоторых частных вопросов систематики. Много сил и внимания было уделено гербарию. От 60 тыс. экземпляров в 1960 г. он к 2000 году увеличился до 550 тыс. Был начат выпуск эксикат, обмен достигал 3–4 тыс. листов в год. В 1966 г. я участвовал вместе с В. Н. Ворошиловым и В. Н. Тихомировым в подготовке “Определителя растений Московской области”. После – еще много моих и сотрудников отдела публикаций по региональной флористике. Наконец, в 2006 г. вышел том 1 “Флоры Нижнего Поволжья”.

2. Систематика отдельных групп. Здесь мои *Salix*, *Populus*, *Betula*, *Epilobium*; еще И. А. Шанцер и С. В. Румянцев – *Filipendula*, *Agrimonia*; В. В. Макаров – *Mentha*, Е. Е. Гогина – *Thymus* и др. Придерживались традиционного представления о виде; - признание широкой изменчивости, но вместе с тем отсутствие переходных форм. В 2002 г. Академия Наук прису-

дила мне премию им. В. Л. Комарова за работы по систематике ив и берез.

3. Внутривидовая изменчивость и ее связь с условиями среды (экоотипы, климатотипы, индивидуальная изменчивость). Хорошо помню, как я получил первый урок относительно индивидуальной изменчивости. Заросли голубой жимолости в районе Денежкина Камня представили в одной популяции широкий набор кустов с разной формой и разным вкусом ягод. Урок климатической изменчивости я получил от *Salix phylicifolia*, привезенной из Хибин: трудно было признать ее за тот же вид, что существует и под Москвой: ее куст дает ничтожные приросты, коряв и приземист, у него своя фенология. И урок относительно высотной изменчивости: на моем ивовом питомнике образцы *Salix pycnostachya*, взятые с разных высот, вели себя совершенно различно. Еще гораздо более резкие обнаружили различия у голубой жимолости между образцами, привезенными из лесотундры и из глубины лесной зоны. Только культивирование растений может показать диапазон климатической изменчивости. В работе Т. А. Зайцевой с *Solidago virgaurea* и *Sanguisorba officinalis* это было очень наглядно показано. Аналогична экологическая изменчивость, например, у желтого степного тюльпана есть 3 основных экоотипа: степной, пойменный и лесной. В культуре обнаруживается огромный диапазон различий – но везде есть переходные формы. Диапазон изменчивости очень важен и для выбора объектов интродукции.

4. Теория систематики. Исследованием исторического развития представлений о виде выявлены определенная последовательность взглядов и оценки критериев. Биологический вид – следствие (необходимое и многократно возникавшее??) амфимиксиса; он необходимо обладает коллективным генофондом. Апомикты – условные виды. Разновидности и формы – объекты не систематики, а морфологии, генетики или хозяйства. “Зачинающимся видом” может быть только изолированная амфимиктная популяция. Система – генетико-топологическая модель биоты. Филогенетика и систематика – не одно и то же. Заявление о гибридогенном происхождении таксонов в большинстве случаев бездоказательны. Работы по теории систематики, начиная с 1967 г. (история познания вида), в 2005 г. переизданы в книжке.

5. Теория эволюции. Философия биологии. При наличии изменчивости эволюцию движет естественный отбор – результат непредсказуем. Философия биологии. Биология исходит из того, что грань между живым и неживым имеет принципиальное, основополагающее значение. *Omne vivum e vivo*. В биологии главное – развитие и поэтому для нее подходит диалектика, а не позитивизм. Материальный мир ноосферы, созданный разумом человека, подчиняется всем общим законам физики. Но он не мог возникнуть в результате действия одних этих законов.

Естественно, что и работы, выполненные под моим руководством, следовали этим же направлениям. Конечно, степень реального руководства была очень разной. Некоторые диссертации были сделаны при самом малом моем участии, так что я фактически “дал добро” готовой работе, хотя и был пропечатан на обложке автореферата в качестве руководителя. Помню, например, кандидатскую диссертацию В. А. Недолужко по древесным породам Дальнего Востока, которую, вплоть до мелочей в тексте, В. А. выполнил самостоятельно. Иные, наоборот, фактически были совместными со мной работами. Я всегда считал, что тему для диссертации следует предлагать такую, над которой и сам стал бы с интересом работать, если бы хватило времени.

Диссертации на темы, посвященные флористике, были защищены в основном выпускниками Волгоградского педагогического института: Н. Г. Володиной (меловая флора), В. А. Сагалаевым (степная флора), Г. Ю. Клинковой (водная и приводная флора), Д. М. Матвеевым (адвентивная флора). Сюда же надо отнести и работы по древесно-кустарниковой флоре В. А. Недолужко и Е. Т. Малютиной.

По систематике были работы И. И. Русанович (березы Европейской части СССР), М. Д. Гольшевой (ивы: анатомия листа в систематике), Е. Б. Алексеева (род *Festuca* в Средней России), В. В. Макарова (род Мята), И. А. Шанцера (род *Filipendula* в мировом масштабе), С. Румянцева (род *Agrimonia* тоже в мировом масштабе), А. Н. Беркутенко (крестоцветные Колымы).

Самая большая группа диссертаций была посвящена внутривидовой изменчивости и как таковой, и как основе интродукции. Это работы Т. А. Ретиной и А. Г. Куклиной с голубой жимолостью, Л. А. Крамаренко с абрикосом, Л. Е. Курлович (апомиктные лютики и освещенность местообитания), Ю. К. Майтулиной (Виноградовой) с адвентивными растениями, Т. А. Зайцевой (географическая изменчивость кровохлебки и золотой розги), Л. А. Гречушкиной (изменчивость клевера и некоторых злаков), А. Юрьева (локальная изменчивость водяного ореха), В. Д. Гадырки (географическая изменчивость черного тополя на Русской равнине), С. В. Клицова (кариология и география *Sanguisorba officinalis* и *Lonicera coerulea*), В. С. Долгачевой (о некоторых купавках Крыма), О. В. Шалаевой (*Bromus inermis* в Республике Коми). К сожалению, показавшая чрезвычайно интересные результаты, работа С. П. Дроновой со степным тюльпаном и песчаным раkitником не была закончена из-за серьезной болезни диссертантки.

Еще в трех диссертациях я оказался руководителем в силу особых обстоятельств: М. С. Игнатова (со смертью его первого руководителя Л. И. Прилипка) – о редких видах Московской области; И. А. Савинова – по

морфологии и систематике Celastraceae; М. В. Костиной – по морфологии соцветий. Интереснейшая тема по флоре города Москвы, осталась незавершенной в силу обстоятельств А. Н. Швецова. Еще одна интереснейшая тема по кариологии рода *Zingeria* осталась недоделанной из-за жизненных обстоятельств самой исполнительницы.

Из защитивших кандидатских диссертаций было 9 иногородних.

На степень доктора вышли: В. А. Недолужко, Ю. К. Майтулина, А. Н. Беркутенко, М. С. Игнатов, В. А. Сагалаев. Близок был Е. Б. Алексеев, но он скоропостижно скончался.

Х. После 2000 г.

Летом 2000 года я почувствовал себя как-то неважно. Помню, раз, возвращаясь с участков, в жаркую погоду ощутил резкую усталость и даже должен был сделать остановку – отдых в тени. А дома у нас в Измайлове шел ремонт – смена водопроводных труб – тоже нервотрепка и привязанность к месту. И вот в середине июля меня хватил инсульт. Сознания я не терял, более не чувствовал, но ноги отнялись. Около месяца я пролежал в академической больнице в Теплом Стане. Выписался еще не ходячим с направлением на ВТЭК. Там, конечно, сразу дали мне II группу. И нужно было еще письмо от дирекции сада, чтобы через месяц на моем инвалидном свидетельстве написали “надомная работа”.

А в саду мне дали очередной отпуск (благо, отпусков накопилось несколько). К осени я смог уже самостоятельно приехать в сад. Но, конечно, уже приезжать каждый день стало трудно. Раза два за мной присылали машину, но в общем получилось, что с машиной канители получается больше. И я стал ездить примерно раз в неделю. А продукции стал выдавать больше. Всю жизнь интересовался тополями и собирал их – насобирал целый шкаф. Теперь привел его в порядок, доступный для дальнейшей работы. Каждый год получал гранты: сперва на Нижнюю Волгу, потом на род *Epilobium*; закончил его конспектом видов (опубликован в Бюллетене ГБС). Затем грант на систематику тополей бывшего СССР. Закончил опять же таксономическим конспектом (отдал в Бюллетень ГБС, В. Г. Шатко заверил, что в 2008 будет напечатан). И на 2008–2010 гг. я отдал заявку на грант с участием И. А. Шанцера, вызвавшегося обеспечить работу молекулярными методами. Систематический обзор рода тополь в мировом масштабе.

Наряду с грантовскими темами “закруглял” еще самые разные работы, по которым был подобран материал или мысли: работы и флористические, и таксономические, и философические. Если подсчитать, то получится, что за 2000–2007 годы (т. е. 8 лет) моих публикаций 45 – не меньше, чем за любые 8 лет раньше. Что же касается конспектов кипреев и тополей – то

если бы начинать работу с начала – на них бы потребовалось времени, по крайней мере, вдвое больше.

Много лет я собирал материал о языке научных работ. Набралась толстая папка разных отрывков. Помню, я сидел на террасе у Кости в Жаворонках, пытаюсь эти отрывки как-то систематизировать. Довел дело до конца в Чисмене. Как будто понравилось читателям.

Систематика рода *Betula*. Я не стал делать полный конспект рода: здесь огромное количество (десятки) излишне описанных видов. Всем надо было бы найти типы, отнести к надлежащей синонимии. Особенно в секции *Betula*. Кроме того, в некоторых районах березы широчайшим образом гибридизируют (особенно в южной Якутии и в Забайкалье). Однако все “хорошие” виды, безусловно устойчивые и достаточно общепризнанные, удивительно хорошо разложились по под родам и секциям.

Наконец, после 2000 г. дозрели и были опубликованы (Природа, 2004, N 1) мысли о том, живое непреходимо отлично от неживого. У биологии должна быть своя философия, именно из этого исходящая. И философия диалектическая, а не позитивистская. Созданная человеком неживая часть мира ноосферы подчиняется физическим законам, но сама возникнуть по этим законам она не могла бы, ее создавал разум, а разум – продукт живого.

В 2001 г. под Пасху случился второй инсульт. Полегче первого, но вначале пострадала и правая рука, что меня очень испугало; я боялся потерять возможность писать; да с правой стороной связана и речь. Я стал упражнять руку и писать ей все стихи, какие помню, и она постепенно оправилась. Лежал в обычной больнице, невропатолога только приглашали меня осмотреть.

В 2002 г. новая напасть: опять на “Скорой” меня увезли. Сперва в хирургию. Там просмотрели всеми способами – обнаружили резкую анемию. (А перед этим я, еще едучи в метро, сравнивал свои руки с руками других пассажиров: мои были очень бледными). Мне сделали 2 или 3 раза переливание крови и перевели в терапию. Там я приходил в себя, упражнялся в ходьбе по коридору. Однако пробыл в больнице целый месяц.

В 2003 г. меня прихватил холецистит. Что у меня камни в желчном пузыре – я давно знал, почувствовал боль в первый раз в Армении в 1948 г.; потом обычно каждую осень камни о себе напоминали, но не очень резко. Но тут дело было уже серьезное. Меня отчаянно рвало желчью. Опять “Скорая”. На этот раз экстренная операция лапаротомия и удаление желчного пузыря. После операции я еще долго оправлялся.

А через год развилась грыжа – паховая слева. Она, собственно, начала выползать уже давно, а после операции на желчном пузыре стала прогрессировать и, наконец, ущемилась. Снова рвота желчью, снова “Скорая” и операция грыжи.

Но и на этом дело не кончилось. Летом 2007 г. опять такая же рвота... Опять “Скорая”, опять лапаротомия – разрез вдоль всего живота. Но вот выкарабкался. Жив, но ноги стали совсем плохи. Хожу только по комнате, придерживаясь за стены и столы. В те же дни, когда увезли меня на операцию, назначено было идти к зубному протезисту. А я в больнице, и вот уже 2 месяца дома – без зубов. Надеюсь, все же до зубного врача (у нас во дворе) дойти смогу...

А что еще меня ждет? – Справа за плечом у меня что-то растет, вероятно, какая-то опухоль вроде атеромы. Сейчас она мне мешает, но жить дает. А оперировать ее все равно придется...

Итак, за 7 лет – 7 раз “Скорая”. А до 80 лет ни разу на “Скорой” не ездил. Что-то еще меня ждет?

Сыновья мои окончили институт: Константин в 1977 г., а Александр – из-за диабета – в 1978. По окончании оба пристроились на небольших должностях при кафедре института.

В конце 1976 г. (11 декабря) Константин женился на Лене Ежовой родом из деревни Перхушково, что совсем близко от Жаворонков. А 1 июля 1977 г. женился Александр на своей сокурснице Нине Малых, родом из Сухума. Однако дети у них появились нескоро: 20 июля 1982 г. Митя и 29 ноября 1989 г. – Катя у Саши с Ниной и 28 октября 1983 г. – Таня у Кости с Леной.

В последние брежневские годы в ГБС появилась возможность получить 6 соток – садово-огородный участок – земля бывшей деревни Колпаки (от которой, впрочем, уцелело 2 или 3 дома). Деревня была небольшая, в довольно глухом месте расположения, а рядом были земли подсобного хозяйства ГБС “Снегири”, – луговые участки, которые косились на сено. Дом мы могли купить только сборный щитовой. Он стоил 2300 руб. Но я перекупил дом, тоже щитовой, построенный одним военным, которого перевели куда-то далеко. И еще немножко достроил. Затем еще кое-что доделал Саша, которому этот домик достался. Конечно, он несравним с домом в Жаворонках, который был поделен с Молчановыми – Буяновыми, по папиному завещанию, в отношении 2:1. Но зато полная независимость, и окружение природное лучше. Правда, ездить далеко: на поездку в один конец надо 4–5 часов.

Про взрослых сыновей уже не пишу – пусть сами, когда постареют, пишут о себе, да и о своих детях – моих внуках – тоже. По отношению к нам – теперь уже старикам – они всегда были внимательны. Особенно Саша: сколько времени, хлопот и волнений он затратил, пока я – почти каждый год – попадал в больницы! А Костя с Леной за это время обеспечивали присмотр за Галей.

Пока я был в больнице после первого инсульта, Галя оставалась дома почти все время одна; еще шел ремонт дома, кое в чем Гале помог Митя.

Но уже через год после второго инсульта Костя с Леной брали Галю к себе в Жаворонки; она стала проявлять забывчивость, перестала интересоваться книгами или рисованием. В 2002 г. осенью мы отмечали золотую свадьбу и еще смогли побывать в собесе, получить поздравление и какие-то денежки. Помню, что был уже снег, а мы шли всю дорогу от 5-й Парковой до дому пешком. Но постепенно память у Гали все более пропадала. Стало невозможно по-стариковски поговорить о чем-то прошлом: “А помнишь, мы были в Ургенче и целый день просидели в чайхане?” – Увы, ничего в ее памяти не сохранилось.

В августе 2004 г. мы еще были в Жаворонках, отмечали 50-летие сыновей, а в 2005 г. еще порядочно прожили в Чисмене и даже в Алабине. Теперь Галя уже затруднялась ориентироваться на участке. Я хотел выехать в 2006 году, но тут Саша решительно воспротивился в отношении не только своей мамы, но и папы, т. е. меня. И как в воду глядел: именно летом у меня случилось ущемление грыжи, и, стало быть, очередная поездка на “Скорой”. И в 2007 году, если бы мы выехали, я мог бы и не вернуться – или опять же на “Скорой” оказался в Волоколамске.

До моей последней операции мы с Галей изредка, но довольно регулярно, гуляли (когда не было на улице скользко) и в фургончике покупали хлеб, чай, пряники. Сейчас у Гали ноги лучше ходят, чем мои, но памяти на людей, на события, а отчасти и на предметы обихода – нет. Вспоминает только своих папу и маму; раньше с ними вспоминала брата Игоря, но теперь не вспоминает и его. Сыновей своих не узнает. Меня иногда принимает за какого-то чужого мужчину, а иногда зовет по имени. Иногда вполголоса поёт обычные романсы и песни, но не без ошибок. Словесный запас поуменьшился, но все-таки еще велик, и с первого раза даже и нельзя заметить, что на события и на людей памяти совсем нет, а на предметы – оскудела. Если 7–8 лет назад стала плохо ориентироваться на улице, то сейчас уже в квартире ориентируется с трудом.

У каждого своя судьба. Рассуждать на эту тему бесполезно. Однако 50 счастливых лет – наши. У нас никогда не было мысли о разводе. Галя всегда была скромной, нетребовательной, приветливой, душевной, целиком преданной своей семье. Эти качества в значительной мере сохранились у нее и сейчас. Кто из нас кого переживет – не будем гадать, во всяком случае, это будет ненадолго. Оставались бы здоровы и счастливы наши потомки!

РАЗНЫЕ ОЧЕРКИ

Старая Ладога

В сентябре 2006 г. у меня образовался перерыв в ботанических писаниях: две статьи о тополях ожидают литературных справок для завершения – а возможности поехать в сад – пока нет. И мне попались на глаза воспоминания о Новгороде. Как давно я там был в последний раз! Но они вызвали в памяти и воспоминания о не столь давней (в 1998 г.) поездке с С. С. Иконниковым в Старую Ладогу. “Всего” 8 лет назад, а С. С. Иконникова уже нет в живых: у себя на даче под Лугой ушел в лес по ягоды или грибы – и не вернулся. Нашли мертвого через несколько дней.

Старая Ладога – теперь модно ее называть “первой столицей Руси”. По летописи, Рюрик сперва осел в Ладоге (“Ладозе” по-древнему), и только потом через какое-то время основал Новгород на месте ближе к Ильмену, (которое потом тысячу лет было известно как “Рюриково городище”); только через еще сто лет или больше Новгород вырос на теперешнем своем месте.

От времени варягов в Ладозе сохранилась цепь огромных курганов по берегу Волхова. Какой-то из этих курганов принадлежит князю Олегу, умершему, по легенде, от укуса змеи и похороненному в “Ладозе”. Полагая, что это должен быть самый большой курган, мы с Сергеем Сергеевичем на самый большой и взлезли, и на нем посидели – конечно, вспоминая пушкинские строки о вешем Олеге. На берегу Волхова как-раз и пиновала какая-то компания.

Дальше мы направились в другой конец города к старой Крепости. Но по пути встретили два небольших заброшенных и запущенных храма явно киевской, домонгольской эпохи, с типичной византийской кладкой стен из плинфы. Я про эти храмы не знал. Впрочем, чему же удивляться: в Киеве в Выдубицком монастыре, где стоит и сияет позолотой прекрасный собор в стиле украинского барокко, рядом есть такой же заброшенный и запущенный храм домонгольского возраста.

Старая крепость Ладоги отреставрирована; в ней старая деревянная церковка, в которой сейчас музейчик и очень известная церковь Георгия с большой фреской Георгия Победоносца.

В Старой Ладоге есть и еще монастырь, но его постройки в основном XIX века и мало интересны. Зато он возрождается как живой монастырь.

На всех курганах есть те или иные следы трудов кладоискателей, но, конечно, курганы еще берегут много интересного из нашей самой ранней истории. В целом Старая Ладога оставила впечатление самое глубокое и незабываемое.

Новгород

В Великом Новгороде я был 5 или 6 раз. Первый раз в январе 1941 г. У нас из Мединститута во время зимних каникул была коллективная экскурсия в Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Обратный билет я взял не в Москву, а в Новгород. Переночевать тогда можно было устроиться просто и дешево, конечно, только с самыми минимальными удобствами – как постель в общей комнате и общий туалет в коридоре. Я тогда, помнится, пробыл 4 дня и осмотрел весь город и ближние пригороды: у меня с собой был путеводитель С. Муравьева, изданный в 20-х годах – папина книжка, хотя сам папа путешествовать не любил. Все старинные церкви были закрыты, но имели сторожей и за 1-2 рубля сторож пускал интересующегося посетителя внутрь.

Это был первый раз, когда я с интересом смотрел на древние фрески. До сих пор помню некоторые – Рождества на кладбище, Спаса-Нередицы, самой Софии. Помню некоторые иконы в музее – хотя тут накладываются впечатления и послевоенных поездок, и книжных репродукций. Именно в Новгороде и сложилось у меня внимание к древней иконе, как выражению души и веры. И стало понятно ее глубочайшее отличие от всяких однодневок, как тогдашних, так и теперешнего поп-арта, который, конечно, – такая же однодневка.

Помню и образ Христа в главном куполе Софийского собора – со сжатой в кулак рукой. В моей книжке была приведена и легенда – Христос прочно держит в сжатой руке Новгород, и пока цел этот образ – будет цел и Новгород. А на кресте главного купола был припаян бронзовый голубь. И по легенде тоже – пока сидит этот голубь, стоит и Новгород. А когда я приехал в Новгород в 1946 году – главный купол собора был пробит прямым попаданием снаряда, и ни образа Христа, ни голубя не было. И весь город лежал в руинах.

В 1946 г. летом в Ленинграде был съезд анатомов и гистологов, на который я поехал с докладом из своей диссертации. Но к точно обозначенному времени я опоздал, и доклад не состоялся. Но зато я съездил в Сестрорецк и повидал несколько интересных растений – мируку, ланцетолистную частуху и интересную овсяницу (злак) на сестрорецких дюнах. А на обратном пути заехал в Новгород.

Если Ленинград в 1946 г. был уже в общем приведен в порядок, то Новгород еще не оправился. Когда я ходил к церкви Рождества на кладбище, на лугу у речки были заплывшие окопы и в них – человеческие кости. Я хотел попасть в интересную старинную церковь Петра и Павла, тоже на кладбище. Она в общем уцелела; почему-то к ней я не попал в мой первый приезд. Но при входе на кладбище стоял такой сильный трупный запах, что я не рискнул идти дальше.

Замечательный памятник Тысячелетия России в Кремле был разбит, и бронзовые фигуры лежали на земле. Музея, конечно, не было. Но был дух победы.

И Новгород, конечно, ожил. В 60-е годы я часто ездил в Ленинград работать над своей диссертацией, и раза 2 или 3 на обратном пути заезжал в Новгород – обычно на автобусе, а оттуда в Москву – поездом, который уходил вечером. Было очень удобно; где-то можно было и переночевать.

Последний раз, после большого перерыва, мы в Новгороде были с Галей – что-то около 1990 г. Тогда можно было в Москве заказать гостиницу в другом городе на срок до 5 дней, и мы этим воспользовались. Теперь город уже жил нормальной жизнью, и мы побывали почти везде. Не были только за Волховом у Спаса-Нередицы и на Рюриковом городище. На городище я и в первый приезд не побывал. Тогда там была церковь XIII или XIV века – теперь ее не было. Но городище, которое в течение более 10 веков слыло как “Рюриково”, теперь, судя по раскопкам археологов, оказалось действительно таковым – эпохи Рюрика, IX века, на целый век старше теперешнего Новгорода. Вернее, это и был первоначальный Новгород, заложенный – как говорит летопись – самим Рюриком. На теперешнее место город переместился только через сотню лет.

Побывали мы и в Витославицах – вновь организованном, совершенно замечательном музее старинной деревянной архитектуры. И в Юрьевом монастыре (здесь, правда, царило еще запущение). И на Перыни. Это холм, где когда-то было святилище Перуна, и сохранились вековые сосны и церковь XIII века в первозданном виде. Теперь там была летняя турбаза с фанерными бараками и сортирами. Были мы и в Антониевом монастыре. Он был войной не тронут, но и после войны остался без внимания.

С интересом посмотрел в начале июля 2006 г. по программе “культура” рассказ о судьбе новгородских древностей во время войны. Рассказ вел симпатичный директор музея на фоне памятника Тысячелетия России... Он и побудил меня вспомнить о том, что я только что рассказал.

Абрикосы

В 1956 году в составе экспедиционной группы из 3 человек, без своей машины, мне довелось быть в окрестностях г. Пржевальска в Киргизии. Мы остановились на существовавшем там опорном пункте ВИЛАРа (института лекарственных растений). Местность была заселена преимущественно русскими. На высотах около 1700 м было уже не так жарко и сухо; климат и характер местности и облик селений напоминали Россию где-нибудь в Воронежской области. Было очень много садов, а в садах кроме яблок еще множество абрикосов. Мне и подумалось – а отчего бы абрикосам не расти у нас? В 2–3 частных садах я собрал косточки абрикосов и по возвращении в Москву посеял их на питомнике ботанического сада. На следующий год они хорошо взошли, затем еще одну или две зимы перезимовали, почти без утрат. Питомник надо было

освобождать, и я отобрал несколько лучших сеянцев и посадил у себя на участке систематики. Конечно, с самого начала не было уверенности, что абрикосы приживутся. Но вот в 1963 г. несколько деревьев заплодоносило. Плоды оказались вполне съедобными, а их косточки всхожими. И так пошло дело с абрикосом. Как-то в начале 70-х годов на абрикосах в МГУ был хороший урожай, и я наломал несколько веток, чтобы отвезти в ГБС. И там мне в коридоре повстречался Н. В. Цицин. Он живо заинтересовался и пообещал отвести мне в ГБС гектар земли для абрикосового сада. Такой гектар был действительно получен, и мы на нем посадили 900 штук абрикосов. Но когда деревья уже начали вступать в плодоношение, оказалось, что по генеральному плану там должны ставить теплицы. Как ни обидно было, но участок пришлось бросить. К счастью, с нескольких лучших деревьев удалось собрать семена. Цицин предлагал еще землю в Снегирях, но все работы там надо было бы вести своими силами – а их не было.

Совсем дело с абрикосами не заглохло, но, конечно, перешло, так сказать, в хроническое течение. Было и два положительных события. Первое Переславль-Залесский, где тогдашний директор дендросада С. Ф. Харитонов добился прирезки 20 га земли и старался их засадить. У нас он взял тысячу молодых саженцев. В жестокую зиму 1978–79 выпало 2/3 посаженных, а дальше – и еще выпадали каждый год. Однако в 1986 несколько деревьев дали неплохой урожай – и здесь плоды были приемлемого вкуса, а семена – всхожими. В результате к 2005 году в Переславле было кроме 9 плодоносящих деревьев, еще более 100 подрастающих сеянцев переславской же репродукции.

И второе: с 1984 г. я смог подключить к работе с абрикосом Л. А. Крамаренко, до этого не имевшей в отделе какой-то постоянной обязанности. Она взялась за дело, что называется, с душой. Благодаря ей у нас теперь есть и официально признанные сорта, и абрикосовые сады или хотя бы группы плодоносят в нескольких московских и подмосковных (и даже в Калужской и Владимирской областях) монастырях. Сейчас мы с ней уже почти подготовили книжку о наших абрикосах.

Три встречи с Катюшей

Весной 1998 г. я был в своей последней заграничной поездке – в Китае. В пекинском аэропорту меня встречал коллега с машиной из Пекинского ботанического сада. И вот, шофер этой машины пропел для меня куплет из известной “Катюши” на китайском языке. Оказывается, песня эта очень популярна в Китае, и я еще раза два слышал ее от застольных компаний.

В конце лета того же года я был в родном Угранском районе, и житель с. Выходы А. А. Ермаков свозил меня к высокому обрыву над Угрой, к которому будто бы и выходила песенная Катюша. Я и раньше знал, что

слова “Катюши” принадлежат моему земляку – поэту М. Исаковскому, но не знал, что местным жителям известно и то конкретное место, куда выходила (быть может, тоже конкретная?) Катюша.

И третья встреча. С Угры я возвращался через Юхнов и Калугу. И вот, на высоком бугре на краю с. Знаменка, у развилки дорог на Вязьму и на Юхнов, близ автозаправки на высоком постаменте я увидел подлинную “катюшу” военных лет – маленький грузовичок с рамой для пуска мин. И стоит здесь “катюша” не просто так. Поблизости от Знаменки, у деревни Богатырь, самая первая батарея «катюш» дала свой последний залп и затем была взорвана, чтобы не достаться немцам. Километрах в 2–3 от Знаменки, с правой стороны дороги на Юхнов находится и могила героев – командира батареи капитана Флерова и его бойцов.

Теперь у меня есть внучка Катя. И когда ее зовут Катюшей, мне всегда приходят на память те три встречи.

Псков

В Пскове мне довелось побывать трижды, в 1959, 1985 и 1986 годах.

В первый раз я запланировал большой тур по Северо-Западу Таллин – Псков – Рига – Вильно. Но в Таллине вышла осечка: не нашлось мужского места, где переночевать. Так что мое знакомство с Таллином ограничилось одним днем, а на второй день мы разделились: я уехал в Псков, а Галя досматривала Таллин одна и приехала в Псков на следующий день. Я же, пока был один, побывал в Мирожском и Ивановском монастырях (кстати, в последующие приезды мне побывать там не удалось). С Галей мы осмотрели и город, и съездили в Изборск (старый), и в Печоры, и в Пушкинские места.

Мирожский монастырь произвел впечатление удивительно сохранившегося, с древними фресками. Но фрески довольно примитивные. Поехать или нет в Пушкинские места – мы сначала сомневались. Но в Пскове в столовой повстречали университетского зоолога – Г. А. Абрикосова. Он оттуда возвращался и очень решительно нам советовал съездить. Туда ходит (до районного центра – тогда в разговоре именовавшегося Пушгоры) из Пскова автобус. Мы поехали. В самих Пушгорах легко нашли чуланчик с приличной постелью на двоих, там же на горочке стоял маленький ресторанчик, в котором мы кормились. А от Пушгор до пушкинского Михайловского совсем недалеко идти. В то время еще ни в Тригорском, ни в Петровском имениях построек не было. В Тригорском отчетливо сохранился фундамент дома, в Петровском – только частично старые аллеи. Но пушкинская скамья на пригорке над озером существовала, мы на ней посидели. Озеро Кучане – совсем маленькое, и вероятно мелкое: по

нему были разбросаны куртинки нашего обычного камыша (*Scirpus*). Везде было малоллюдно или даже безлюдно; так что мы даже рискнули у берега реки соорудить маленький костерок и взогреть чай. В реке, конечно, искупались.

Еще мы побывали в Изборске и Печорах. В Печорах монастырь в войну практически не пострадал, но в тот год там тоже было малоллюдно, ни монашеской братии, ни посетителей. Повидали мы и пещеры – печоры, откуда и название монастыря. Как и в Киевской лавре, пещеры вырыты в массивном песчанике; но масштаб, конечно, с киевскими не сравним, и впечатления они на нас не произвели.

В старом Изборске замечательна старинная Крепость – довольно высокие стены с башнями; но самый древний Изборск – за крепостью на угловом выступе между двумя овражками; похоже, там еще не поработали археологи, а ведь Изборск упоминается уже в сказании о призвании варягов; в IX веке там сел князем Трувор. Изборск – место совершенно замечательное и в природном отношении: выходы известняков и мергелей, многочисленные ключи и ручьи, знаменитое поле, сплошь усеянное большими валунами – как говорят, они выпали из тучи дождем, который должен был упасть на Псков, но некий местный святой отвел этот дождь в сторону. В Изборске немало редких растений. Теперь там наверно природный заповедник; во всяком случае, место того заслуживает, вне всяких сомнений.

Еще раз мы с Галей побывали в Пскове много (26 лет!) спустя, в 1985 г. В этот год мы больше побродили по городу; город выглядел уже много опрятнее, кое-что реставрировалось. Снова побывали в Изборске, заглянули в другие уголки, нежели в первый раз. Но в том году уже была довольно поздняя осень, и ни искупаться в Великой, ни увидеть в хорошем состоянии редких растений не удалось. И в третий раз я был в Пскове проездом, возвращаясь экспедицией из Эстонии. Еще было лето, но наступили затяжные дожди. Мы остановились на стационарной базе некой экспедиции, изучавшей жизнь древнего Пскова – а база эта была в одноэтажном доме, предназначенном к сносу и уже покинутом жильцами. Похоже, коллеги – ученые раскапывали старые помойки, чтобы установить, какие животные разводились в Пскове. Но мы пробыли здесь всего 2–3 дня для работы с собранным гербарием. Я однако обежал город и даже заглянул в большой собор, в котором шла служба. На северной дверке в алтарь я заметил копию “княгини Ольги” Нестерова; но вряд ли эта копия была авторской. Княгиня Ольга была бабка Владимира, которая приняла христианство задолго до крещения Руси; по преданию, она была родом из-под Пскова, хотя по крови была варяжкой.

Джим

Появился у нас в Измайлове через год-два после нашего поселения здесь. Костя давно тосковал по домашней собаке, и вот баба Женя решила сделать ему подарок и вместе с ним съездила на Птичий рынок, где он сам выбрал себе молодого пса. Конечно, еще один – седьмой - жилец в квартире был уже в известную тягость. Но пес оказался очень общительным, склонным к играм и способным к обучению, и мы скоро к нему привыкли; Джим стал настоящим членом семьи. О нем можно рассказывать долго, и все равно не пересказать его интересных поступков.

Играть любил почти до старости: и в прятки, и в поиск спрятанных предметов, и в мяч, и в игрушки. К игрушкам у него была особая страсть, однако они у него оказывались недолговечны. Особенно он любил игрушечную лошадку, которая умела издавать звуки вроде ржания. Эта лошадка обычно стояла на углу гардероба. Когда ее снимали, и она издавала свое ржание, Джим буквально впадал в экстаз; но ее обычно только показывали ему, иначе ей скоро пришел бы конец. Также с вдохновением искал запрятанные предметы, с мячом играл на улице. Про палочку я уже не говорю: играть с палочкой – страсть всех собак.

Был очень чуток: Костины шаги по лестнице за стеной не только слышал, но и по ним определял настроение хозяина и соответственно бежал в переднюю его встречать или запрятывался под диванчик. Грома и выстрелов салютов боялся панически и забивался куда-нибудь. О своем индивидуальном укрытии явно мечтал: стремился сесть под стол или залечь под диван, хотя у него был свой коврик на полу. Часто сидел под моим письменным столом. При этом следил, чтобы ему на лапы не клали что-нибудь, вроде ступни сидящего человека. Через небольшое время он деликатно перекладывал свою лапу поверх моей ступни.

Не любил пьяных. На прогулке чуял, кто идет навстречу, и если шел пьяный, выражал свое осуждение рычанием. Очень любил кататься на автомобиле и на велосипеде. На автомобиле высовывал голову из окна; на велосипеде помещался на раме и даже иногда клал лапу на руль; охотно ездил и стоя в велосипедном прицепе. По возвращении с прогулки обычно делал вид, будто не замечает, что надо завернуть во двор, старался поворот проскочить.

Но иногда позволял себе отлучаться из дома – на целый день или даже на 2–3 дня. В те времена было еще не таклюдно, как теперь. Против нашего дома, где теперь большой физкультурный комплекс, долгие годы был пустырь, и мы Джима отпускали свободно бегать. Но вот он начинает делать вид, что не слышит приказов хозяина, и постепенно отдаляется, а потом и вовсе исчезает. И хотя по возвращении он получал хорошую взбучку, это не удерживало его от того, чтобы не уйти и еще раз.

Под старость он оглох, и в Жаворонках его сбilo машиной. Мы его нашли мертвым в кустах около шоссе, куда он смог добежать, и похоронили его в землю почти на том же месте.

В ВАКе

Какое-то время, лет десять, мне довелось просидеть в ВАКе – Высшей аттестационной комиссии. Ее функция была – рассматривать решения Ученых Советов по присуждению ученых степеней – кандидатов и докторов разных наук. Я, разумеется, был в комиссии по биологическим наукам, в которой были также зоологи и микробиологи. Всего человек 15–25. Большая часть заседаний проходила однообразно и скучно. Только редко случались интересные казусы; о некоторых, особенно запомнившихся, расскажу.

Обычный порядок был таков – кандидатские диссертации рассматривались довольно бегло. В начале заседания каждый член комиссии отбирал или получал 1–2–3–4 диссертации, которые ему надо было просмотреть сочинить краткий отзыв и потом его доложить всему кворуму комиссии. Как правило, утверждались почти все, отказы случались редко. Иногда вызывали диссертантов и пробовали их прощупать разными частными вопросами.

Но один раз получилось так: на заседание комиссии был вызван диссертант, работа которого перекидывалась из одной комиссии в другую – всё не могли решить, как с ней быть. А работа была на какую-то биологическую тему, но с разными общими рассуждениями и с хитрой математикой. Доложил сам председатель комиссии и предупредил, что хождение по мукам диссертанта уже длится энное время, и хорошо бы вопрос решить. При этом он высказался, что мы можем положиться на свой опыт и на общее впечатление от диссертанта. Если оно будет положительным – утвердить. Все согласились. Вызвали диссертанта, задали несколько вопросов. Диссертант всем понравился: очевидно, он был одержимый труженик. Но в сути работы никто ничего не понял. Диссертанта отпустили. Как же решать? Кто-то из молодых членов комиссии предложил отказать. Но тут я вступился: позвольте, мы же согласились решать по общему впечатлению. Так давайте и действовать. А общее впечатление было вполне положительным. Так и решили. Когда вновь пригласили диссертанта, и он услышал, что его работу утвердили, он буквально онемел: до сих пор ему только отказывали или передавали дело в другие инстанции. А тут вдруг утвердили.

Был раз и случай, когда я, наоборот, высказался в негативном смысле. Это по поводу целой серии работ аспирантов Ф. М. Куперман с описанием этапов морфогенеза у разных видов растений, - работ, проделанных по единой методике и довольно бедных содержанием, подходящие скорее под

дипломные работы, а не под диссертации. Какой-то единомышленник Куперман, всегда бравший эти диссертации и дававший благоприятные отзывы, был обижен, но я почувствовал, что мои слова были встречены с одобрением.

Еще помню случай с докторской диссертацией А. П. Хохрякова. А. П. был великолепным полевым исследователем флоры, но вместе с тем очень склонен к “умственным” темам и к довольно сумбурному их изложению. Он тогда работал в Магадане, а защищал во Владивостоке. На его диссертацию поступило несколько негативных отзывов, так что его нужно было вызывать в комиссию. Помню, я тогда сидел рядом с Т. И. Серебряковой; мы оба симпатизировали Хохрякову и решили задать несколько простых вопросов в духе тех замечаний, что были в отзывах. А. П., верный себе, произнес нечто весьма мудрое, но малопонятное. Мы было раскрыли рты спрашивать еще, но тут кто-то воскликнул: хватит, ясно. И когда А. П. вышел, раздался возглас: да это уже готовый профессор! И все согласились. Вот как важно общее впечатление – и общий облик выступающего: а у А. П. облик был всклокоченно-заумным.

И еще случай классически – комический. Какая-то диссертация пропала. Туда – сюда – нет нигде. А ее спрашивают свыше – какой конфуз! Потом оказалось, что ее подложила себе для удобства под сидение одна секретарша... А как было не подложить: диссертаций было, что называется, навалом, и в тесном помещении некуда от них деваться...

Но в целом ВАК работал добросовестно и добропорядочно. Впрочем, это было еще задолго до наступления теперешней эры всепродажности.

Австрия и Фриц Эрендорфер

Профессор университета в Вене и член Академии наук Австрии. Я с ним впервые познакомился в Тифлисе на каком-то сборище. Он проводил вместе с Г. Нахуцришвили какие-то наблюдения над высокогорными растениями в Альпах и на Кавказе. Через пару лет мы с Галей встретились с Эрендорфером, когда были в Германии в гостях у Мойзеля. Мы оказались в Веймаре в день собрания немецкого ботанического общества, на котором был и Эрендорфер. На заседания мы не ходили, но с коллегами пообедали и затем отправились смотреть достопримечательности Веймара под руководством Эрендорфера. Достопримечательностей был целый ряд: дом, где жил в XVI веке художник Лука Кранах, его же большая картина “Распятие” в одной из церквей, и, наконец, дом, где жил Гёте. Жилище великого писателя выглядело очень просто, я бы сказал, даже бедновато, зато было просторное: целая анфилада комнат. Но рабочий день музея уже кончался, и когда мы подошли к выходу, он оказался уже заперт, и мы рисковали остаться ночевать в гостях у духа Гёте. К счастью, не все служащие

еще ушли, и на наш стук кто-то отозвался и открыл уже запертую было дверь.

Через год Эрендорфер появился у нас в саду – по линии обмена между академиями Австрии и СССР. Как я скоро понял, его интересовала в Москве не столько ботаника, как русская экзотика, и я тут выступил в роли гида. Мы побывали в музее Останкино, где Эрендорфер с большим интересом разглядывал (на мой взгляд, мало интересную) картинную галерею и даже обнаружил в ней произведение дотоле ему неизвестного австрийского художника (“по совместительству” Эрендорфер в венском университете читал курс живописи 18 века). Затем мы побывали в Измайлове на вернисаже самодеятельных художников, на Пречистенке на выставке русского искусства, посвященной 1000-летию крещения Руси, у Церкви Покрова в Филях, в Ново-Девичьем монастыре и безуспешно пытались проникнуть в Андроников монастырь (он был закрыт на ремонт) и к церкви в Троице-Лыкове (где оказалось за закрытыми воротами какое-то военно-музыкальное училище). На другой день мы поехали в Абрамцево и в Троице-Сергиеву лавру. Это был четверг на Страстной неделе, и в большом соборе во-всю шло освящение куличей, которое произвело на нашего гостя большое впечатление.

В результате мы с Эрендорфером договорились о совместной теме по высотной изменчивости *Solidago virgaurea* в Альпах, в продолжение работы, сделанной моей аспиранткой Т. А. Зайцевой об изменчивости этого вида на Русской равнине, основным исполнителем будет Зайцева, а на следующий год Эрендорфер пригласит нас в Австрию. В 1990 г. мы действительно поехали в Австрию. По прибытии в Австрию, зная мои интересы, Фриц сразу спросил меня: как планировать поездку: сколько уделить времени истории и сколько – ботанике. Я ответил: 2/3 ботаника и 1/3 – история. Так маршрут и был составлен. С ботаническими целями Эрендорфер, оказывается, уже много лет по Австрии не ездил, и рад был обновить свои знания, а что касается истории – то это был его любимый конек. В результате маршрут оказался насыщенным до предела. Ездили мы на машине Эрендорфера, ночевали у частных владельцев в небольших домиках, стоящих в деревнях или одиночно, в них же и завтракали; обедали где-нибудь по пути. Я везде законно и незаконно использовал электронагреватели для сушки гербария по ночам. Сложнее было с укладкой гербария в пресс: тут получалось много мусора, который было нежелательно оставлять хозяевам.

По Австрии разбросан целый ряд аббатств с великолепными зданиями эпохи барокко. Но мало остатков романских и готических построек. Готический собор св. Стефана в Вене – это скорее редкое исключение. Дело в том, что вплоть до XVII века Австрия периодически подвергалась нашествиям турок, которые всё сокрушали; эта угроза миновала только к эпохе барокко. Как город, пожалуй, кроме самой Вены более интересен

Зальцбург. (Между прочим, там я заметил одну деталь, видимо, неизвестную Эрендорферу: входные двери собора работы известного современного итальянского скульптора Джакомо Манцу). В Зальцбурге особенно заметно и обилие туристов – тогда как в целом на нашем маршруте их было видно очень мало. Еще мне запомнился небольшой городок на берегу Дуная, недалеко от Вены – не помню его названия. Здесь прямо над городом известковые скалы с относительно ксерофильными кустарниками и на открытых скалах – заросли ауринии (крестоцветное, характерное для таких скал; она нередка и на украинских “Толтрах”). Городок известен двумя достопримечательностями: 1) в нем какое-то время пробыл знаменитый в истории английский король Ричард-Львиное сердце; 2) тут на одной улочке стоят друг против друга женский и мужской монастыри, между которыми под улицей, конечно, есть подземный ход.

За нашу 2-недельную поездку было собрано 500 номеров гербария и много образцов *Solidago virgaurea* с разных высот живьем. Для меня также было очень интересно познакомиться с средневропейскими ивами, так сказать, лично: до тех пор я знал их только по гербарным образцам.

По возвращении в Москву образцы *Solidago* были высажены на питомнике. Но далее у нас начался ельцинский развал, Зайцева со своим знанием английского языка ушла на оплачиваемую работу, и австрийский материал попросту загдох.

Отношения с Эрендорфером и венскими коллегами возобновились только через 3–4 года, и теперь в основном через посредство Ивана Шанцера, который интересовался той же группой, что и Эрендорфер – родом *Galium* и шире – семейством Rubiaceae.

Николай Васильевич Цицин

Был интересный, неглупый, но мало образованный и мало интеллигентный человек. Его вознесли, как я понимаю, 2 обстоятельства. Первое – активность в первые послереволюционные годы у него на родине, в Сибири. Там недовольство советской властью еще долго не было преодолено, и всякая инициатива в пользу новых порядков очень ценилась. Это позволило ему заняться опытной сельскохозяйственной работой уже в 20-е годы. А в 30-х годах он выдвинулся с идеей получения многолетних пшениц. Посей один раз, а урожай собирай 2–3 года.

А достичь этого предполагалось с помощью гибридизации пшениц с родственными ей многолетними видами трав. На каком-то совещании, где присутствовал сам И. В. Сталин, Цицин выступил с этой идеей и смог продемонстрировать впечатляющие колосья кое-каких гибридов. Конечно, эта идея вызывала немалый скептицизм, но сам Вождь сказал “действуйте, мы Вас поддержим”. Коллективная фотография участников этого

совещания, на которой в центре большой группы людей сидел сам И. В., висела на видном месте в кабинете Н. В.

С тех пор звезда Н. В. пошла вверх; скоро он получил квартиру в Доме на набережной, стал членом Академии Наук, директором Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (позже Выставка достижений народного хозяйства) в Останкине и вообще почти главой сельхоз. науки. Но тут появился сильный и нахрапистый конкурент Т. Д. Лысенко, который стремился к тому же, но еще выше – возглавить не только агрономические науки, но, кстати, и все науки биологические, а идейно вдохновлять даже и все прочие науки. Лысенко получил большое опытное хозяйство в Горках-Ленинских под Москвой, и не только членство, но и президентство в Академии сельскохозяйственных наук, и личное одобрение Вождя на его известный погромный доклад 1948 г. в адрес биологии, и на дальнейшие погромы в области биологии. Цицину досталось только довольно скромное опытное хозяйство в поселке Снегири под Москвой и директорство Главного ботанического сада, которое он, впрочем, очень ценил.

Первоначальная идея – создать пшеницу, которую можно посеять раз, а потом 2-3 года собирать урожай – конечно, оказалась химеричной, но все же проделанные в отделе Цицина работы по генетике и цитогенетике пшениц и их родичей, а также получение своеобразной зернокармовой пшеницы и ржано-пшеничного гибрида (*Triricale*) представляли реальную ценность для науки, а отчасти и для практики. Хотя и не рекламировались так навязчиво, как в свое время “достижения” Т. Д. Лысенко.

В ботанике Н. В. был малосведущ, но это умел скрывать и к ученым и к науке относился благожелательно. Он и по отношению ко всем сотрудникам старался показать себя добрым барином. Мне думается, он таким был и в душе. Но порядок и соблюдение субординации неукоснительно требовал.

Благодаря своим связям “в верхах” Цицин сумел построить для сотрудников сада жильё: два 5-этажных кирпичных корпуса и еще пару двухэтажных общежитий. А в 70-е годы добился для жильцов общежитий квартир в городе. Под эту волну попал и я – в 1975 г. получил квартиру в Алтуфьеве. Как я понимаю, Цицин сам чувствовал удовлетворение и гордость тем, что он в силах осуществить нечто подобное. (Для теперешнего директора, конечно, предел мечтаний – сохранить сад как научное и культурное учреждение от полного развала).

Правой рукой Цицина был его заместитель Петр Иванович Лапин. Трудно было понять, каков он в человеческом отношении, быть может, даже совсем неплохой. Но мундирно-официальное его обличье было преобладающим. Он был настолько строго партийным и своей должности знающим цену, что все остальное отходило на задний план. Заместитель

директора – и этим всё сказано. Он заведовал в саду отделом дендрологии. Но насколько он знал деревья – судить было трудно, Цицин приложил массу усилий, чтобы протащить его в члены-корреспонденты Академии, и наконец добился успеха. Как-то я был с П. И. в Питере. Обычных его спутников с ним в тот раз не было. Но П. И. не привык быть без свиты, и я попал на эту роль. Впрочем, в этой роли я смог побывать в двух местах, куда сам бы я не попал: во дворце Меншикова, который только еще готовился к открытию, и в Эрмитаже в золотой кладовой. Причем в Эрмитаже мы явились прямо в помещение дирекции, и П. И. как член-кор. Академии хотел непременно лично встретиться с другим член-кором – директором Эрмитажа. Но его не оказалось, и мы просидели часа 2 в приемной, ожидая какого-то зама, который нас лично сводил бы к скифскому золоту. Самым большим огорчением П. И. Лапина было то, что после смерти Цицина он не смог – хотя бы на короткий период – стать директором сада. Тогда в Академии был период ограничения возрастов для занятия административных должностей. Лапин как-то сник – и вскоре умер.

Мне запомнились 3 трагикомичных эпизода с участием Цицина. Еще в 1950-х годах сформировалось Московское отделение Ботанического общества. Центральное правление общества помещалось в Ленинграде, а в Москве образовалось Отделение. Раз есть некое формирование, у него должно быть правление. И правление было избрано, во главе, конечно, с Цициным. Но по уставу общества, через несколько лет должны производиться пере выборы. И вот, на каких-то очередных пере выборах Цицина в правление не избрали. Как отнестся к этому Цицин – не знаю, но Лапин был разъярен. Зная хорошо психологию людей, он был уверен, что провал Цицина был кем-то организован. Но кем? Лапин верно угадал – хотя и не мог доказать и, следовательно, наказать. Это был С. М. Разумовский, который сам или через своих молодых друзей, провел надлежащую предвыборную агитацию. Председателем отделения избрали А. А. Уранова (а после его смерти это место занял я – хотя само существование общества практически потеряло значение).

Цицин очень ценил аккуратность внешнего вида сада. Газонами ведала даже специальная группа. А от главных ворот сада шел парадный газон. И вот на нем поселились грибы. Справиться с ними заведующий газонами сам не смог и подал на этот счет докладную записку Цицину. Цицин ее прочел вслух на заседании совета – явно с расчетом выставить Л... в смешном свете. Но – увы – оказался в этом свете сам, так как сказал: “шляпочные грибы – а разве бывают грибы бесшляпочные?”

Еще Цицин ненавидел и стремился искоренить одуванчики. Но в надлежащее время они зацветали в саду массами. Несмотря на долголетнюю борьбу с ними, они оказывались вездесущими. И это выводило Цицина из

себя. Как-то он заглянул на питомничек, бывший у отдела флоры на рабочей территории сада – и там оказалось море цветущих одуванчиков, а сотрудник отдела, бывший там, как ни в чем ни бывало, возился со своими растениями. Цицин дал ему взбучку и сам принялся вырывать одуванчики. Слух об инциденте мгновенно разнесся по саду, и все, побросав свои дела, кинулись на борьбу с одуванчиками.

Я редко ходил к Цицину. Все деловые вопросы решались с П. И. Лапиным, а просто показываться начальству я не любил. Хотя в общем Цицин относился ко мне доброжелательно. Вскоре после 80-летнего юбилея у Цицина серьезно ухудшилось дело с сердцем. Ему оборудовали лифт до 2-го этажа, но вскоре пришлось и кабинет перенести в цокольный этаж. Когда я был у него в последний раз, он жаловался, что даже в туалет он не может сходить, не приняв нитроглицерина. Мне стало его очень жалко; в сущности, он мне представлялся человеком добрым и добропорядочным. Через несколько дней он умер.

Игорь Юрьевич Коропачинский

В бытность мою в Университете, когда я уже подходил к завершению своей докторской, ко мне зашел Л. Ф. Правдин, а с ним И. Ю. Коропачинский, фамилию которого я уже знал по незадолго перед тем вышедшей книжке “Коропачинский и А. В. Скворцова, Древесные растения Тувы”, 1966. Он принес с собой пачку ив с просьбой, чтобы я их определил. Пачка была порядочной, и я сразу запросил дублеты. Их я получил, хорошо собранные и довольно интересные. Дальше мы несколько раз встречались в Питере у Е. Г. Боброва дома, за чашкой чая и рюмкой водки.

А через немного лет после моей защиты собрался защищать докторскую и И. Ю. Он по природе скорее дендролог, не флорист и не систематик. Дендрология – это некая переходная область между ботаникой и лесоводством, и защищать он должен был в Красноярске в институте леса. Другим оппонентом был Е. Г. Бобров, а третий – уже не помню, кто. Так у меня был случай побывать в Красноярске. Город оставляет большое впечатление: и сам по себе он интересен, но, главное, в нем доминирует могучий сибирский пейзаж. Побывали мы и у плотины гидроэлектростанции, и в знаменитых “Столбах”. В “Столбах” я понял, насколько я ошибался, принимая *Carex pediformis* за один вид с *C. rhizina*, они разные уже по цвету листьев. Конечно *C. pediformis* – самостоятельный вид, в Средней России интересный реликт из одной компании с *Alyssum lenense*, *Chrysanthemum zawadskii*, *Cardamine trifida* и т. п.

В Красноярске для защиты диссертаций устраивали целые сессии на несколько дней: ведь ряд членов совета был из других городов, и выехать сразу на несколько заседаний было очень выигранно во времени. Перед

Коропачинским защищал докторскую на тему о вредителях леса А. С. Исаев – сын махрового лысенковца, тогда еще декана биофака МГУ С. И. Исаева, впоследствии и сам бывший каким-то лесным начальником. Коропачинский был с ним на короткой ноге, но у меня познакомиться с ним желания не было.

В 1971 г. Коропачинский пригласил Е. Г. Боброва и меня на экскурсию по горному Алтаю. Экскурсия продолжалась дней 20. Мы сперва держались Чуйского тракта и доехали до Кошагача. Контраст зеленого и влажного Алтая с монгольской сухотой, отчетливо выраженной уже в Кошагаче, конечно, произвел впечатление. Затем мы заехали на Телецкое озеро, где климат еще даже влажнее.

Тогда же И. Ю. Коропачинский агитировал меня принять директорство над Новосибирским ботаническим садом. К. А. Соболевская, бывшая долгие годы директором, состарилась и стала тяготиться административной обузой. А у меня ситуация была такая: я уже 5 лет совмещать работу в бот. саду университета и в ГБС. Это было тяжело и создавало какую-то неопределенность. Кроме того, мои сыновья заканчивали школу, а поступить в университет шансы их были невелики. Под гарантией их поступления в Новосибирский университет я, быть может, и решился бы поехать в Новосибирск; но тут сыновья, хотя и после занятий с репетиторами, поступили в Пединститут.

А в 1972 г. В. Н. Ворошилов, ряд лет заведовавший отделом природной флоры ГБС, оказался замешан в щекотливые дамские дела, и Цицин ему предложил заведование оставить. Предложили мне. Я долго сомневался, но затем все-таки решился. Так переезд в Сибирь не состоялся. Некоторое время директором там был Л. И. Малышев, но он на этой должности как-то не удался, и директором стал И. Ю. Коропачинский. А вскоре его сделали и академиком.

В 1989 г. И. Ю. Коропачинский организовал международную экскурсию на Алтай. Маршрут был примерно тот же, что и наша поездка в 1971 г., но много короче и по времени и по километражу. В эту поездку я познакомился лично с Дж. Аргусом из Канады, который интересовался преимущественно ивами (по переписке я с ним был знаком уже много лет) и с Экенвальдером, специалистом по тополям. Мне дали отдельную палатку, и я собрал порядочно гербарных образцов – в основном ив и тополей. В том же 1989 г. по плану нашего сотрудничества с американцами должна была состояться экспедиция на Аляску. Л. Н. Андреев, бывший уже тогда директором, отдал эту экспедицию в руки Коропачинского. Когда я это узнал, постарался сразу же связаться с И. Ю., так как Аляска меня интересовала чрезвычайно. И вот сформировалась тройка: Коропачинский, Иван Моисеевич Красноборов – самый активный флорист Новосибирска – и я. За дорогу

туда мы сменили 4 самолета: от Москвы до аэропорта Гандер на Ньюфаундленде, оттуда до Нью-Йорка, оттуда до Сиэтла, и уже оттуда до Фербенкса на Аляске. В Фербенксе, в кампусе отделения Аляскинского университета, и была наша база, поместили нас в студенческом общежитии, а для поездок нам дали одну на троих палатку в виде конуса, похожего на индейский вигвам. И буквально через 2–3 дня мы отправились в полевой маршрут. (О впечатлениях об Аляске расскажу отдельно).

Когда я уже был на положении 0,5 человека, он прислал мне две изданные им огромные книги, посвященные древесным растениям Сибири. В общем можно сказать, что И. Ю. Коропачинский, конечно, способный организатор и действительно любит свое дело; новосибирский сад при нем смог пережить тяжелые времена ельцинизма. Дай Бог ему еще много лет здоровья!

Иркутск и Байкал

В Иркутске я был дважды: в 1955 г. сделал остановку (2 недели) по пути на Дальний Восток. Тогда побывал и на Байкале, и в Тункинских гольцах. На гольце даже переночевал. Второй раз – в 1977 г. сделал остановку на обратном пути из экспедиции в Забайкалье.

Город мне очень понравился уже и в первый раз. Меня поразила основательность, прочность и крупномерность старых деревянных домов. Таких огромных окон в деревянных домах я не видел нигде! – Настоящие дворцы. Они когда-то принадлежали, конечно, купцам, но и теперь еще выражали сибирскую мощь. Во второй приезд город уже выглядел более современным. На этот раз ко мне приезжала Галя, мы договорились с ней по междугороднему телефону, и оба прилетели в Иркутск в один день, она из Москвы, а я – из Улан-Удэ. Но устроиться жить не смогли, и уехали в Листвянку на Байкал, где нашлось место на турбазе (сезон уже кончился, и там было всего несколько постояльцев). Проехать по Байкалу не удалось: пароход ходил редко, и мы удовлетворились только тем, что прогулялись по берегу; я, конечно, искупался. На турбазе размещались в деревянном шалаше; вода – в соседнем ручейке, магазин в селе, а кухня общая под навесом.

Экскурсировали по местным сопкам. Меня интересовал *Cotoneaster lucida* – здесь узкий эндемик, а у нас в Подмосковье – чуть ли не повсеместно разводимый кустарник. У меня создалось впечатление, что здесь он плавно переходит (гибридизирует?) в обычный сибирский *C. melanocarpa*. Осталось яркое впечатление от редкостойного лиственничника по склонам сопки со сплошным ковром крупных блестящих листьев бадана и рассеянными кустами даурского рододендрона (здесь именуемого багульником). И еще: раза два мы сидели на небольшом хребтике – и под нами была церковка, из которой слышался звон. А в небе было слышно курлыкание журавлей...

В обещанный мне срок мы на “ракете” по Ангаре приехали в Иркутск – в академгородок, где нам выделили комнату. Я ходил работать в гербарий, но мы и экскурсировали поблизости. Там я обнаружил *Salix triandra* и *S. nipponica* – они растут здесь обе и ведут себя как вполне независимые виды. В Академгородке очень хороши уличные посадки: уссурийская груша и сибирская яблоня. А город Иркутск еще похорошел, в основном за счет ремонта и реставрации старинных зданий и церквей. Тут есть замечательный образец сибирского барокко: церковь ... Некоторые авторы говорят о “тотемском барокко”; в Тотьме, правда, есть замечательные образцы. Но сам стиль (это главным образом XVIII век) распространен на северо-востоке Европейской части, и в Сибири – вплоть до Улан-Удэ, где есть очень интересная церковь с примесью буддистских элементов в декоре. “Нарышкинское” же барокко тяготело к Москве.

Тогда еще только начиналось сооружение городка-музея старинного сибирского зодчества – на полпути от Байкала до Иркутска. Мы его видели только с катера; теперь, наверно, там очень интересно.

В Иркутске долгое время работал Л. И. Малышев – выпускник МГУ, бывший аспирантом у М. Г. Попова, а затем заведовал отделом ботаники в Академгородке. Но в том году он уже стал директором в Новосибирском саду, хотя его гербарий оставался еще в Иркутске (потом он перевез его в Новосибирск).

Первое знакомство с Нижним Поволжьем

Я уже упоминал, что на кафедре геоботаники была пожилая лаборантка Нина Леонидовна Соколова, “бабушка”, которая опекала всех молодых любителей полевой ботаники и советовала, куда стоит съездить посмотреть на интересные растения. В 1946 г. я съездил на север, а в 1947 г. меня потянуло на юг. Я выбрал Астраханский заповедник – там я рассчитывал легко получить нужные материалы и из разных рыб, и из птиц (в 1947 г. я был еще аспирантом и завершал исследование селезенки). А по дороге, пользуясь советом “бабушки”, сделать остановку на Эльтоне; она даже дала мне и адрес, где можно остановиться и переночевать 3-4 дня.

Я выехал в начале мая. На Эльтоне еще цвели тюльпаны, и степь была еще совершенно свежей, просыпающейся; она еще была свежей, и когда я сделал остановку на обратном пути – в конце июня. На Эльтоне я впервые увидел разнообразные солончаковые растения – и травы, и кустарники. Почему-то особенно меня поразила *Megacarpaea* (из сем. Крестоцветных); еще сейчас помню встречу с ней.

На Эльтоне я повидал замечательное явление. Раз я оказался близ озера – и оно всё выглядело равномерно розовым. Хотя было пасмурно, и никаких световых явлений на небе не было. Говорят, такую окраску дают

какие-то внезапно размножающиеся микроскопические твари. Второй раз я такой же эффект видел на одном из озерков близ Астрахани. И больше ни разу в моей жизни.

Еще более южную, опустыненную степь с целым набором эфемерных однолетничков я посмотрел в ближайших окрестностях Астрахани. (Когда я был в Астрахани в 1993 г., на это место уже распространился город).

Поселок Эльтон выглядел тогда совсем жалким, однако столовая в нем была, и я запомнил даже бочковое разливное пиво, которое, оказалось, очень хорошо утоляет жажду в жаркую погоду, и при этом не клонит в сон.

Город Астрахань тогда я осмотреть не успел, однако в картинной галерее побывал, и кустодиевские портреты запомнил.

Заповедник находился в дельте Волги и состоял из 3 участков. С меня было достаточно и самого ближнего и наиболее обустроенного участка – Дамчикского; я там пробыл недели три. Транспорт до участка – только моторные лодки самого заповедника. На участке – довольно обустроенный поселочек: несколько маленьких жилых и лабораторных домиков, столовая, баня. Все строения – на сваях и связаны между собой мосточками, тоже на сваях: в период паводка вся почва затапливалась. А паводок нарастал и спадал очень постепенно: в конце июня, когда я уезжал, он едва достиг максимума. Ведь бассейн Волги обнимает огромную территорию, включая и Москву, и Ярославль, и Пермь, и Уфу, так что воде дойти с севера на юг нужен немалый срок. – Но это было до строительства гидростанций на Волге; как там теперь не знаю.

В устройстве домиков очень важным элементом была защита от комаров и мошкар. До сезона мошкары я не дожил, но комары дали себя почувствовать.

В 1947 г. еще действовала карточная система. В заповеднике было трехразовое питание: 3 раза в день выдавали по вареному или печеному лещу. Хлеб привозили из Астрахани; больше практически не было ничего. Но, оказывается, к столь единообразному питанию можно вполне привыкнуть, и этим оно сильно отличается от питания одними консервами, которое скоро становится невыносимым.

За короткое время пребывания в заповеднике я поездил на тамошних легких 1–2–3-местных лодочках “кулазах”, повидал массу птиц. Особенно замечательны, конечно, пеликаны: и своей величиной, и огромными мешками под клювом, и полетом: огромные, тяжеленные птицы могут лететь ровно и спокойно буквально в 1 метре над поверхностью воды, а вместе с тем их же можно увидеть парящих кругами на огромной высоте в небе. Интересны и колонии цапель и бакланов на ветвях больших ив.

Чтобы добыть селезенку осетровых рыб, я ездил на “тоню”, где ведется промышленный лов осетров и севрюг. Огромная масса выловленных

огромных рыб, конечно, оставляет впечатление. Там обычной речной рыбой пренебрегают: не только не едят, но и не ловят.

Побывал и в естественных зарослях лотоса. Это уже совсем у выхода в открытое море. Растения еще не цвели, но впечатление от них уже создавалось. Другая флора и растительность в заповеднике почти не запомнилась: наземная там однообразна и видами очень небогата, а интересная водная хорошо развивается только в пик и во второй половине лета.

С тех пор прошло 60 лет – а в памяти все еще хранится: так свежа и впечатляюща была эта поездка.

В 1949 г. я приехал в Саратовскую область на целый месяц. Побудила меня к этой поездке дискуссия на кафедре В. В. Алехина о северных пределах и островах степной растительности и о сохранности еще уцелевших целинных степей. На кафедре живо обсуждалась диссертация местного ботаника Захарова, который выявил и описал ряд степных участков на северной половине Саратовской области, в том числе значительные участки ковыльной степной целины близ с. Грязнуха недалеко от г. Петровска.

В прошлые (1947–48) годы на биостанции Кропотово было несколько студентов из Саратовского университета – под руководством сотрудников лаборатории Н. П. Дубинина они делали там дипломные работы по генетике. Одна из студенток Таня Ростовцева – была жительницей самого Саратова, и она обещала мне дать приют в Саратове, если я соберусь приехать. В Саратове она жила со своей матерью в старой части города в одноэтажном домике, с отдельным выходом на улицу. Я с благодарностью воспользовался этим предложением.

Около недели я проэкскурсировал в окрестностях Саратова. Надо сказать, они много разнообразнее и потому интереснее, чем окрестности Москвы. Но и тогда уже естественной растительности там оставалось немного. А затем я отправился на поиски степей, описанных Захаровым. Было очевидно, что надо держаться железной дороги Аткарск – Петровск – Вольск.

Первая остановка – в Петровске и поиск села Грязнуха с ее целинами. Я нашел и Грязнуху, и в ней совхоз, в котором действительно есть 2 участка целинной степи. Однако один из этих участков уже распахивается, а другой предназначен быть распаханым. Я успел побывать на обоих. На одном, действительно, пахал трактор, но буквально рядом с пашущим трактором я успел собрать *Stipa rubens* (= *S. Zalesskii*). Впрочем, этот участок был флористически беднее другого, который я повидал еще сохранным. В общей сложности на двух участках оказалось 5 видов перистых ковылей. На втором участке перья ковылей образовывали целое волнующееся море. (Когда я впоследствии рассказывал на кафедре о своей поездке и демонстрировал фотографии, проф. С. С. Станков (тогда он уже был заведующий кафедрой

вместо скоропостижно умершего В. В. Алехина) попросил у меня фото этой степи для переиздаваемого им труда В. В. Алехина про растительность Европейской части СССР.

После Петровска и Грязнухи (теперь она, кажется, как-то переименована) я сделал еще 2 остановки, всего по 1–2 дня; там тоже было интересно и разнообразно. Но конечным пунктом был Вольск. Здесь я познакомился с местным краеведом Козловым (не помню ни его имени и отчества, ни как я на него вышел). Он меня проводил в некоторые интересные окрестности Вольска, и вместе с ним мы съездили на местном катере несколько вниз по Волге – до с. Рыбное, где к берегу подходят так называемые Змеевы горы – тоже интересное по части растений место. Но большая часть Вольского района тогда была запретной зоной – химическим полигоном. Из Вольска я вернулся в Саратов и вскоре к себе домой в Москву.

Знакомство с Москвой и Подмосковьем

В Москве я постоянно живу с 9 лет (с 1929 г.) с перерывом 1941–43 (военные годы). Как я уже говорил, в Кремле мне удалось побывать, когда мне было еще лет 5–6; с этого же времени мне в память врезался храм Успения на Покровке (как я потом узнал, это действительно был выдающийся памятник зодчества – но его сломали около 1930 г., когда было сломано и множество еще и других памятников). Но тогда Москва для меня была еще чужой. Знакомиться с ней как ее постоянный житель я начал с окружения Донской лечебницы, на территории которой мы поселились.

Лечебница была расположена между улицами Донской и Шаболовкой. По Шаболовке ходил автобус, а Донская была тихой, замощенной булыжником и обсаженной американским кленом; деревья регулярно обстригались и потому имели прямой ствол и шаровидную крону. А школа моя была на Большой Калужской улице (теперь – это Ленинский проспект). Путь туда занимал около 25 минут и шел по Донской улице – Выставочному переулку и по самой Б. Калужской. На углу Донской и Выставочного переулка была (и сейчас стоит) церковь Риз Положения (“Ризположенская”) – небольшое, но красивое и запоминающееся сооружение XVII века; больше привлекательных зданий тогда на Донской улице не было. Но на Б. Калужской были больницы, построенные в стиле ампира – 1-я и 2-я Градские и большое здание Горной Академии; сама академия была шефом нашей школы. (Позже из академии выделились институты Нефтяной и Цветметзолото).

Самым же замечательным сооружением по соседству с нашим домом была железная ажурная радиобашня по ту сторону Шаболовки в Хавско-Шаболовском переулке. Она стоит и сейчас; но тогда это было самое высокое (160 м!) сооружение Москвы. Позже на Шаболовке была построена школа,

где училась моя сестра Женья. А еще позже построен родильный дом, в котором родились мои сыновья.

Донская улица начиналась от Калужской (ныне Октябрьской) площади и упиралась в сквер у Донского монастыря. К этому же скверу выходил завод Красный Пролетарий (бывший Бромлей); из него был слышен шум работавших в заводе машин, а утром завод извещал длинным гудком о начале трудового дня.

Донской монастырь сокрушительному разгрому не подвергся, но, конечно, как монастырь был закрыт. У него такая же как и у Новодевичьего монастыря, массивная ограда – мощная кирпичная стена с башнями. В башнях постепенно появлялись жильцы, как-то приспособившие башни под жилье. Это было видно по появлению в окнах башен застекленных рам. Большой собор монастыря сохранялся как музей, в него можно было попасть. Его архитектура очень необычна для русских церквей. Только через несколько десятков лет я познакомился и с другой церковью подобной архитектуры – в с. Бурцево близ платформы Алабино Киевской ж. д.

Большую часть пространства монастыря занимало кладбище. В отличие от ряда других московских кладбищ оно не было уничтожено. Наоборот, туда свозили многие надгробные памятники с других, ликвидируемых кладбищ (по какому признаку они выбирались – не знаю; в старости я узнал, что подобную операцию производили и в Ленинграде; но там переносили и останки – лиц, чем-либо известных из истории).

Кроме того в Донской монастырь были свезены и скульптуры с Триумфальных ворот, которые раньше стояли около Белорусского вокзала, но затем стали “мешать уличному движению” и были снесены. При восстановлении ворот на новом месте (в конце Кутузовского проспекта) эти скульптуры были использованы.

Там же провел некоторое время и Н. В. Гоголь в лице своего памятника (работы скульптора Андреева), до того стоявшего на Гоголевском бульваре. Позже этого Гоголя переместили во двор, где Гоголь жил в Москве и где теперь пытаются создать гоголевский музей, а на его место на бульваре поставили нового Гоголя, уже не плачущего “невидимыми миру слезами”, а вполне отвечающего оптимистичному духу соцреализма.

И еще помню: в сквере около Донского монастыря было 2 или 3 настоящих пирамидальных тополя; позже их не стало – видно, не пережили какой-то зимы.

Я помню еще многие здания и сооружения, которые позже были уничтожены в связи с “реконструкцией” Москвы. В Сухаревой башне был музей истории и хозяйства Москвы. Туда была у нас из школы экскурсия, когда я был в 4 или 5 классе. Несколько раз мы с мамой ходили гулять по Донской улице до Калужской площади и дальше по Якиманке до “болота” и через Большой Каменный мост к храму Христа Спасителя. Храм был

закрыт, а со стоявшего около него памятника Александру III была снята фигура царя, пьедестал же еще оставался. Там было пусто и просторно; ранней же весной там удобно было наблюдать ледоход. В начале 30-х годов храм был взорван и снесен. Память 1812 года была не нужна.

Еще хорошо помню отрезок китайгородской стены от Лубянки до ее спуска к реке. Здесь был тощий бульварчик, а на нем книжный “развал”: продавали и покупали старые книги и любители, и книжники-профессионалы. Папа был любитель, и я по его стопам вырос любителем. Но в те годы папа был очень стеснен с деньгами, а после войны он уже отошел от книжного любительства, и стеллаж с книгами на нашей квартире “на Можайке” уже на 2/3 занимал я. Теперь ни книжного развала, ни самой китайгородской стены нет. Но особенно жалко очень красивую небольшую церковку ..., стоявшую за стеной недалеко от Политехнического музея.

Старый дореволюционный центр Москвы я застал, но плохо его помню. При мне шла пресловутая “реконструкция”, на моей памяти обсуждался проект “Дворца Советов”; при мне началось строительство метрополитена и высотных зданий. В сталинские времена доступ в Кремль был закрыт, уже на моей памяти его частично, а затем и почти полностью открыли. От бабы Кати я слышал, что в царские времена был открыт доступ и во дворец, если в это время не было там самого царя. Теперь регламент много мягче, чем в сталинское время, но все же еще строже, чем в царское.

Помню еще первое старое здание мавзолея Ленина на Красной площади. Помню Садовое кольцо с большими деревьями почти на всем его протяжении. Помню здание Моссовета в его первоначальном виде – в половину теперешней высоты. И на месте памятника Юрию Долгорукому помню памятник революции, который недолго простоял на этом месте: он выражал революционный пролетарский дух, а Юрий Долгорукий отражает уже сталинский дух великодержавности. (Кстати: я недавно слышал, что украинцы чуть ли не предлагали прах Юрия Долгорукого, который сейчас лежит в Киеве в церкви Спаса на Берестове (на Печерске, около Лавры), забрать в Россию).

Помню еще Иверскую часовню в ее первобытном виде. Застал я и Охотный ряд до строительства гостиницы “Москва” и здания Думы, но не помню его лица.

Помню, когда еще не было Парка Культуры, и он образовывался на месте выставки (вспоминанием тех времен осталось название переулочка: Выставочный), а в Нескучный сад мы ходили за весенними цветами: там были чистяки, хохлатки, медуницы, желтые анемоны (в Желанье я знал только белую анемону – но в Москве ее нет).

На моей памяти появилось кино “Ударник” рядом с “домом на набережной”. В фойе перед киносеансами там выступал Леонид Утесов со

своим оркестром; он мне нравился, и сейчас я с большим удовольствием вспоминаю его, чем слушаю сегодняшних поп-звезд, передергивающихся и поддающих то передком, то задницей.

На моей памяти Третьяковка полу-закрылась на ремонт и расширение, и за лет 20 этого ремонта едва расширилась, а стал ли лучше в ней атмосферный режим – посетитель не чувствует.

На моей памяти Лосиноостровский лес объявлен национальным парком; но поперек него проложена кольцевая автодорога, и в нем ходить в одиночку, как когда-то, теперь стало страшновато.

На моей памяти Москва была вписана в кольцевую дорогу, которая стала границей города. Но дальше, на моей же памяти, во все стороны стали выпускаться, как у амебы – псевдоподии, выбухи городской застройки.

На моей памяти Москва отказалась (или ей отказали) от всяких высотных ограничений. Если в Вашингтоне нельзя ничего построить выше Капитолия, то в Москве – пожалуйста. Еще при Сталине построили высотные дома, а теперь хотят строить и еще выше. Петербург отставать не хочет, и “прогрессивные” архитекторы из Европы, которым дома этого не позволяют, готовятся “украсить” Питер плодами своих высотных фантазий. Питерцы сопротивляются, но деньги – деньги всё могут сделать.

На моей памяти у Москвы-реки ниже кремля был полузабытый уголок – Зарядье. При Хрущёве на нем вырос огромный корпус гостиницы “Россия”. И вот теперь хрущевское наследие ликвидируется, и гостиницы снова нет. И хрущевские пяти-этажки тоже появились при мне. И их теперь сокрушают, хотя еще тысячи и тысячи людей мечтали бы занять квартиру в такой, пусть ныне немодной, постройке.

На моей памяти . . . , но, пожалуй, хватит об этом. Моя память охватывает 78 лет жизни Москвы, и за это время случилось так много всего, что я узнал и запомнил; обо всем рассказать невозможно. А чего я не знал или не запомнил – этого еще много больше.

Все же назову то, что очень хотел бы посетить, но – увы – не успел, и теперь уже явно не смогу. Прежде всего, Андроников монастырь. Раза два я порывался туда попасть – но он оказался закрыт – то на ремонт, то на выходной день. Еще важное упущение – не побывал в Крутицах и в Новоспасском монастыре. Еще – в домашних музеях Виктора Васнецова и Павла Корина; в новом подземном музее археологии Москвы, у церкви в Троице-Лыкове (чтобы сравнить ее с родственными в Уборах и Филях); также повнимательнее посмотреть на аналогии в дворе старого университета, и у станции метро Площадь Революции (в Китай-городе), в залах XX века в филиале Третьяковки на Крымском валу; при богослужении в Успенском соборе Кремля; в новом московском Доме музыки.

Довелось побывать во многих замечательных местах на окраине города,

когда-то бывших загородными – как Кусково, Архангельское, Останкино, Коломенское. Каждое хорошо в своем роде.

В Ромашкове – Рублеве интересное место для ботанических экскурсий, там же было Серебряноборское лесничество, на питомнике которого держал свои ивы В. Н. Сукачев. В Барвихе совсем рядом с правительственными дачами мне во время войны дали четыре сотки под картошку. А из Ромашкова я как-то вывез целый рюкзак растений для ботанического сада. Тогда это было место, где экскурсировать можно было только с осторожностью и оглядкой; как теперь – не знаю, но вероятно еще труднее, да и не интересно. В Царицыне я был давно, когда еще никакой реставрации не было, плавало только множество уток на прудах.

Я много раз собирался побывать в Тимирязевке (б. Петровский с.-х. институт) – у них там есть и ботанический сад, и старый парк. Но не собрался. Только когда я был уже неходячим, Иван Савинов по моей просьбе привозил мне оттуда пачку гербария тополей. Зато я несколько раз был в ботаническом саду Фармацевтического факультета на Тестовском поселке; это как раз за Москвой-рекой против нашей квартиры на Можайке.

Много раз бывал и гербаризировал в Лосином острове; был там и со стороны платформы Перловской (на Ярославской дороге), и со стороны Измайлова. Еще очень интересное место – с. Остров (по Москве-реке) в нескольких километрах ниже восточного пересечения с кольцевой дорогой. Там очень известный из истории русской архитектуры храм, интересно и расположенный: на краю крутого ската к широкой пойме реки и, значит, с широким обзором долины Москвы реки. Был я также и в Николо-Угрешском монастыре – дальше вниз по Москве реке – еще до его реставрации. Там тоже место весьма живописное – но оно таким было и вероятно снова будет, когда его приведут в порядок.

Выше города по Москве-реке места мне почти сплошь знакомые. Село Уборы с известной церковью – родственницей церкви Покрова в Филях; с. Успенское, где был Институт леса В. Н. Сукачева, а после Хрущевских реформ – Лаборатория лесоведения; Успенский мост через Москву-реку известен тем, что под ним чуть не утонул спьяну Б. Н. Ельцин; рядом Николина Гора – старое и очень привилегированное дачное место. Рядом с мостом была общественная купальня. Но мы предпочитали ездить на автобусе до с. Иславского, там был берег “дикий” и свободный. А дальше по реке с. Аксиньино со старинной издалека видной церковкой в виде куба. Около Аксиньино было когда-то болотце, для ботаников известное тем, что среди зарослей там была кустовидная березка (*Betula fruticosa*) и копеечник – *Hedysarum alpinum* – симпатичное растение из бобовых, росшее здесь в тысяче километров от своего ареала. Они были там обнаружены еще в XIX веке и дожили до брежневской повальной “мелиорации”. Я там был

дважды: до “мелиорации” и после нее. До нее это был приятный участок с естественной растительностью – очевидно, последняя стадия зарастания какой-то – вероятно, карстовой – низинки. После же – глубокие рвы, торфяные отвалы и новая, смешанная растительность с большим участием сорняков. Раньше там немного пасли скот; после место стало ни к чему не пригодным. Подобные и даже во много раз более масштабные результаты “мелиорации” я потом мог много-много раз видеть особенно в Смоленской и Брянской областях. Со временем, конечно, естественные процессы внесут свои коррективы, но до той поры результат “мелиорации” можно оценивать в основном как негативный.

Из городов Московской области мне более-менее знакомы Звенигород, Веряя, Можайск, Подольск, Серпухов, Кашира, Коломна, Зарайск, Истра, Волоколамск, Сергиев Посад. Звенигород, конечно, особенно известен и своей стариной (храм XIV в. “на городке” и Саввино-Сторожевский монастырь), и как расположение всяческих домов отдыха и пансионатов. И мы с Галей раз 10-12 бывали в пансионате Академии Наук “Мозжинка”, обычно в феврале – начале марта на 12 дней покататься на лыжах. Это стоило баснословно дешево; проживание (с кормежкой) 5 руб. в сутки с носа. Но было это только до наступления ельцинской “демократии”.

Можайск тоже не лишен достопримечательностей, хотя и не столь древних. Под Можайском, в с. Марфин Брод был заводик медицинских инструментов, на котором работал Георгий Васильевич Соколов – муж тети Мани. При наступлении немцев в 1941 году они никуда не бежали; заводик продолжал как-то работать. Поэтому после изгнания немцев Георгий Васильевич был арестован и сослан в Нижегородские леса на 10 лет. Хорошо, что не на Колыму; все 10 лет к нему кто-то ездил подкормить и подбодрить; выжил и потом работал опять же на заводе медицинских инструментов в поселке Ворсма (в районе Павлова-на-Оке).

Подольск сам по себе показался вовсе неинтересным. Но в Дубровицах (близ города, у впадения р. Десны в Пахру) есть что посмотреть: интересны, не имеющий русских аналогов, белокаменный храм; около него остатки усадьбы Голицыных, и берега Десны и Пахры высокие и живописные. Недалеко за Подольском на речке Рожаяе расположено с. Мещерское и там – большая областная психиатрическая больница (в основном для хроников). В конце войны папа уволился из Кирова (Вятки) и год с небольшим проработал в Мещерском. Я несколько раз у родителей там бывал. После Мещерского папа уже смог занять квартиру в Москве на Можайском шоссе (теперь Кутузовский проспект) и вернуться в клинику Гиляровского.

Серпухов, Коломна и Зарайск – старые города, в них много интересных памятников, но во всех трех мне не довелось побывать без спешки, и в общем я не могу сказать, что их “знаю”. В Коломне в восстановившемся женском

монастыре моя сотрудница Лариса Крамаренко насадила абрикосовый сад – теперь ее гордость – плодоносящий почти ежегодно. В Коломне же живет моя давняя знакомая Таня Росточева из Саратова; она до пенсии проработала в Новосибирске в институте генетики, а после сумела обменяться на Подмосковьё.

Через Каширу я много раз проезжал – и по дороге на биостанцию Кропотово, и с экспедицией по шоссе на юг, но по городу побродить не довелось, и города толком я не знаю.

Город Истра, конечно, более всего известен расположенным рядом с ним так называемым Новым Иерусалимом – обширным монастырем, заложенным при царе Алексее Михайловиче патриархом Никоном еще до его опалы. По расчетам Никона, само название показывало, что “Новый Иерусалим” повторяет сооружения (по названию и по их роли в священной истории, но, конечно, не по архитектуре) старого Иерусалима эпохи Иисуса Христа. Замечателен и по-своему уникален купол (верх) главного собора; после его разрушения в годы войны его очень долго не могли восстановить. Теперь в монастыре существует еще и московский областной художественный музей – вполне заслуживающий внимания. Мы с Галей раза три посетили Новый Иерусалим с автобусной экскурсией из пансионата Мозжинка, где мы бывали в конце зимы.

В Волоколамск я попал только в связи с освоением садового участка, и он мне показался живописным и привлекательным. Есть там и старина (и даже очень давняя!), и ландшафтное своеобразие. Но Иосифо-Волоколамский монастырь, несмотря на название, находится в поселке Теряево, километрах в 20 от Волоколамска. И тут я был несколько раз. Здесь очень интересный большой собор – по моему суждению, очень похожий на собор в г. Тутаево (Романове-Борисоглебске) под Ярославлем. И ряд менее значительных сооружений. Теперь он восстанавливается как живой монастырь.

Про Сергиев Посад (Загорск) и Троице-Сергиеву лавру говорить даже неудобно: слишком это известное место, описанное во всех деталях в огромной литературе. Конечно, я не мог там не побывать. Первый раз – еще до войны. Тогда мощи Сергия были выставлены без всяких покровов, как чисто музейный экспонат. И последний раз я там был в 1988 г. с австрийским профессором Эрендорфером; тогда возрождение религиозной жизни уже шло ускоренным темпом, и мощи Сергия опять были в золоченой раке в Троицком соборе.

Случалось бывать и в исторически интересных местах, расположенных вне городов. Сейчас вспоминаю Абрамцево, Большие Вяземы, Марфино.

Ну, и не могу промолчать про самое близкое моему сердцу: природу, и прежде всего мир растений. На кафедре геоботаники, с которой я поначалу

был связан, рекомендовали Ромашково (о котором я уже говорил), ст. Икша Савеловской дороги, Боровской курган (не доезжая Бронниц), переходного типа болото близ ст. Головково Ленинградской ж. д., Лосиноостровский лес, Шитьковское торфяное болото (близ ст. Румянцево Рижской ж. д.), Одинцовская дубрава; с. Григорово на Москве-реке близ ст. Тучково (там на известковых обрывчиках еще в середине XIX в. был обнаружен *Cortusa matthioli*, местонахождение, оторванное на тысячи километров от основных ареалов на востоке и на западе). Во всех этих местах я побывал.

На Русской равнине наибольшее разнообразие элементов ландшафта, а, следовательно, и разнообразие растительности связаны с долинами рек; соответственно, и большинство моих маршрутов было так или иначе связано с реками, особенно крупными, как Ока, Москва, Нара, Протва, Пахра. Кроме того, как-то так сложилось, что в западных и южных частях области я побывал больше, чем в восточных и северных. Когда в 1970-е годы встала задача наметить в области ботанические заказники, наш отдел в ГБС и университет (в лице ботанического сада и двух кафедр) поделили работу так, что на нашу долю досталась западная половина области, а на коллег из МГУ – восточная.

По Оке в пределах области я прошел по левобережью от устья Протвы до устья Лопасни и от Каширы почти до устья Осетра. Самая моя интересная находка на Оке – *Cardamine trifida* как раз за Окой против биостанции Кропотово. Сообщение о ней (1947) явилось первой моей печатной работой по ботанике. На большей части протяжения – очень четко выраженный рельеф – заливной луг и боровая надпойменная терраса. Правый берег Оки обычно высокий и в гораздо большей степени окультурен, чем левый.

Река Нара, приток Оки, по крайней мере, ниже Наро-Фоминска течет в очень узкой, каньонообразной долине, очень живописной, но именно благодаря ее узости к реке часто почти вплотную подходит застройка. Наиболее интересная для ботаника часть Нары – на стыке Московской и Калужской областей. Здесь можно встретить *Polystichum braunii*, *Lunaria rediviva*, *Delphinium elatum*, *Corydalis cava*, *Stellaria crassifolia* и другие редкости нашей флоры. А в селе Каменском есть и древняя (XV века) отреставрированная церковка. В нижнем течении Нары очень интересное место – Иванова гора, где на обращенном к югу склоне берега появляется ряд лесостепных видов.

На Пахре мне знакомы только некоторые участки. Самый интересный – выходы известняков ниже с. Колычево (что на шоссе к Домодедову). Это место мне указал Б. М. Кульков – старый московский флорист – любитель, действовавший еще во времена Сырейщикова. Здесь есть ямы от добычи известняка, зарастающие мелколесьем и очень неудобные для культурного освоения. И в них тогда (в 50-60-е годы) было множество орхидей, в

частности *Cypripedium calceolus* и *Orchis militaris*. И еще на Пахре интересны – опять же бывшие – каменоломни с подземными галереями. Там я был до войны еще с экскурсией от школы, и где именно находятся эти пещеры и каково их состояние теперь – не знаю.

Река Беспута, впадающая в Оку справа, не оправдала моих ожиданий. Еще я бывал на других малых реках; везде бывали отдельные интересные находки, но всего не расскажешь.

Вспоминаю еще некоторые экскурсии по области. В 1954 или 1955 годах вместе с С. М. Разумовским, который тогда у меня был лаборантом, мы проделали 2 трехдневные экскурсии западнее Москвы: от станций Рижской ж. д. к Белорусской. И еще одну в тех же краях, но с другим составом участников (двое сотрудников института цитологии и один архитектор) – через озера Тростенское и Глубокое к Звенигороду. На Тростенском озере производили впечатление массовые заросли из кустарниковой березки (*Betula fruticosa*) по сырому берегу озера. Где-то недалеко от озера в дер. Юркино мы разыскали древнюю, кажется, чуть ли не XIII-XIV века, церковь, уже полуразрушенную. А на Глубоком озере познакомились с тамошней биостанцией – одной из старейших в России.

На юго-востоке области я был в районе Серебряных Прудов в интересной дубраве, где есть *Allium ursinum*, и прошел от Серебряных Прудов вдоль р. Осетра почти до его устья. И еще с В. Н. Тихомировым мы побывали близ станции Фруктовой, где на высоком берегу Оки на сбитом лугу встречается *Ceratocephalus* и дальше от села по тому же склону берега Оки идет очень интересный лес, весной с обилием цветущего *Omphalodes*. И проехали еще за Оку в район Белоомута, где уже пески с кустами рацитника и т. п. И, наконец, самая южная (за Осетром) черноземная часть области была предметом специального исследования и описания, напечатанного мной в 1947 г.; дальнейшие мои исследования были уже в пределах Рязанской и Тульской областей. Их результаты изложены в статье 1951 г. в томе 56 Бюллетеня МОИП.

И, конечно, я экскурсировал и в окрестностях Жаворонков, и Алабина, и нашего садового участка близ ст. Чисмена. В частности, в районе Чисмены и Теряева очень распространена *Lunaria rediviva*, там же встречены *Viola selkirkii*, *Gentiana cruciata*, *Campanula cervicaria*, *Polygala amarella* и др.

Журнал «Природа»

Что-то около 1970 г. Б. Л. Астауров, который после изгнания лысенкизма, ведал биологией в редакции “Природы” и с которым у меня со времен Института цитологии были хорошие отношения, (а, кстати, и некоторое как бы родство: моя Галина Александровна была его аспиранткой) пригласил меня в состав редколлегии журнала “Природа”. Я согласился. Этот журнал,

основанный еще до революции, издавался (и сейчас издается) Академией наук и посвящен вопросам естествознания в широком плане; в изложении специалистов, но по возможности таковым, чтобы оно было понятно и интересно для людей, работающих в других областях науки и жизни. Я был знаком с “Природой” почти что с детства: у нас дома в Желанье были несколько номеров журнала самых первых лет его издания. Парочку коротких заметок я поместил в журнале еще в долысенковские времена.

В 1970–72 годах еще не завершилось искоренение лысенковщины. С одной стороны, Астауров был уже академик и директор нового свободного от всякой лысенковщины Института биологии развития, с другой – еще активны были и некоторые лысенкисты – особенно в Москве ихтиолог из МГУ Г. В. Никольский и зоолог в Томском университете профессор Б. Иоганзен.

“Природа”, уже освободившись от лысенкизма сама, должна была содействовать освобождению всей отечественной науки. Фактически, основную работу с биологическими статьями у Б. Л. Астаурова вел А. В. Яблоков, но у него был характер мало уживчивый и непостоянный, и он Астаурова не устраивал. Поэтому, в течение 1–2 лет приглядевшись ко мне, Астауров решил переложить обязанности заместителя главного редактора по биологии на меня (но совсем из редакции он не ушел).

Главным редактором журнала был академик – физик Н. Г. Басов – персона в Академии очень значительная, но фактически все дела вел заведующий редакцией Владимир Матвеевич Польшин (в действительности – Блантер, сын известного композитора). Он очень сочувствовал антилысенковским настроениям, и даже написал популярную книжку по генетике. Кроме того, он был в дружеских отношениях с Б. Л. Астауровым (вместе ходили на охоту – этим всё сказано). Владимир Матвеевич был человек энергичный и вместе с тем эмоциональный, и к тому же довольно прямой в своих оценках и выражениях. В редакционном коллективе “Природы” пользовался безусловным уважением и почтением. С ним у меня сложились очень хорошие отношения (хотя на охоту я не ходил). После него сменились 4 заведующих редакцией, но ни один из них не был такой яркой личностью, как В. М. Польшин.

С редакторами в журнале мне вообще повезло. Редактором по разделу биологии сначала был Василий Дмитриевич Крупин – опытный журналист со многими интересными связями, но с какими-то мне непонятными минусами (то ли в характере, то ли в здоровье, то ли в убеждениях), мешавшими ему пойти далеко в своей профессии. С Польшинным у него отношения были неважными, и около 1980 года он из редакции ушел. Отец В. Д. Крупина в свое время (еще при Сталине) был управляющим делами ЦК партии, и поэтому мне довелось узнать некоторые сюжеты, в свое время бытовавшие в высшей партийной среде. Например, версию о

происхождении отца И. В. Сталина из осетин. – Версия правдоподобная, поскольку С. М. Разумовский слышал ее и в Осетии, где в 50-х годах будто бы был еще жив какой-то кровный родственник Сталина.

После ухода В. Д. Крупина, со мной стала работать Оксана Олеговна Астахова, недавно окончившая МГУ по кафедре биохимии – очень симпатичная, приятная и из себя очень привлекательная особа. У нее уже была дочка, а за время работы в редакции – появилась и вторая; эту вторую я хорошо помню: на мой взгляд, она была просто красавица. Оксана редактировала почти все мои статьи в “Природе”, в том числе и последнюю (2007, № 4), посвященную 300-летию юбилею Карла Линнея. Сейчас я уже фактически не работаю в редакции и там даже лет 5-6 вовсе не был, однако с Оксаной Олеговной сохранились добрые личные отношения, пожалуй, даже с каким-то душевным теплом.

Конечно, в жизни редакции не все текло гладко: были и острые моменты; о некоторых расскажу.

Очень скоро после того, как ответственность за отдел биологии в журнале легла на меня, мне пришлось и её прочувствовать. Профессор Г. В. Никольский опубликовал популярную брошюру, пронизанную лысенковскими идеями, а член редколлегии нашего журнала Н. Н. Воронцов для “Природы” подготовил резкую отрицательную рецензию на эту брошюру. Я считал, что резкости следовало бы поубавить, но Н. Н. Воронцов стоял на своем. И вот неизбежный результат: Никольский принес свой ответ на эту рецензию, и по правилам журналистской этики его следовало опубликовать. Но это значило бы выступить с пропагандой лысенкизма. А Г. В. Никольский – не только университетский профессор, но и автор успешных предложений по разведению двух видов дальневосточных рыб в искусственных водоемах. Как быть? “Природа” – журнал Академии наук, поэтому я решил обратиться к тогдашнему вице-президенту Академии, ведавшему отделением биологии, Овчинникову. А тем временем Никольский продолжал обжалование и обратился в отдел науки ЦК. Меня вызвали “на ковёр” в “большой дом”. Оказалось, что там надзор за нашим журналом находится в ведении некоего Я. Ажипы, оказавшегося сторонником Лысенки. Я как мог постарался представить дело в приемлемой форме, и тут мне очень помогла ссылка на Овчинникова: мол, как он решит, так и поступим. А Овчинникову, понятно, не хотелось в дело ввязываться, и без того у него кляузных дел хватало. От Никольского раза два звонили, и я опять же ссылался на Овчинникова... Так дело и заглохло. Но я получил урок.

Другой случай произошел в отделе рецензий. Тогда еще был жив и здоров Лев Гумилев. И вот он написал очередной труд, который по каким-то причинам не был напечатан, а только задепонирован. Однако некий Бородай поместил в “Природе” подробную одобрительную рецензию, в

которой вкратце изложил и содержание книги. В редакции ничего криминального в этой рецензии не усмотрели. Но такое усмотрели некоторые влиятельные академики, в частности, Ю. Б. Харитон – усмотрели как бы искаженное изложение судеб еврейского народа, и подняли, выражаясь тогдашним лексиконом, большой шумер. Было устроено заседание редколлегии в зале президиума Академии Наук, под председательством самого тогдашнего президента Академии Александра, с присутствием какого-то товарища из “большого дома”. Редакцию основательно высекли, а вскоре и переформировали ее состав. И хотя мне так-таки и не стало ясно за что, но порка была получена. Вместе с тем на меня произвело впечатление, насколько хладнокровно и безразлично было поведение “начальства”: словно им подобные заседания надоели хуже назойливых мух. А “галочку” отметить нужно: дескать, надлежащим образом прореагировали.

Как бы это не могло показаться удивительным, но еще в 1987–88 годах журналу снова пришлось выступить против лысенкизма, который старались восстановить в правах двое сибирских биологов – уже упоминавшийся профессор Б. Г. Иоганзен из Томска и профессор из Кемерово Е. Логачев. Сперва мы поместили рецензию на труды этих авторов, а после того как они прислали нам “разъяснение” своей позиции, мне пришлось написать и разъяснение этого “разъяснения”: т. е. попросту изложить элементарные истины генетики. В. Е. Соколов, бывший тогда старшим по биологии в Академии наук, согласился присоединиться к подготовленному мной тексту (1988, № 6).

Я поместил в “Природе” длинную серию статей, заметок и рецензий. К моему 80-летию сотрудники редакции подготовили со всех них ксероксы и подарили мне в виде целого тома – “полного собрания сочинений”. Я был очень тронут: ведь у меня все годы были с редакцией самые дружественные отношения. Я несколько раз говорил и с Оксаной, и с заменившей ее по редактированию биологических статей Ольгой Ивановной Шутовой, что раз я фактически уже регулярно в редакции не работаю и не бываю – перестать меня числить как “заместитель главного редактора”. Но мне отвечают: “А пойти на это место никто не хочет”. Так ли это на самом деле – не знаю, но я решил, что после выхода моей статьи про Линнея подам официальное прошение главному редактору академику А. Ф. Андрееву. Ельцинский погром науки сказался и на журнале: тираж его сократился раз в 40–50, а подписка стала по цене недоступна для индивидуального читателя. На мой взгляд, это упадок, которого не могут компенсировать ни меловая бумага, ни обилие цветных иллюстраций.

Аляска

В 1989 году по нашей программе совместных советско-американских экспедиций намечалась экспедиция на Аляску. Для меня участие в этой поездке было более чем желательно. Но оказалось, что директор ГБС Андреев эту экспедицию полностью передал в руки И. Ю. Коропачинского. Я хорошо понимал, каков мог быть состав экспедиционной тройки: сам Коропачинский, Иван Моисеевич Красноборов и вероятно Т. Н. Встовская, весьма энергичная дама, видимо, хорошо умеющая давить на Коропачинского. Поэтому я постарался немедленно связаться с И. Ю., и заявить о своем желании участвовать в экспедиции. И. Ю. согласился; я думаю, он был даже рад: со мной он уже в поле бывал, и всяких трений мог не опасаться.

Добраться до Аляски оказалось довольно сложно. Во-первых, наш самолет долетел только до Ньюфаундленда, и там в нем выявились какие-то дефекты; нас посадили в другой самолет до Нью-Йорка. В Нью-Йорке нас встретил Джон Рид – библиотекарь Нью-Йоркского ботанического сада, с которым я уже встречался в 1987 году. И он нам очень помог сориентироваться в невероятно многолюдном аэропорту. Дальше мы долетели до Сиэтла. Там аэропорт столь же огромен, но хорошо организован; у него несколько отделений, которые связаны местной кольцевой линией метро. И, наконец, от Сиэтла до Фербенкса на Аляске – еще один, четвертый самолет. А когда мы разгрузились в Фербенксе и получали вещи – в них не оказалось моего рюкзака. А в нем теплые вещи и фотокамера. И неизвестно, где он застрял: по ту или эту сторону американского континента, по ту или другую сторону Атлантического океана. Теплые вещи я купил в Фербенксе, а рюкзак был доставлен в целости примерно через неделю; где он задержался – мы так и не узнали. Хорошо, что на нем была написана моя фамилия.

В Фербенксе мы базировались в отделении Аляскинского университета (основное месторасположение университета – Анкоридж – главный город штата; туда мы не заезжали). Нас поместили в домике общежития аспирантов: Коропачинского и Красноборова в одной комнате, а меня в другой. Еду мы готовили дома, хотя в городе есть и кафе, и рестораны. Но на них жалко тратить время и деньги.

Первый наш выезд – самый долгий по времени и по километрам состоялся по шоссе, идущему через всю Аляску до берега Ледовитого океана параллельно такому же нефтепроводу. На арктическом побережье Аляски очень интенсивная добыча нефти, и по этому трубопроводу ее качают на юг, на берег Тихого океана, и оттуда уже развозят нефтевозными судами. На проезд по этому шоссе на север Аляски нужно особое разрешение.

Нашими поездками на Аляске руководил David Murray; он был нам уже знаком по приезду его в СССР год или 2 назад. В Фербенксе помещается Музей Аляски, и при нем есть гербарий. Вот этим гербарием и заведовал Муррей. Он довольно прилично знал и флору Аляски, и многие конкретные местности и ландшафты. Вместе с нами по Аляске ездили на своей машине канадский ботаник Джордж Аргус – знаток американских ив и мой давнишний знакомый, с женой Мэри, которая по рождению была белорусской, но уехала из России в детском возрасте и нашего языка не знала. Она в нашей экспедиции в основном кухарила. И еще была сотрудница Нью-Йоркского сада (участница и других советско-американских экспедиций). И еще шофер на грузовичке, в котором перевозился наш скарб. И еще одна машина для людей. Вот компания какая!

Конечный пункт дороги – поселок у бухты Прюдхо (Prudhoe Bay), близ которого и ведется добыча нефти. Путь идет сперва по редколесьям (в основном береза, два вида ели и большая примесь ив), затем по лесотундре, а от хребта Брукса, отгораживающего северную Аляску, прилегающую к Ледовитому океану – уже ландшафт чисто тундровый. У океана берег невысокий, вполне можно сойти к воде. Иван Моисеевич даже искупался, но я пожалел времени, собирая растения на полигональной тундре у самого берега.

Работы нефтедобытчиков ведутся вахтовым методом: постоянно на прииске народ не живет, а через каждые 2 недели бригады сменяются. Но поселок очень благоустроен: нормальные спальни, туалеты, души, столовая с очень большим набором кушаний.

На обратном пути от океана мы заехали на биостанцию Toolik Lake, расположенную близ хребта Брукса в низкогорной тундре. Там мы познакомились с несколькими студентами и аспирантами – зоологами из университета. Биостанция расположена среди голой тундры: ни одного кустика хотя бы ростом по пояс. Несколько низеньких одноэтажных домиков и один двухэтажный, и на нем развевается флаг Соединенных Штатов. Однако это всего-навсего сортир. А двухэтажный потому, что в нижнем этаже помещаются контейнеры для экскрементов, падающих от посетителей верхнего этажа. Эти контейнеры по мере заполнения затем вывозятся в океан, и только там опорожняются. Я вспомнил Якутск, где меня поразили общественные туалеты на улицах; в них содержимое замерзло и выростало горой из туалета наружу. – Один из эффектов вечной мерзлоты грунтов!

Как и везде на дорогах США, на дорогах Аляски предусмотрены места для стоянок и ночлега. Разбивать бивуак и ночевать вне них нежелательно. На этих местах стоянок обычно есть столы, скамьи, контейнеры для отбросов, место для костра, часто туалет. Палатки мы возили с собой. На троих нам дали одну круглую палатку в виде индейского вигвама. Она была,

конечно, тесновата, но мы ей пользовались только для сна; погода почти весь месяц была неплохая.

Другой важный выезд был на юг, на полуостров Кенай. Здесь мы познакомились с притихоокеанским лесом – густым и состоящим почти из одних хвойных пород. И вообще почти вся флора здесь другая. Есть и ледники, которые сползают прямо в море. И затем было еще 3-4 поездки более коротких.

Были мы и на опытной станции. Конечно, кое-какое земледелие на Аляске возможно. Там жители различают продукты: привозные и произведенные на Аляске. Вторые обычно стоят дороже, но удовлетворяют местному патриотизму, который мы не могли не заметить. Нам говорили, что существуют даже сторонники полной независимости Аляски как государства: она вполне может сама себя содержать.

Природоохранный режим на Аляске очень строгий. Так, на машинах ездить по тундровой целине нельзя. Охотничьи и рыболовные правила соблюдаются строго (но не без исключений, конечно). В большой национальный парк Денали с самой высокой горой в Северной Америке – Мак-Кинли (выше 7000 м) нас вообще не пустили (хотя нам это и было в сущности ненужно). Кроме только притихоокеанского юга, вся Аляска производит впечатление огромного национального парка или заповедника.

Несмотря на короткое лето, жители Аляски разводят цветы; правда, выбор здесь определенный, и придется внимание не столько изысканности и изяществу, как общей массе и цветному разнообразию. И нельзя, конечно, не упомянуть о главном местном деликатесе, которым всегда любят угостить. Это – особым образом печено-варено-жареная лососина. Лососи заходят в реки на нерест в изобилии. Мы в одном месте специально заезжали на небольшую речку посмотреть на ход лососей. Можно идти вброд, и большие рыбы будут толпой идти у Вас между ног, не обращая на Вас никакого внимания. Но лов их строго регламентирован.

В Фербенксе, как я уже упоминал, есть музей; в нем нас, конечно, больше всего интересовало то, что сохранилось от русской Аляски. Это немного, но интересное: два деревянных сооружения вроде будки, откуда-то привезенные, на улице и в помещении – принадлежности митрополита Иннокентия (Вениаминова), “просветителя Аляски”: облачение, паникадило, и книга – перевод Евангелия на алеутский язык. Она напечатана алеутским алфавитом, изобретенным тем же Иннокентием на основе русского. В музее же я купил маленькую книжечку об истории и положении православия на Аляске. Сейчас на Аляске есть несколько русских церквей. Но только на Алеутских островах православные церкви являются центрами местной жизни (как когда-то было и в России, и еще почти сохранялось в 1920-х годах, на моей памяти). Русского населения на Аляске осталось очень

мало, и оно сосредоточено главным образом в Ситхе. За нашу поездку мы ни одного местного русского не встретили.

Мы пробыли на Аляске ровно месяц (28.VII – 28.VIII.1989). Я собрал около 1200 номеров гербария (правда, каждый N на 1–2–3–4 листах). Привез и живые растения. Но все привезенные и черенками, и семенами, росли в Москве плохо, неохотно. (Ведь северяне юга, как известно, не любят). И до сегодняшнего дня уцелели только взятые на опытной станции, происходящие не из самой Аляски краснолистная черемуха и полуплакучая *Prunus pennsylvanica*.

Китай

Китай – моя последняя заграничная поездка; она еще совсем свежа в памяти.

Я поехал в Китай ранней весной 1998 г. для работы над англоязычным изданием “Флоры Китая”. Как само издание этой Флоры, так в частности и мою поездку финансировал Миссурийский ботанический сад. Его директор, Питер Рэвен – удивительно способный организатор; хотя издание числится наполовину обеспечиваемым китайской стороной, фактически же и организует, и толкает и финансирует его Рэвен; вряд ли хоть один из современных ботаников сможет состязаться с ним в умении организовать дело и добыть деньги. У меня с ним очень давнее дружеское знакомство, начавшееся с общего интереса к семейству *Onagraceae*, в частности к роду *Epilobium*.

Для обеспечения всей организационной стороны поездки в спутники мне был дан Гаохуа – молодой китаец сотрудник редакционного коллектива “Флоры Китая”. Без него мне было бы, конечно, очень трудно: ведь я не знаю китайского языка, а на английском, как оказалось, могут в Китае объясняться немногие. Срок моей поездки был определен в 35 дней. Но я поставил условием, что в каждом из 3 городов, намеченных для посещения (Пекин, Чэнду и Куньмин) кроме работы в гербариях будет выделено время и для экскурсии в природу, и для осмотра исторических памятников.

С китайской стороны для совместной работы со мной приехал профессор Фань из Шеньяна, а в Куньмине к нему присоединилась еще одна тамошняя сотрудница. И в Пекине, и в Куньмине гербарии расположены в ботанических садах, а сады – на окраинах (или, вернее, в окрестностях) городов; в обоих садах есть свои гостиницы, в которых я и жил. В Чэнду – два гербария – один старый, университетский, а другой – совсем новый, еще в стадии обустройства, в академическом институте. В Чэнду меня поместили в буржуйский отель в центре города.

В Пекине – главный гербарий страны; он очень большой; хотя и значительно меньше, чем в Санкт-Петербурге. В нем в качестве особого

раздела выделен гербарий Тибета, содержащий в основном новые материалы. В Куньмине гербарий ненамного уступит пекинскому, а в Чэнду – два гербария – старый университетский и новый – академический; этот последний образован совсем недавно и энергично пополняется; именно в нем оказался новый вид *Salix*, замеченный и описанный совместно мной и профессором Фанем.

Ботанические сады ни в Пекине, ни в Куньмине особого впечатления на меня не произвели. В Пекине меня поразила только сосна Бунге (*Pinus bungeana* Zucc.), кора которой слущивается такими же пластами, как у нашей *Salix triandra* или крымской “курортницы” *Arbutus unedo*. А в городе – махровые розово- и красноцветковые персики (возможно, это была также и *Armeniaca mume* – декоративный абрикос “муме”). Что касается других деревьев на улицах Пекина – то они почти все те же, что и в Ташкенте. А в Куньмине много сходства с южными садами и парками Кавказа или Крыма. В Пекине бывший императорский дворец – наподобие московского Кремля – музей на охраняемой территории. Над главными воротами – большой портрет Мао-цзе-дуна, а на балконе, обращенном к площади Тянь-ань-мынь, показывают место, где стоял Мао, когда провозглашал создание Китайской Народной Республики. Теперь сюда все могут пройти. И я прошел и постоял на том самом месте, где когда-то стоял Мао. К этому балкону примыкают комнаты для пребывания высоких персон – когда-то императора и свиты, а теперь – вождей и их свиты. Упоминаю о них потому, что стены этих комнат совершенно бесподобно расписаны с изображением пейзажей и разных птиц.

Императорский дворец замечателен и помимо сказанного; здания в нем все небольших размеров, но каждое – своеобразно и интересно. Бегло, для первого знакомства за день или даже полдня осмотреть можно. Но в Пекине есть еще и так называемый Летний дворец – его уже за день не осмотришь. Там есть и порядочное озеро, и по нему можно прокатиться на лодке. И череда павильонов, примыкающих друг к другу и так, что можно пройти сквозь все подряд. И т. д.

Куньмин расположен в совсем другом климате. Прежде всего по высоте – это около 2000 м над уровнем моря. Природа мне здесь напомнила Батум или Сухум на Кавказе. Здесь я смог побывать в окрестностях и даже собрать кое-какой гербарий. Что меня тут особенно поразило – это смесь “нашенских” растений с видами, которые мы обычно считаем “субтропическими”. Например, магнолия и камелия в лесу рядом с нашей обыкновенной осиною, или юннанская сосна, которая оказывается почти неотличимой от крымской *P. pallasiana*.

А из Чэнду был сделан выезд в ближайший и очень известный по старым ботаническим описаниям горный массив Омей (или Эмей). Чэнду – главный город провинции Сычуань – расположен на колоссальной низине,

окруженной высокими горами. 2-3 сотни километров пути от Чэнду до г. Омей по этой низине очень однообразны, но и очень поучительны: почти нигде нет ни клочка брошенной земли: всё возделано, и в период нашего путешествия было почти сплошь покрыто цветущей горчицей.

На горе Омей мы остановились на ночлег в среднем горном поясе в лесничестве. Там я вечером смог немного побродить по лесу и пособирать растения. Назавтра с утра мы отправились дальше – сперва нашим такси, а затем пешком по длинной дороге – лестнице из каменных ступеней. В верхней части горы еще ни деревья, ни трава не тронулись в рост. Я мог наблюдать только верхнюю границу леса, образованную пихтой. Верхушки большинства деревьев отмерли и вместо них развились мощные колонии эпифитов; в свое время я точно такую картину мог видеть в восточных Гималаях – в районе Дарджилинга в Индии.

На вершине г. Омей находится несколько храмов, и наша спутница – куратор гербария из Чэнду – почти в каждый заходила и зажигала там свечи. Близ вершины горы последний перегон лестницы окаймлен канатами – не для какой-либо предосторожности, а для навешивания особых замков, которые если замкнуть, то открыть более невозможно. Замки эти тут же продаются. Разумеется, я навесил один замок, а другой взял с собой на память. Считается, что если какое-либо соглашение (особенно вступление в брак) скрепляется подобным замком (или двумя, запирающими друг друга) на горе Омей – то это нерушимо.

Хотя сезон был еще ранний, а день сырой и даже дождливый – на горе Омей былолюдно. Но в Китае везделюдно: как сказал мой спутник Гаохуа “in China every where is crowded).

Дикорастущих ив или тополей, или без них в одной экскурсии увидеть не удалось. Только раз, в окрестностях Куньмина, мы побывали на речке, обсаженной ивами прямо по самому обрыву берега, здесь были *Salix tetrasperma* и *S. babylonica*. Здесь же, на этих ивах, до высоты роста человека или даже несколько более, ветви были почти сплошь увешаны мятыми грязными пластиковыми пакетами и кусками пленки. Это были отбросы, где-то вымытые рекой в половодье и отложенные на деревьях! Такой картины у нас в России я еще не видал – но подумал, что она наверно скоро появится.

Насколько я мог наблюдать повседневную жизнь и обычаи, у меня сложилось впечатление, что они очень единообразны – что в Пекине – что в Сычуани – что в Юннани. Но если, например, в одежде китайцы в общем стремятся к современному мировому единообразию, то в еде – тут своеобразие и традиционность полные: стол круглый, блюда посредине обычно на вращающемся круге. Каждый берет себе из общего блюда сам, пользуясь двумя палочками или ложкой с короткой ручкой. Кушанья тоже своеобразны. Я постарался освоить пользование двумя палочками и почти

успел в этом. Но хотя я заранее принял позицию (как в свое время в Индии) – что я ем всё – Гаохуа все-таки меня подловил. Не против ли я утиной колбаски? – Ну, конечно, нет. А это оказалась сырая утиная кишка, которую нужносперва сварить в супе, кипящем на середине стола (в хорошем доме должен быть в центре стола подогрев – угольный или электрический).

В Пекине мне каждый день рано утором уборщицы приносили два больших термоса с горячей водой; мне ее хватало и на утренний чай, и на ужин у себя в номере. На обеды мы ходили в ближайшую харчевню. Но не все китайцы ходят обедать в столовые. В середине дня – в обеденный перерыв – везде можно увидеть людей, спешащих с небольшими термосами в руках: идут куда-нибудь пристроиться поесть, а еда с собой.

Старый обычай, строго соблюдавшийся при Мао: все должны жить при месте работы. Теперь он постепенно отходит в прошлое, но еще не совсем отошел. Ведь предприятие или учреждение должно было предоставить жилище своему сотруднику. В ботаническом саду я и жил в одном из таких помещений, слегка переделанном, чтобы быть гостиничным номером. В других помещениях рядом, где жили сотрудники, было, конечно, довольнолюдно; часто слышались песни; между прочим, раза два я слышал и нашу “Катюшу”; оказывается, она очень популярна в Китае.

У меня же было помещение с телефоном и телевизором. Телевизор был с 2-3 программами. Чувствовалось, что его передачи находятся под строгим контролем. Я попал в Китай как-раз в дни празднования 50-летия провозглашения Народной республики. И очень интересно было видеть разницу в отношении к этому событию у моих спутников. Гаохуа, проживший сколько-то времени в Америке, счел показанное по телевизору заседание Всекитайского собрания за простую формальность, потерю времени тремя тысячами человек. А пожилой профессор Фань, у которого телевизора в номере не было, пришел ко мне посмотреть на новые лица, появившиеся “наверху”. Особенно он интересовался, кто окажется в верховной иерархии “на третьем месте” – он еще этого не знал.

В Китае “всюду людно”. И поэтому я был поражен тем, что самолет из Пекина в Куньмин из общего времени часа 2,5 или 3, по крайней мере в течение часа летел над почти безлюдным горным ландшафтом. Ни поселений, ни дорог, ни широких речных долин не было видно: только горные хребты с крутыми склонами, кое-где одетые темным хвойным лесом, а в большинстве обезлесенные или одетые мелким вторичным лесом. Подобный ландшафт я видал в природе на экскурсии около Куньмина. По безлесным пространствам и по мелколесью пасется скот; близ Куньмина нам встретились буйволы.

Общее же впечатление от Китая – быстрый рост, интенсивное строительство – но при сохранении своего, китайского своеобразия.

Жесткий общественный порядок, одновременно и сохраняющий национальные особенности, и впитывающий техническую новизну, и стимулирующий частную инициативу. Китайцы признают это заслугой Дэн Сяопина, ставшего идейным вождем страны после провала “великой культурной революции” Председателя Мао. Да и как не признать: такая громадная страна, такое быстрое развитие – а порядок держится неукоснительно. Сам Дэн Сяопин не занял никаких “руководящих” постов, не нахрапал никакого личного состояния. Как-то мы сидели с Гаохуа в помещении, где на стене висел небольшой портрет Дэн-Сяопина, и Гаохуа спросил меня – знаю ли я, кто этот человек на портрете. Что я мог ответить? Только то, что этого человека знают все. Такого бы человека – России...

Карелия и Кольский полуостров

Север суров, но по-своему красив и притягателен. На севере – если, конечно, туда попал по своей воле – и просторно, и как-то легко дышится; здесь сильнее зависимость человека от природы и тяга человека к природе.

На север состоялся и мой первый дальний ботанический выезд. В конце июля 1946 г. я поехал в Хибини, конкретно – в Полярно-альпийский ботанический сад. Не помню, кто мне посоветовал туда поехать: наверно, И. Г. Серебряков, который в послевоенные годы был очень активен и у которого в Хибинах тогда работал студент-дипломник В. Б. Куваев.

Я ехал уже со всеми удобствами мирного времени – в плацкартном вагоне прямого поезда. Но сквозного проезда через Карелию еще не было: он был перерезан во время войны и еще не восстановлен; поезд шел по ветке, экстренно построенной во время войны от ст. Обозерской на архангельской линии.

Я всегда любил из окна вагона наблюдать природу. И вот из этой первой поездки мне врезались в память дотолемной невиденные: сперва высокоствольные листовичники на Обозерской ветке и затем характерные кольские сосны – обычно одиночные, с низкой кроной и явно всю свою жизнь находящиеся именно на грани жизни. Сосны – “пауки”. Их когда-то даже описывали как особую разновидность.

Ботанический сад расположен в середине Хибинских гор совсем недалеко от городка Кировска (бывшего Хибиногорска) – центра местной горной промышленности, до которого есть регулярное транспортное сообщение, на террасе озера Большой Вудъявр. Перед садом лежала неосвоенная часть террасы, тогда покрытая зарослями вереска. Через небольшой моренный хребтик лежало живописное озеро Малый Вудъявр; около него были островки елового леса (конечно, не высокоствольного, а низенького и реденького). В остальном же господствовали субальпийско-субарктические березняки – естественный климатический пояс

растительности межгорных пространств в Хибинах. Если подняться по склонам гор хотя бы на 100–200 метров, – начиналась горная тундра – сперва кустарниковая, а затем и травянистая.

Сад был основан и обустроен еще до войны. В нем уже были собраны интересные коллекции живых растений, из которых многие мне были дотоле неизвестны (особенно мне запомнился своими крупными голубыми цветками *Mecanopsis cambrica* – растение из семейства Маковых). Был и очень приличный гербарий местной, а отчасти и более широкой северной флоры, была и литература. После войны жизнь в сад быстро возвращалась. При нас директор сада Николай Александрович Аврорин летал в далекую экспедицию по Северу за добычей материала для своего сада.

Я поместился вместе с Володией Куваевым в пустовавшей квартире с кухней; как-то была налажена и кормежка – как именно, теперь уже не помню – значит, без особых трудностей.

С Куваевым мы обычно экскурсировали вместе. Тем более, что он приехал в Хибины много раньше меня и уже хорошо ориентировался в местности. Да и цели у нас были близкие: у меня – просто ознакомиться с северной флорой, а у него – зафиксировать высотное распространение каждого вида. Флора Хибин была довольно хорошо изучена уже в довоенные годы, поэтому к каким-то флористическим открытиям мы не стремились. Из экскурсий помню один интересный случай. Как-то мы забрались на гору Юкспор; а каждая гора там чем-то своеобразна, и мы задержались почти до утра (ночи-то на Севере светлые!), изрядно проголодались и начали мечтать о хорошей еде. Вот тут нам эту еду Провидение и послало. По низу Юкспора дугой проходит ж. д. ветка к апатитовым рудникам в соседнем ущелье. Часть нашего пути и лежала по этой ветке. И вдруг на рельсах мы заметили зайца – видно, сбитого поездом, но еще совершенно свежего. На несколько дней мы были обеспечены самой “классной” едой!

В 1946 году я уже начал интересоваться ивами, и пребывание в Хибинах в этом отношении меня сильно продвинуло. Хотя видовой состав ив тут и не очень разнообразен. Но одна *Salix reticulata* чего стоит! И ограниченный видовой состав очень хорош для формирования общих представлений о систематике, об изменчивости, гибридизации и т. п. Кстати, в Хибинах почти нет гибридных ив, во всяком случае, они не играют сколько-нибудь заметной роли в растительном ландшафте. Совсем другое дело – березы. Здесь их всего два (!) вида – субарктический экотип пушистой березы (*B. alba*) и карликовая березка *B. nana*. Но гибриды между ними часты и разнообразны.

В Хибинах я встретил многие виды, хорошо мне знакомые по Подмосковию, но совсем в ином обличье. Например, золотарник (*Solidago virgaurea*) или кровохлебка (*Sanguisorba officinalis*) здесь были раза в 3 меньше ростом. (Много лет спустя, в 1970-х годах, это наблюдение

послужило основой для кандидатской диссертации Т. А. Зайцевой о географической изменчивости видов). Уже тогда, в Хибинах я стал относиться с большим скепсисом к тому, чтобы северные экотипы широкоареальных видов трактовать как таксономические единицы и давать им латинские названия. Особенно ярко это выразилось в отношении берез: уж как только не именовали северные (а позже – и южные равнинные) формы обыкновенной березы (*B. alba*) и ее гибридов с *B. nana*! А у меня еще из Хибин убеждение, что это всё – индивидуальная изменчивость.

Из Хибин я выезжал в Мурманск. От Кати Фадеевой я получил адрес Миши Успенского. Он работал художником на Северном флоте. Что там делать художнику? А маскировать корабли и сооружения! Успенский был родом из Петербурга; позднее я раза 2 посещал его там; в Петербурге он меня водил в музей Арктики и, кстати, в Русский музей. Но скоро потом это знакомство как-то заглохло. В Мурманске Миша меня познакомил с городом – хотя настоящего города еще почти и не было; зато был “Шанхай” – скопление мелких лачужек. Дальше Мурманска к северу проехать было нельзя, зато я сделал 2 остановки на обратном пути в Хибинь: в Коле, старом русском поселении в начале Кольского залива, и на р. Кице – очень живописном месте в глубине полуострова.

Второй раз я попал в Хибинь через 10 лет – уже вместе с Галей. Поводом послужило какое-то совещание. Новых впечатлений от самих Хибин в эту поездку не было. Зато я уговорил мою начальницу директоршу ботанического сада Университета Н. А. Базилевскую дать мне на пути в Хибинь недельную остановку в Карелии. И вот эта остановка оказалась заполнена незабываемыми впечатлениями.

Мы начали с Петрозаводска. Тогда это был типичный северный город: с досчатыми тротуарами, деревянными, большей частью двухэтажными домами, почти в каждом окне с цветущими гloxиниями. Тихий и размеренный. Мы хотели посетить ботанический сад, находящийся за городом. Но было воскресенье – и без сотрудников побывать в саду было неинтересно. Вместо этого мы посидели на расположенном рядом с садом “Чортовом стуле” – обрывистой гранитной скале с плоской вершиной, с которой открывается широкий вид на Онежское озеро и лежащий на горизонте город. Затем, пользуясь светлой ночью, мы совершили поездку в знаменитые Кижы. Из Петрозаводска катер выходил к вечеру, к ночи приставал в Кижях и затем ехал дальше. Обрато возвращался рано утром. Так что в нашем распоряжении была только ночь. Но она запомнилась на всю жизнь своим очарованием.

Кроме Кижей, я очень хотел посмотреть еще на один шедевр древнерусского зодчества – Успенскую церковь в Кондопоге. И напоследок нашего пребывания в Карелии я задумал четырехдневный маршрут: из

города на биостанцию Петрозаводского университета Кончезеро, затем пешком на водопад Кивач, оттуда на Кондопогу и обратно в Петрозаводск. Всё удалось. Особенно живописны были путь от биостанции на Кивач и сам Кивач. На Киваче мы переночевали на сеновале у очень милой и любезной сотрудницы заповедника Айно (фамилии не помню) и затем вышли на большую дорогу, где на попутке доехали почти до Кондопоги; остановились в каком-то селе и, по сельскому обычаю, переночевали у местных жителей. Успенская церковь, конечно, замечательна своим силуэтом и высотой. Цела ли она сейчас?

Еще через 10 лет, в 1966 г., я снова побывал в Хибинах. Теперь со мной была не только Галя, но и сын Костя. В Хибинах заканчивалось наше путешествие. А начали мы с Соловецких островов. Тогда острова еще только-только освобождались от режима закрытой территории: долгое время после революции они были местом заключения “неблагонадежных”, а затем, когда развилась сеть лагерей ГУЛАГа, потеряли значение “тюремной столицы” и стали военной базой. Еще в 1966 г. некоторая территория возле пристани оставалась закрытой. От города Кемь на острова ходило небольшое суденышко. Мы чуть не опоздали на него: не знали, что от Кеми до пристани 8 км и туда ходит автобус. А мы загляделись на интересный старинный деревянный собор в Кеми, каким-то чудом уцелевший.

На островах существовала турбаза. Но это были общие комнаты человек на 10 с разбитыми окнами и неубранным мусором. Однако столовая была, и одеяла тоже выдавали. Но строения монастыря были в таком плачевном состоянии, что в самом монастыре осматривать было нечего. (Кстати сказать, еще на 500-рублевой купюре, выпущенной в 1997 г., где изображен Соловецкий монастырь, отражено это состояние разгрома и упадка: на верхах церквей вместо крестов дощатые покрывки).

Однако можно было взять лодку и проехаться по системе каналов, когда-то устроенных монахами. Это мы и сделали. Вода в каналах оказалась довольно теплой, и мы с Костей могли искупаться. Но где-то было удобное для купания место и на берегу моря. Ради интереса, мы полезли купаться и там. Но тут же вылетели как пробки: вода была нестерпимо холодной. Как нам потом говорили на Беломорской биостанции МГУ, без специального защитного костюма человек в воде Белого моря через несколько минут погибает.

На других островах, кроме главного, мы не побывали. Но общему впечатлению это мало бы что прибавило. Вероятно, теперь на Соловках много интереснее. Но общий природный фон и старые монастырские стены – те же.

После Соловецких островов мы отправились на ж. д. станцию Пояконда, откуда есть лодочный транспорт до Беломорской станции МГУ. Там мы собирались прожить 2 недели, но прожили едва одну. Наш Константин очень

быстро ознакомился со всем тем своеобразием, которым богаты окрестности биостанции, и настойчиво запросился уезжать. А там много замечательного, для нас необычного. Прежде всего, очень заметные приливы и отливы. Биостанция стоит на узком заливе – “губе”, и приливно-отливные течения очень сильны. Если плохо ориентироваться, лодку в отлив может вынести в открытое море. Один раз так почти и случилось с нами. Нас понесло. К счастью, мы успели причалить к безлюдному острову и там переждать время отлива.

На песчаном пляже живут “пескожилы” – крупные черви – полихеты, которые служат отличной приманкой для рыбы. Но поймать пескожила не просто: почуяв тревогу по содроганию почвы, он мгновенно прячется в нору, из которой его достать уже почти невозможно. Зато если пескожил пойман, улов трески обеспечен. Обычно местные рыболовы пользуются лесками с 2–3 крупными крючками, на которые насаживается приманка, и забрасывают леску с лодки на небольшую глубину. И буквально в считанные минуты берется довольно крупная треска.

А рядом с биостанцией – разнообразный лес. И там грибы и ягоды. Мы были в августе, и уже подпевали голубика и брусника. И комары уже почти не беспокоили. Так что прямо – курорт. Все и были удивлены, когда мы собрались уезжать. Но мы отправились дальше – в Хибины.

Но и там наш Константин быстро освоил всё заслуживающее внимание. Особенно его поразили грибы – подосиновики, ростом выше стелющихся по горному склону березок. А более всего его заинтересовал не своеобразный ландшафт, а голуби на улицах Кировска, тем более что у него уже была сноровка поймать любого голубя. И в Хибинах Константин не дал нам долго задержаться. Наверно, мы плохо оценили интересы и наклонности Кости. Он, когда и повзрослел, не любил путешествовать. – Как мой отец.

Но мне довелось побывать в Хибинах еще и в четвертый раз – в середине июня 1989 г. Какое-то совещание. Между прочим, там был и директор ботанического сада в Ашхабаде. В Хибинах еще холодная весна, все кутаются почти по-зимнему, а в Ашхабаде уже разгар лета и жара под 40?!

На этот раз я побывал и в экскурсии на современные горные разработки: это – колоссальных размеров яма, получившаяся на месте бывшей горы; машины – самосвалы туда спускаются и оттуда выползают по длинной спирали. Более приятным представился филиал ботанического сада в г. Апатиты. Когда-то, в 1946, здесь с гордостью показывали культуру борщевика Сосновского как перспективного кормового растения. Помню хорошо, он был не выше 1 метра. А теперь, по крайней мере, у нас в Подмосковье, это – очень нежелательный, но неискоренимый гигантских размеров сорняк. Потом, во времена Хрущева, здесь пытались разводить кукурузу. А из визита 1989 г. у меня в памяти сохранилась только необычайно

пышно цветущая, с крупными соцветиями и цветками рябина – похоже, это была *Sorbus tianschanica* – вероятно, наследие Н. А. Аврорина.

Путешествия: Север

С детства мой отец приучил меня бродить – сперва по ближайшим окрестностям нашей Желаньи, потом дальше и дальше. Самое дальнее место, куда мы ходили из Желаньи, было село Волсто-Пятница, от нас километров 15-16. Там в земской больнице работал врачом наш дальний родственник – Евгений Иванович Соколов. Позже, когда я уже окончил 3 курса медицинского института, мы с папой ездили по туристской путевке на Кавказ (по бывшей Военно-Сухумской дороге). Так я и стал любить бродяжничать. Интерес к флоре эту любовь еще усиливал. А с тех пор, как я заинтересовался городами, историей и архитектурой, любовь превратилась в страсть. Зрительной памятью бог меня не обделил, я легко запоминал образы и стремился познакомиться с новыми. А мой отец не только в пожилом, а уже и в среднем возрасте путешествовать не стремился.

Я уже рассказал в отдельных очерках о некоторых фрагментах моих странствий. Но чувствую, что лучше дать их цельный обзор по географическим разделам: Русский Север – Урал – Сибирь – Прибалтика – Средняя Россия севернее Москвы – она же южнее – она же юго-западнее – она же юго-восточнее (южнее Волги) – Украина – Крым – Кавказ – Средняя Азия – Забайкалье и Дальний Восток.

Я не любил путешествовать большими группами. Вдвоем – втроем – это оптимально. Поскольку моя Галя почти всю жизнь не работала, я старался ей домоседство сколь можно компенсировать и всегда, когда было возможно, взять ее с собой. Пока сыновья были малы, Галя могла поехать только насколько позволяли бабушки, на которых мы оставляли мальчиков; это ограничение отпало, когда мальчики подросли.

Местоимение “я” употребляется мной, быть может, слишком часто. Но в большинстве поездок инициатива и план были все-таки мои.

Кроме Карелии и Кольского полуострова мне довелось побывать и еще в нескольких местах Европейской России. Первое знакомство с Севером, о котором я отчасти уже рассказывал, состоялось в Кирове (Вятке), где в 1942–43 годах я служил в госпитале. Сейчас хочу кое-что к этому добавить. В те годы в Кирове было еще мало промышленности, мало каменных домов, но немало своего давнего своеобразия. Для меня были новы вятские кушанья – “репница”, “гороховица”, “завариха” – это просто разваренные до кашеобразного состояния овощи или просто заваренная кипятком мука. Если было, чем их помаслить, то они казались не только съедобными, но и вкусными. Особенно завариха из пеклеванной муки. “Ши” же означали не жидкое, а густое блюдо.

Своеобразными казались вятские фамилии; Мымрин, Вылегжанин, Подыниножин, Троеглазов, Слюнин, Сопелев, Пысин, Бздюлев... Когда я приехал в Киров и устроился на работу, надо было меня прописать. И вот оказывается, незадолго до меня в домовую книгу были прописаны трое Пердуновых, родом из деревни Пердуны. Видел в книге своими глазами. Еще и сейчас иногда попадаются фамилии, которые, мне думается, происходят из вятских “корней”.

Памятными сооружениями Вятка была бедна. Церкви почти все были разрушены; на одной из окраинных, тогда еще почти не застроенных улиц, я видел груды обломков разрушенного большого собора, построенного когда-то в духе классицизма ссыльным архитектором Витбергом. Когда в 1943 году произошло смягчение в отношении к церкви – в Вятке открыли одну церковь в совершенно не приспособленном помещении (хотя когда-то раньше наверно и бывшее церковью). В центре Вятки еще стоял старинный собор – но он был в каком-то запущенном состоянии и недоступен для осмотра. Зато в километрах 5–6 от города в с. Макарье была церковка в стиле типичного сибирского барокко.

Через речку Вятку тогда еще не было постоянного моста, прямо за рекой против города располагалась деревня Дымково, известная производством глиняных (“дымковских”) игрушек.

В Кирове была областная, вполне приличная библиотека, которая очень охотно шла навстречу посетителям, среди которых было особенно много людей, эвакуированных из Москвы и Ленинграда. В 1942 г. вышла книга “Древнерусское деревянное зодчество”, которую я очень хотел приобрести. Тогда заведующая библиотекой помогла в этом папе, и он мне эту книгу подарил; теперь для меня она – одна из самых дорогих памятных вещей, оставшихся от отца.

В библиотеке иногда устраивались концерты. Помню, раза 2-3 было концертное переложение “Пера Гюнта” Грига. (Фамилию режиссера точно не помню – кажется, Глузов). Папа очень любил эту пьесу. И на меня она произвела сильное впечатление, особенно песня Сольвейг. Ее я последний раз слышал в органном исполнении в крематории на похоронах тестя А. А. Покровского. Хочу завещать, чтобы и на моих похоронах ее исполнили.

Осенью 1943 г. я ездил на уборку зерна в деревню километров за 100 к западу от Кирова. Пробыл там немного меньше месяца и заработал пуд хлеба. Но самым интересным оказалась сама деревня Красава. Ее жители говорили совсем не по-вятски! А на прекрасном языке, обращавшим на себя внимание отсутствием “оканья” и множеством древних русских слов и оборотов; например, такие слова, как “очи”, “уста”, “на день”, были обиходными. Откуда появился такой очажок языка посреди огромного пространства архангельско-вятского говора?

В 1960 г. мы вдвоем с Галей предприняли довольно широкий маршрут по Северу. Поездом до Котласа, отсюда по воде в Сольвычегодск и Великий Устюг и затем по Северной Двине до Архангельска. Из Архангельска опять пароход по Северной Двине кверху до Котласа, а оттуда поездом в Вологду; из Вологды в Кириллов, а из Кириллова – в Ферапонтово. И домой.

Котлас, конечно, как город неинтересен. Когда-то он был одним из центров “архипелага Гулага”. Теперь – важный перекресток дорог.

В Сольвычегодске – бывшей вотчине знаменитых Строгановых интересны старинные постройки – палаты и собор XVI века, в подклете которого отгорожен отсек, не имевший ни окон, ни выхода – туда забрасывали неугодных людишек. Более интересен другой собор XVII в. в стиле не сибирского, а скорее московского барокко, снаружи похожий просто на 2-этажный дом кубиком, но вместе с тем очень изящный. Подобную ему, но поменьше размерами, церковку я видел как-то при моих странствиях по долине р. Нары в Подмосковье.

Великий Устюг – городок небольшой, но удивительно живописный. Мы к нему подъехали на пароходу рано утром, и пейзаж города, открывающийся с реки, нас просто очаровал. К сожалению, по расписанию у нас был день Устюга только день. Осталось только общее впечатление – общее очарование. Хотелось бы побывать там еще раз!

Ехать по Северной Двине на старомодном пароходу (пусть теперь он теплоход) спокойно и приятно. Все же мы сделали в дороге перерыв – у с. Звоз. Там, по каким-то моим данным, должны быть (и они, действительно, там оказались) выходы гипсов с карстовыми воронками. Дня 3 мы пробыли у добродушной хозяйки (имени ее я уже не помню, пусть она будет Мария Дмитриевна). Как и почти везде на Севере, у нее был 2-этажный деревянный дом примерно с такой внутренней отделкой, как у нас в Желанье в доме деда Алексея; крытый двор, по которому проложены дощатые переходы, чтобы миновать всякую грязь. И приветливая хозяйка (ее нам порекомендовал местный председатель сельсовета, к которому я сразу по сходу с парохода обратился). Мы сходили в лес, набрали грибов, насмотрелись на сов, которые там водились, побродили вдоль Двины; я собрал почти все тамошние интересные растения. Особенно интересен *Gypsophila pinegensis*, очень похожий на уральский *G. uralensis*, но тот обитает на кварцитах, а *G. pinegensis* – на выходах гипса.

Не менее интересно нахождение *Scorzonera austriaca*. Ботаники никак не хотят мириться с тем, что на гипсах Северной Двины – тот же вид, что и на мелах Нижней Волги, и северному растению давали имена *S. glabra*, *S. ruprechtii* – но четких убедительных различий никто не мог указать. Быть может, они найдутся в молекулярной сфере.

Архангельск мы осмотрели довольно бегло. Побывали в интересном

музее, налюбовались на обилие всяких судов и суденышек на Северной Двине, подивились на миниатюрность памятника Петру Великому. Но где переночевать – не нашли. Поэтому с пароходом, отходящим уже в ночь, поехали обратно – т. е. по Северной Двине вверх до Котласа, а оттуда поездом – в Вологду.

За неудачу с ночлегом в Архангельске судьба нас вознаградила. Пароход отправлялся уже на смеркании. В это время над Двиной навис легкий туман, и на всех бесчисленных судах и суденышках зажглись огни. И они отражались в воде и просвечивали сквозь туман, окруженные сиянием. Картина была сказочная, и мы с Галей потом ее не раз вспоминали. Архангельск остался в нашей памяти именно этой картиной.

Вологда. Здесь, конечно, было (и есть) что посмотреть. И еще тут мы хорошо устроились в гостинице. Старинный собор здесь чем-то напоминает таковой же в Вятке и также почему-то выстроен не на возвышенном месте, а, наоборот, на понижении. И в Вологде, как когда-то и в Вятке, он был закрыт и казался запущенным. А самая интересная историческая достопримечательность Вологды – Спас-Прилуцкий монастырь тогда был еще закрытой зоной, и мы могли только обойти его и посидеть под его стеной на берегу речки. Памятник 800-летия Вологды как-то не производил впечатления.

И еще от Вологды остался в памяти длинный – по всей речке Вологда ряд дощатых плотов и платформ, с которых полоскали белье. Значит, вода в реке была достаточно чистой, а до прачечных или стиральных машин дело еще не дошло.

Из Вологды мы съездили в Кириллов. Около 100 км в автобусе по плохой дороге. Галю и еще двух пассажиров стошнило, автобус должен был сделать остановку. В Кириллове обстановка оказалась самой убогой: в гостинице комната человек на 10, еда в столовой хуже некуда. Но зато знаменитый монастырь – целый городок за стенами. В нем как будто все в порядке. Не знаю, был ли там такой же очажок Гулага, как в Соловках, но в 1960 году все выглядело сохранно и прилично. На другой стороне озера – Горицкий монастырь. В нем была колония хроников-умалишенных – грустное и неудобное заведение, а место красивое и, в отличие от Кириллова монастыря, не на низине около озера, а на холмах.

Из Кириллова мы сделали однодневный выезд в Ферапонтово. Туда – 20 км в кузове грузового такси, в котором трясло так, что и теперь, почти 50 лет спустя, живо помнится. Обрато – пешком. Несмотря на это, экскурсия была замечательной. Посмотрели на знаменитые фрески, на живописный ландшафт, пособирали на отлогом берегу озера камешки – кусочки охры, которой пользовались древние живописцы. В лесу близ озера заметили заросль ландыша – редкость для здешних мест. По дороге, которая

все время шла лесом, я очень хотел встретить голубую жимолость. И встретил – один куст на обочине дороги. А потом в гербарии ГБС увидел образец, собранный нашей сотрудницей З. Р. Алферовой с этого же самого единственного куста!

Обратно из Кириллова в Вологду мы ехали в уютном пассажирском суденышке; путь шел в основном по Кубенскому озеру. Помню длительную стоянку в с. Устье.

Еще один тур по Северу, на этот раз чисто ботанический и в одиночестве, я совершил в августе 1968 г. в связи с подготовкой обзора семейства Ивовых для “Флоры Северо-Востока Европейской части СССР”. Маршрут был: Амдерма – Нарьян-Мар – Ухта – Печора – Сыктывкар. До Амдермы, Нарьян-Мара и Ухты – самолетом, остальное – поездом.

Амдерма – небольшой поселочек на берегу Карского моря. Но важный центр воздушного транспорта. Я пробыл там немного дней; не помню, где остановился. Расположена в голой тундре. Только кое-где есть кустики ив ростом по колено или чуть выше. Но погода была хорошая, и тундра цвела. Даже в воздухе можно было почувствовать аромат цветов. Трудились многочисленные шмели. Особенно привлекателен был склон к морю, одетый частично травянистой, а частично моховой тундрой. Тут я заметил некоторые виды растений, обычные и в “Средней России” – например, селезеночник (*Chrysosplenium*) и адокса (*Adoxa moschatellina*). Я взял с собой несколько растений адоксы вместе с окружавшим ее мхом, чтобы попробовать вырастить ее в Москве. В Москве адокса из Амдермы не прижилась – но не был ли для нее губителен просто длительный последующий мой маршрут?

В Амдерме я мог увидеть, сколь ранима тундра: на довольно пологом склоне были тракторные следы, сорвавшие растительный покров: этим нарушился температурный режим, подпочва оттаяла – и весь склон оголился: растительный покров сполз с него, как одеяло. Недаром на Аляске (как я узнал впоследствии) летом машинам на тундру выезжать вообще запрещено.

Из Амдермы в Нарьян-Мар и затем из Нарьян-Мара в Ухту перелеты были очень интересны, т. к. самолет местной линии летел низко, и вся поверхность земли была видна четко: тундра, островки леса, озера и болота. Особенно интересны с воздуха болота: видна их структура, незаметная, когда странствуешь по суше: очень характерно чередование полос с водоемами, причем полосы сфагнов разного цвета: белые, желтые, красные.

В Нарьян-Маре на песчаных террасах дельты реки Печоры есть и участки елового леса, и кое-где березняки и проточные болота в понижениях. В таких понижениях я обнаружил и кустики голубой жимолости и взял два-три с собой. Но эти образцы, как в дальнейшем и кустики из сходных условий близ Лабьгнангов (на нижней Оби против Салехарда) чувствовали

себя в Москве очень плохо, почти не цвели, не плодоносили и почти не давали прироста. Наглядно демонстрируя диапазон географической изменчивости вида.

Еще из Нарьян-Мара запомнился аэродром. Он местного масштаба и состоял просто из ровной песчаной площадки на террасе Печоры. А по краям, где не расчищают и не ровняют грунт для самолетов – сплошные заросли душистой северной ромашки *Tripleurospermum phaeocephalum*, которая очень похожа на нашу обычную сорную недушистую ромашку; кто кому родителем приходится – неясно. Душистую ромашку около Амдермы я видел и на скалах у самого моря.

В Ухте я остановился недалеко от города в поселке Водном, где был стационар Сыктывкарского института биологии. Отсюда я съездил на поезде до Печоры и побродил там по склонам берега реки. Там встретился очень хороший куст (т. е. со сладкими ягодами) жимолости; я с трудом вырубил из него обрубок для отсылки в Москву; но он, к сожалению, не прижился.

И еще съездил на лодке по реке Ухте в сопровождении сотрудника опорного пункта – который, видимо, когда-то был сотрудником аппарата госбезопасности; он мне рассказывал, что у него есть коллекция редких монет (включая, будто бы, и златник князя Владимира Святославича X века). Но как он ее мог собрать? Я спросить не решился. И я почувствовал облегчение, когда с этим человеком расстался.

В Сыктывкаре (бывшем Усть Сысольске) я познакомился с ботаниками в Институте биологии и поработал в гербарии, с городом и окрестностями в тот раз почти не познакомился.

Еще раз я был на севере в 1983 г. У меня в ГБС был целевой аспирант из Молдавии Василий Гадьрко. Я ему дал тему по географической изменчивости черного тополя на Русской равнине – от Северной Двины на севере – до Терека в его равнинном течении – на юге. Вырастить серию черенков из крайних северного и южного пунктов ареала и 1-2 промежуточных. С юга Василий черенки добыл довольно легко. Но вот с севера – до конца сезона не получалось. Я решил с ним поехать и поискать северную точку природного обитания тополя. По Н. И. Кузнецову это была Северная Двина около устья р. Емцы. Но то были данные еще конца XIX века. А как сейчас?

По пути я решил сделать остановку в Вологде, чтобы поискать там *Echinocystis* – быстро распространяющийся однолетний сорняк, интересный тем, что по мере своего расселения к северу он сокращал длительность своего жизненного цикла. Подробнее его исследовала Ю. К. Майтулина (Виноградова), тогда тоже бывшая моей аспиранткой. *Echinocystis* мы нашли. Еще встретили в Вологде старые деревья белого тополя, притом видимо тот же самый клон, что я встречал и в Ярославле, и под Калугой. Были в музее – он сильно расширился и переехал в новое здание. Но Спасо-

Прилуцкий монастырь был еще недоступен.

Дальше надо было, очевидно, ехать в Архангельск. Там есть Лесотехнический институт, а при нем дендрарий, с которыми мы с интересом познакомились. А также и с тем, что растет в городе. Коллеги в Лесотехническом институте не знали, где можно встретить тополь на Северной Двине, но были настолько любезны, что дали нам на 3 дня машину и рекомендации к Емецкому лесхозу. Емецк за 100 с небольшим километров южнее Архангельска. Нас там приютили, но насчет тополя тоже сперва не могли дать справки. Однако один лесник все-таки вспомнил, что он видел 2 небольшие рощи тополя на острове Северной Двины в километрах 20 от Емецка. Там как-раз велись работы по вылавливанию бревен молевого сплава леса, так что можно попасть и на тот остров. Мы поехали – и, действительно, нашли две тополевые рощи. Кстати, я и вообще познакомился с поймой Северной Двины.

В Архангельске мы побывали в музее, который теперь расположен в новом прекрасном светлом здании, и даже удачно устроились в гостинице. Но – увы – не удалось побывать в музее деревянной архитектуры – это где-то за городом, для этого нужен целый день. До сих пор жалею об этом. Правда, позже я побывал в таких музеях в Костроме, в Суздале и в Новгороде, но Архангельск – это все-таки Архангельск!

После удачи на Северной Двине мы поехали еще искать тополя в районе Сыктывкара. И в Сыктывкаре коллеги нам помогли: дали на целый день в наше распоряжение катер, так что мы смогли и здесь найти – видимо, крайнее в сторону северо-востока – местообитание тополя на р. Вычегде близ с. Корткерос.

Я иногда задумываюсь: вот, в одном месте дали машину с шофером на 3 дня, и никакой речи об оплате, в другом – катер с командой на целый день – и опять ни слова об оплате. А как теперь? Вот, в нашей библиотеке объявление: не-сотрудники Академии Наук должны заплатить столько-то. А в какой-то стране, говорят, посидеть на скамейке в бульваре стоит столько-то. А человеческая жизнь сколько стоит? Вот, только что видел по телевизору, маленькому мальчику нужна операция на сердце, иначе он не жилец. Операция (т. е. шанс жить) стоит 300 000 рублей. А их у родителей нет. Ну, и как быть? Пусть мальчик тихо умирает?

В Сыктывкаре я был еще 2 раза: в 1985 и 1987 годах, оба раза выезжал с экскурсией в Белый Бор – хороший хвойный лес с приятной знакомой флорой. И город мне нравился: чистый, спокойный, похожий на небольшие города Западной Европы. Но то было 20 лет тому назад.

На русском Севере мне еще хотелось побывать в Белозерске, в Каргополе, в Тотьме, на реках Сухоне и Пинеге. Еще раз съездил бы в Великий Устюг и в Ферапонтово. Но не довелось.

Урал

Первый раз на Урал я попал в 1950 г. Уже господствовала лысенковщина, и я уже думал, что надо из Института морфологии животных (так стал называться наш институт после сокращения явных нелысенковцев) – уходить, скорее всего в систему заповедников. Поэтому в том 1950 году я хотел поглядеть, что из себя представляют заповедники, съездил – в 4 из них: Крымский, Центральный Лесной, Ильменский и Денежкин Камень.

Дольше всех я пробыл в Ильменском – примерно с месяц. Его база находилась рядом с ж. д. станцией Миасс и близ города Миасс. Это один из самых старых заповедников России, создан был в основном по побуждению геологов – минералогов. Но там были и довольно хорошие лесные массивы. Когда я приехал, то уже близ базы заповедника меня встретил целый набор цветущих редких растений: орхидеи, лилия-саранка, *Moneses* ... Однако там было неудобно с питанием: близко не было ни столовой, ни даже магазина. Можно было только пользоваться электроплиткой в общей кухне. Тут я первый раз почувствовал, как могут опротиветь консервы, если сидеть на них хотя бы 2 недели.

Я проделал по заповеднику круговой маршрут. Но самыми интересными в ботаническом, и в пейзажном отношении оказались как-раз краевые участки: на юге край, прилегающий к железной дороге, и на западе – выходящий к озеру Тургойак. Из заповедника я выезжал в сторону Златоуста на гору Таганай – наиболее доступную вершину, немножко выходящую выше границы леса. На Таганаяе есть метеостанция, и там меня пригласили переночевать под теплой овчинкой. Пейзаж там очень живописен, но растительность не очень богата, так как гора сложена преимущественно кварцитами. Массово цвели *Polygonum alpinum* и *Gypsophila uralensis*. Видно, для них как-раз хороши кварциты.

Там же я повнимательнее посмотрел на карликовые елочки: насколько они разнообразны. Я попытался выделить отдельные формы, чтобы выяснить приуроченность их к верхнему краю леса. Но без успеха: здесь у вершины оказалось такое же разнообразие, как и внизу.

По пути от Златоуста к Таганаяу есть очень интересная “каменная река”: это русло временного водотока, состоящее из грубых крупных валунов. Мелкозем из него вымыт дождевыми потоками, но сами валуны лежат прочно. Каменные реки образуются твердыми породами – кварцитами или гранитами, которые выветриваются очень медленно. Еще я встречался с каменными реками в заповеднике Денежкин Камень на водораздельном хребте, тоже сложенном кварцитами.

Из Ильменского заповедника я махнул на Денежкин Камень. Там уже чувствуется дыхание севера (хотя это всего 60° с небольшим северной широты – параллель Выборга), овощи и картошка в основном привозные,

немногочисленное население живет законной и незаконной охотой и рыбной ловлей. Я, конечно, первым делом взлез на вершину Денежкина Камня, но так как шел сверху медленно, разглядывая и собирая растения, то заночевать пришлось около самой вершины горы. Там граница леса ниже, чем на Таганая – около 700–800 м и образована в основном лиственницей. Слагающие Денежкин Камень породы – разные, но преимущественно основные. Поэтому флористическое богатство здесь много выше.

На следующий год, в конце июня, я приехал в заповедник Денежкин Камень уже как сотрудник, на постоянную работу. Однако она оказалась не очень постоянной: в начале 1952 г. я был уже в МГУ. Тем не менее, заповедник мне очень многое дал, и я вспоминаю о нем с теплым чувством.

Поздней осенью 1952 г. я приезжал в заповедник взять высокогорные растения, которые я там в свое время посадил на грядках, для посадок в новый ботанический сад МГУ. И еще в ту короткую поездку я заезжал в Пермь познакомиться с тамошним гербарием и с профессором А. Н. Пономаревым, а также в г. Кунгур, чтобы побывать в знаменитой “ледяной пещере”. В окрестностях пещеры есть и много интересных растений, но время года было уже слишком поздним для какого-либо ботаницирования.

В 1964 г. я вместе с В. Р. Филиным с кафедры высших растений и лаборанткой ботанического сада Зоей Исаковой поехали на Полярный Урал. Железная дорога тогда уже существовала и через Урал, до поселка Лабытнанги, на левой стороне Оби, против Салехарда, который расположен на правой. Вот этой железной дорогой мы и предполагали воспользоваться. На промежуточных станциях еще кое-где оставались пустые бараки от строителей дороги и от геологических экспедиций. На станции 106-й км мы основали свою базу, откуда выходили и выезжали на экскурсии. А кроме того, существовал еще поселочек у озера и речки Хадата (или Хадыта) километров 100 севернее, у подножия более высоких хребтиков, на некоторых даже были маленькие леднички. Там работали университетские гляциологи; связь с внешним миром они держали через наш 106-й км, и у них был гусеничный вездеход. Опять же, без всяких денежных расчетов, они пригласили нас побывать у них на Хадате и отвезти нас туда и обратно. Мы этим, конечно, воспользовались, и значительная часть наших гербарных сборов и получилась именно оттуда, из Хадаты.

Близ станции 106-й км еще по долинам некоторых речек были редкостойные лиственничники, корявые березнячки и заросли кустарников – зеленой ольхи (*Alnus fruticosa*), рябины, шиповников (*Rosa acicularis*) и ив. Но в целом господствовали тундры. Рельеф, геология и минералогия были очень разнообразны. Например, по дороге на Лабытнанги была гора Красный Камень (и одноименная станция), сложенная ультраосновными породами и одетая только совсем скудной растительностью.

Мы были там в разгаре лета. Днем температура поднималась аж до 30°, в подледниковом озере Хадата мы даже купались. Были, конечно, и дождички – но мало. Одним словом, прямо как на южном курорте. Но все это продолжалось совсем недолго.

Очень интересно, что из древесных пород дальше всех сохраняют форму деревца *Salix dasyclados*! Во многих местах я мог видеть, что ее деревца высотой 3-5 м растут там, где уже нет даже корявой березки. А по протокам Оби она образует прямо-таки целые леса!

Интересно также обилие и разнообразие *Salix arctica*. Но здесь она всегда стелющаяся. Как-то я даже специально подобрал серию образцов, отражающих это многообразие, на одном, довольно небольшом пространстве у р. Соби.

Очень интересна густо красная *Boschniakia* из семейства Заразиховых, паразитирующая на корнях зеленой ольхи. Весьма необычно выглядит *Koenigia islandica* – арктический однолетничек и т. д. В общем, на Полярном Урале ботанику есть что посмотреть.

Через 23 года, в 1987 г. наша экспедиционная группа на машине переезжала из Казахстана на Кавказ. Я решил по пути посетить 2 ботанически интересных места: Мугоджары и мела по р. Эмбе.

Мугоджары – это южное продолжение (или окончание) Урала. Когда я ездил поездом в Среднюю Азию, то, при пересечении Мугоджар в их самой высокой (до 660 м) части, всегда заинтриговывали изрезанный ландшафт и березняки, и всегда хотелось там сделать остановку. Вот, наконец, такую остановку, впрочем, всего на 2-3 дня, удалось сделать. Лето было в самом разгаре, притом довольно влажное, а нам еще удалось попасть в место, не слишком стравленное скотом, так что урожай гербарных сборов у нас был отменным. В частности, мы собрали много видов, приуроченных к сырым местам. Из них очень интересен кипрей *Epilobium confusum*: он проходит весь свой цикл развития, пока еще почва влажная, а когда она высохнет – его не найти, только клубеньки сохраняются в почве до следующего влажного года.

Пригорки Мугоджар сложены в основном крупно-щебенчатыми породами, что растительному миру тоже придает определенное своеобразие.

От Мугоджар мы держались в основном течения р. Эмбы, заехали только на меловые выходы. Они поражают своим своеобразием и протяженностью. Я много бывал на мелах Нижнего Поволжья и излучины Дона, а после Казахстана мы были еще и на мелах Дагестана – но нигде такого захватывающего своеобразия мне видеть не довелось. В 1960-е годы этот меловой район обследовала сотрудница ботанического сада МГУ Г. И. Черкасова, но какого-либо адекватного описания их она не опубликовала. Появилась ли с тех пор чья-нибудь подробная публикация – не знаю.

Дальнейший наш путь на Гурьев и Астрахань был менее своеобразен и интересен.

И еще раз мне довелось побывать на Урале в 1988 г. Н. В. Старова, моя старая и добрая знакомая (я когда-то был оппонентом на ее докторской диссертации), переехавшая из Харькова в Уфу, пригласила нас с Галей к себе в Уфу и затем на поездку на юг Урала в ее стационар изучения леса.

Мы пробыли некоторое время в Уфе, посетили музей Нестерова, посетили духовный центр мусульман Европейской России, посетили очень интересный минералогический музей. И затем отправились по новой автомагистрали через Урал в сторону Челябинска. Дорога длинная; где-то посредине был ночлег. Не доезжая Челябинска, свернули к югу и прибыли в городок Учалы; здесь остановились удобно в гостинице. Ближайшие окрестности поселка оказались очень интересными. Здесь по склонам щебнистых холмов и хребтиков я увидел целый ряд интересных для меня растений: *Cotoneaster integerima*, новость для флоры Урала, *Koeleria* типа *sclerophylla*, *Filipendula stepposa* и др. А в Учалах в качестве сорнячка – *Gilia linearis* (заносный американец). Из Учалов мы выезжали еще дальше к югу, в сторону Белорецка. Оттуда я вывез сбор *Carex laevirostris* – очень крупной осоки, с которой я не встречался со времени Денежкиного Камня.

Хотел ли бы я еще раз побывать на Урале? Да, конечно, и особенно на южном: он так невероятно разнообразен! Но и так для меня Урал – кусочек моей жизни.

Сибирь

Впервые я попал в Сибирь в 1955 году, когда сделал по пути на Дальний Восток остановку в Иркутске, о которой я уже говорил. Но я не досказал, что из Иркутска я тогда сделал экскурсию в горы – именно, в Тункинский голец (гольцом называют вершины гор выше границы леса, “голые”). От Иркутска рейсовым автобусом до Тунки, там где-то переночевал, и еще 2 дня посвятил подъему на голец. Конечно, по пути собирая растения. Там верхнюю границу леса образует кедр – сперва это рощи, а затем одиночные малорослые деревья. Дальше уже идут кустарники, а еще выше – горная тундра. До тундры я не дошел, ограничился кедровым редколесьем; там и заночевал. Следующий день – спуск; как известно, это дело не менее трудное, чем подъем; главное тут – не торопиться. Насчет дорог и троп в этих горах небогато, да если такие и попадаются – то неизвестно, куда они ведут. Так что и кверху и книзу в основном пришлось двигаться “по целине”.

Как потом мне рассказывал Л. И. Малышев, который приобрел известность своей книгой об альпийской флоре Восточного Саяна – и он тоже обследовал верхние пояса гор так же, в одиночку “по целине”.

Когда я второй раз (в 1977 г.) был в Иркутске, в горы я не лазил. Об этом пребывании я рассказал в другом месте.

Второй сибирский выезд был у меня в Якутск в 1967 г. в связи с моим участием в подготовке “Определителя растений Якутии”. Уже тогда в Якутске существовал некоторый ботанический центр, в котором главной фигурой был В. Н. Андреев. Был и интересный ботанический сад в пригороде Якутска – Чучур-Муране. Некоторое (короткое) время в Якутске работал В. Б. Куваев, но он ушел оттуда еще до моего приезда.

В самом Якутске своеобразие определяется тем, что город стоит на вечной мерзлоте. Многоэтажные дома (выше 5 этажей тогда не было) стоят не на фундаменте, а на сваях, под ними гуляет воздух. Иначе мерзлота бы подтаяла, и дома бы обрушились. В Якутске было несколько общественных туалетов. Их содержимое по мере накопления замерзало и выпирало горой наружу; проще было все целиком вывезти, чем туалет чистить. Всякие трубопроводы нуждались в утеплении, и т. д.

Наряду с этими мало привлекательными деталями, в пригородах Якутска были и дачи – обыкновенные деревянные домики, и озера – старицы Лены; правда, некоторые озера служили как свалки нечистот, но другие оставались чистыми. Из Якутска я несколько раз выезжал: на стадионар Института леса – километров за 60 от города по тракту на Вилюйск. Здесь в основном еловая тайга, почти такая же, как и в Европейской России. Более интересен ландшафт “лесостепи” Центрально-Якутской низменности. Здесь есть действительно степные участки, которые чередуются с “чаранами” – понижениями, вероятно, обусловленным термокарстом – проседанием почвы в результате изменения режима мерзлоты. Чараны обычно окружены высокоствольными березами, а в центре – озеро или сфагновое болото. А болота эти опять же ботанику напоминают северную Европу. Как я заметил, в чаранах, как впрочем и в тайге, представлена пушистая береза (*Betula alba* s. str.), а бородавчатая появляется только на склонах вилюйского плато или близ поселений человека.

Одновременно со мной в Якутске гостила группа финнов. И для гостей хозяева устроили выезд далеко вверх по Лене на “Ленские Столбы”. У якутского филиала Академии был катерок, когда-то принадлежавший военным, но затем списанный по возрасту. Дорога на нем до “Столбов” заняла около суток; обратно, конечно, скорее. На самих “Столбах” нам удалось пробыть только день, но зато невероятно насыщенный и интересный.

“Ленские Столбы” – это не очень высокие скалы, отвесные, но легко разрушающиеся, предоставляющие растениям широкое разнообразие условий обитания. Соответственно, тут есть и лесные, и степные, и скальные виды растений: здесь я встретил и даурскую лилию, и мягкую медуницу – тот самый вид, который есть и на Урале, и в Альпах (*Pulmonaria mollis*). Никакого постоянного жилья близ этих скал нет.

В начале сентября в Якутске ударили морозы и выпал снег (правда, еще не постоянно). Мне надо было присоединиться к нашей экспедиционной группе, уже работавшей во Владивостоке. Я решил не полететь самолетом, а воспользоваться автобусом и при этом сделать одну-две остановки по пути.

Весь автобусный маршрут до дальневосточной железной дороги (ст. Невер) занимал около 3 суток, с 2 ночлегами. Первую остановку я сделал в г. Алдане – когда-то возникшем как центр золотодобывающей промышленности – и в мое время уже потерявший это значение; однако песчано-щебнистые дражные отвалы еще лежали по всем долинам рек. В Алдане я мог наблюдать, как массовая гибридизация берез, которая хорошо представлена под Якутском, здесь уже была в прошлом, и здесь дело возвращалось к первоначальному природному состоянию – высокоствольному лесу и исходным видам берез.

Вторую остановку я сделал в поселке Большой Нимныр – это сравнительно недалеко от Алдана, и обстановка здесь была много ближе к естественной природной. Интересны были *Chamaenerion latifolium* и *Salix saxatilis*, которые вместо обычной для них высоты в 20-30 см, здесь по галечникам вдоль рек достигали роста почти до 1 метра.

В Новосибирске я был три или четыре раза, из них два раза – в связи с поездками на Алтай.

В 1971 г. И. Ю. Коропачинский пригласил Е. Г. Боброва и меня сделать хорошую экскурсию по Алтаю. Экспедиционной машиной он располагал. Мы проехали по Чуйскому тракту до Кош-агача, а затем съездили еще на Телецкое озеро. На Курайском хребте поднимались в альпийский пояс. Смена растительного покрова по Чуйскому тракту: от западно-сибирской лесостепи у подножья Алтая – ко все более выраженному таежному характеру и затем – нарастание сухости и контрастности в растительном покрове: по дну долин ельники на вечной мерзлоте, а на склонах – сухая степь. У Телецкого озера уже настоящая темнохвойная тайга.

Ивы, тополя и березы собирал везде; тополя особенно, чтобы представить диапазон изменчивости *P. laurifolia*. Черный тополь в горы не идет, чем отличается от родственного среднеазиатского осокоря (*P. usbekistanica*), который в Гиссаре и Ферганском хребте поднимается до 2 000 м и более.

В 1989 г. этот же маршрут, только укороченный, доведенный до Белого Бомы – Чибита, правда, с подъемом в альпийский пояс. На этот раз экскурсия была международной: был и мой знакомый из Канады Джордж Аргус, и американский знаток тополей Экенвальдер, и еще кое-кто из американцев, и дама (не помню имени) из Риги, и М. А. Гоголишвили из Тифлиса. Из наших сотрудников была Татьяна Зайцева.

Обе экскурсии на Алтай И. Ю. Коропачинский организовал как некоторое предварительное знакомство: в 1971 г. поездка предшествовала его докторской защите, на которой я и Е. Г. Бобров были оппонентами, а в 1989 г. в том же году экспедиции на Аляску. Кстати, Дж. Аргус был с нами и на Аляске, вместе со своей супругой.

Город Новосибирск мне показался грязным и неинтересным. Единственное примечательное место – в центре, где стоит большое здание театра и памятник группе революционеров, но эти 2 объекта не гармонируют друг с другом, а скорее один другому мешают. Другое дело – Академический городок; он расположен за городом в лесу, на берегу Обского водохранилища, на котором есть и отличный песчаный пляж для летнего купания. Я на этом пляже был дважды; но во второй раз (год уже не помню) какая-то эпидемия охватила рыбное население Оби, и на пляж во множестве выбрасывались подыхавшие большие сазаны.

Очень хороши профессорские домики – как правило, рассчитанные на две семьи. Жаль, что они были построены только для первоначального контингента институтов, а всем последующим сотрудникам пришлось размещаться в обычных многоэтажках, да и за то спасибо.

В Сибири я еще бывал в Красноярске и дважды – в Томске. В Красноярске я в качестве оппонента выступал на докторской защите И. Ю. Коропачинского, но еще успел побывать и около плотины гидроэлектростанции на Енисее, и в знаменитых Красноярских “Столбах”. В Томске я был только для работы в гербарии, раз зимой, а раз – поздней осенью, всего по несколько дней. И ни природные окрестности, ни даже сам город просмотреть не смог.

Прибалтика

Мой самый первый визит в Прибалтику состоялся в августе 1959 г.; тогда мы с Галей проделали несколько экскурсий по Латвии: по долине р. Абавы, где есть местонахождения *Potentilla fruticosa*; по побережью Рижского залива к западу от Юрмалы и по Западной Двине в районе известняковых порогов (позже это место ушло под водохранилище). На Двине мы даже переночевали на воле, “под кустом”; там, конечно, было самое интересное место: *Pinguicula*, лилия-саранка, *Allium schoenoprasum* на мокрых известняках и т. д. Жаль, что это все ушло под воду.

После я еще бывал в Риге по приглашениям (тогда был такой модус: учреждение республиканской академии могло пригласить сотрудника московской Академии Наук на срок 7-10 дней). У меня сложились очень хорошие отношения с А. П. Расиньшем и Р. Циновским. У Расиньша я был и дома; он жил с матерью (которая, похоже, была русской). Циновскиису я помог с прохождением его диссертации о боярышниках Латвии. Он был хороший знаток древесных пород и знаток Латвии как страны.

Под Ригой есть музей старой деревни. Я очень люблю такие музеи. Они пошли от музея в Стокгольме, где место называется Skansen (там я тоже был); на Западе это слово стало нарицательным “сконсен”. Очень хороший сконсен есть под Киевом, где мы с Галей были дважды; есть еще и в Закарпатье, если память не изменяет – в Мукачеве; там мы тоже были с И. И. Сикурой.

Не знаю, как теперь, но тогда в Риге большой собор (“Домский” – от немецкого Dom – собор) служил концертным залом; я там был – слушал Requiem Моцарта на органе с хором – но как-то мне все показалось сухим, казенным.

К моему 70-летию от рижских коллег я получил в подарок книгу “Архитектура старой Риги”. И вот, эта архитектура и все имеющиеся в книге на фотографиях городские вывески – немецкие. Ригу основали в 1200 г. немцы, и она оставалась немецкой еще и в составе Российской империи. Немцев выселили только в 1930–32 гг., якобы они сами (после прожития 700 лет!) решили уехать в Германию.

Побывал я и в национальном парке на р. Гауя. Живописное холмистое место, связанное с разными старинными преданиями. Там по реке довольно много белой ивы (*Salix alba*). Но это явно далеко за пределами ареала вида. И латышские коллеги гадают: как она здесь оказалась? То ли это какой-то реликт, то ли “дальний занос”, то ли успешная интродукция?

Летом 1961 г. мы с Галей поехали на Куршскую косу, точнее, в поселок Нида на этой косе. Пробыли около двух недель (нашим детям было уже 7 лет, мы их распределили по бабушкам). Интереснейшее место. Коса – узкая песчаная полоска, на ней есть березнячки, сосновый лес, но главное – открытый сыпучий песок. Самая большая дюна именно около Ниды. На море место для купания было четко обозначено пограничниками, но там постоянно дул холодный ветер, а на стороне неманского залива – тихо, тепло и безлюдно. Там в основном мы и проводили время. Тем более, что можно было взять лодку-плоскодонку и поездить, как когда-то на Угре, с шестом по песчаному мелководью. А за березками даже пожечь костерок. Как-то сидя у костерка, я заметил, что нас с интересом наблюдает – заяц, сидящий немного поодаль. Я еще раза два в других местах замечал, что зайцы очень любопытны, и эта манера сидеть поодаль и наблюдать за людьми – не случайная, а именно свойственная зайцам.

В Ниде был ресторанчик, где можно было отведать главный местный деликатес – угря. В отношении растений на косе интересного было немного. На побережье, кроме обычного набора трав, здесь был еще *Eryngium maritimum*. На дюнах – хорошо знакомая *Festuca polesica* (*Beckeri*), *Linaria odora* и еще какая-то однолетняя фиалочка.

На обратном пути из Ниды мы сделали на день остановку – посмотреть

Вильно (Вильнюс – но это название, по-моему, лингвистически ошибочно: в литовском языке есть окончание именительного падежа, это окончание – ius, почти латинское – us, а в русском его нет; поэтому по латыни – domus, а по-русски – дом; по латыни – nasus, а по-русски – нос).

История Литвы – очень сложная, между Русью и Польшей она колебалась туда-сюда. До 1939 г. Вильно был польским городом (как, впрочем, и Львов), а с разделом Польши в начале 3-й мировой войны отошел к СССР и при вступлении Литвы в Союз, был передан ей. Так что Литва получила свою столицу в качестве “свадебного подарка” за вступление в СССР. В отличие от Латвии, Литва была и есть католической, и в Литве тогда еще польский дух крепко держался.

В верхней части города сохранилась часть старой городской стены, в ней ворота, а над воротами – часовня Богородицы. Она так и называется “Matka Boska Ostrobramska”. Это была вторая святыня Польши после Богородицы Ченстоховской. (Brama – значит “ворота”). От ворот ведет небольшой переулочек. И там можно было видеть людей, стоявших на коленях на мостовой перед часовней. А в часовне почти непрерывно служба. Как раньше в Москве было у Иверской. Рядом две похожие друг на друга церкви – одна католическая, а другая – православная. Еще два интересных церковных здания есть ниже в городе; большой собор в стиле ампира, но какой-то неудачный, тяжеловесный, а недалеко от него – церковь в стиле “северной готики” – сложенная из обычного кирпича в готическом стиле. Но то ли она заново ремонтировалась, то ли как-то перестраивалась, но стиль готики в ней кажется искусственным. Недалеко от них – исторический центр Литвы – башня Гедимина – небольшая, невысокая, но исторически значимая. На ней и вывешивают государственный флаг Литвы. Крупное и очень симпатичное здание театра в наш первый приезд еще отсутствовало, с ним я познакомился в последний приезд в 80-х годах.

В Вильне есть институт ботаники, но ботанический сад помещается близ Ковна (“Каунаса”). Он довольно заурядный. Я там был в роли некоего ревизора, поскольку был членом комиссии Московской академии, ревизовавшей Академию наук Литвы. В частности, абрикосы там вряд ли лучше, чем у нас в Москве. Сам Ковно производит впечатление тихого и самобытного города. В нем замечательны музей чертей и музей Чурлениса (или Чюрляниса – так ближе к литовскому произношению) – художника-фантаста. У меня есть альбом репродукций его произведений. Центральная площадь города носит название “Пяркунас” (= Перун древней мифологии). А по р. Неману выше Ковна – очень интересные симпатичные лиственные леса. Туда меня возил литовский коллега А. Лякавичюс. Он же возил меня и в сосняки близ Тракая (это уже недалеко от Вильно). Там я встретил *Pulsatilla patens* и *P. pratensis* – и гибриды между ними – точно так же, как где-

нибудь в Волгоградской или Саратовской области.

Замок Тракай отреставрирован ради туристов, но он все-таки второго разряда, вроде например замка в Выборге, не то, что Вавель в Кракове.

Литовский язык среди европейских языков считается наиболее близким к древне-индийскому санскриту, поэтому наша комиссия уделила филологическим наукам особое внимание. Но, помню, и ботаники были не обделены вниманием, поскольку участвовали в выращивании растений в космосе.

Наконец, Эстония. В Таллин я впервые попал в 1959 г., но не нашлось где переночевать, и я только оглядел старый город и уехал в Псков. После я раза два еще там был – но всегда на короткое время. В новом ботаническом саду был, когда тот еще находился в фазе организации. Был в национальном парке Лахемаа, любовался там огромными валунами под обрывистым берегом моря. Был в Кадриорге – дворце, построенном специально для Екатерины II (что-то общее есть и с дворцом такого же назначения в Киеве). Теперь в Кадриорге – музей.

Раза два был я и в Тарту. Один раз – поработать в гербарии, другой – участвовать в каком-то совещании. Помню памятники Бэру и Барклаю-де-Толлли. Почему Бэр в Тарту – понятно: немец в немецком Дорпатском университете, это потом Н. И. Кузнецов настойчиво именовал его Юрьевским университетом. (По существу Кузнецов был прав: ведь город был основан как Юрьев до всяких немцев). Но чем был связан с Тарту Барклай-де-Толли? Не знаю, не узнавал. Но запомнил небольшой сквер у памятника Барклаю: где стоял (и стоит еще?) ряд великолепных, огромных тополей Симона, var. *fastigiata*.

И, наконец, самое интересное, что я пережил в Эстонии – это полмесяца нашей (ГБС) экспедиции на остров Сааремаа (раньше это был Эзель – Osel) в июле 1986 года. Тогда остров считался приграничной территорией, и для приезда туда нужен был официальный пропуск. В 1973 г. будучи в Швеции, я ездил на остров Эланд (Oeland), который образован почти цельной известняковой плитой с горизонтальной поверхностью и с очень интересной мозаикой флоры, о которой расскажу подробнее в другой раз. Так вот, Сааремаа – некоторое подобие Эланда. В основе – такие же слои известняков. Только поверхность не идеально плоская и горизонтальная, а слегка холмистая и в основном лесистая. Там есть и заповедник, в котором нас очень приветливо встретили и предоставили приют.

Флора Эстонии вообще, а остров Сааремаа в частности, гораздо богаче интересными, новыми для нас видами, чем, скажем, флора Латвии. В России несколько напоминающее Эстонию место – Старый Изборск; наверно есть похожие места и в Ленинградской области. Благодаря любезности заведующей заповедником (увы, не помню имени и фамилии) мы смогли

увидеть и другие редкости, как тис, эндемичные виды *Sorbus* (из группы *Aria*), *Cotoneaster*, *Rosa villosa*, *Cladium mariscus* и др. Я присоединился к этой экспедиции в Тарту; по пути на Сааремаа мы также пособирали растения в ряде местностей материковой Эстонии. Еще в экспедиции были Н. Шевырева и В. Д. Бочкин.

Что на меня еще произвело впечатление в Эстонии – это любовь и внимание к родной природе. Замечательный журнал *Eesti Loodus*, рассчитанный на самый широкий круг читателей; у нас подобного я не знал. Определитель растений Эстонии каким-то 3-м или 5-м изданием напечатан тиражом 15 000 экземпляров, тогда как наш “Определитель растений Московской области” вышел в 1966 г. всего в 6 200 экземпляров. А ведь в Московской области живет людей раз в 10 больше, чем в Эстонии. И еще: никаких свалок и непорядков на дорогах и при дорогах. В чем мы наглядно убедились при переезде из Эстонии в Псковскую область. Надеюсь, что теперь там всё одинаково в порядке.

По пути из Эстонии первое, что мы встречаем – село Печоры и в нем Печорский монастырь. Мы там с Галей были, кажется, в 1959 г. Тогда там было тихо и безлюдно. Теперь, наоборот, многолюдно – и уже менее интересно. На сей раз я посмотрел бегло уже знакомое.

Средняя Россия – севернее Москвы

Еще в студенческие годы я побывал в Тверской области – в Завидове, между Клином и Тверью. В 1950 г. я поехал в Тверскую область познакомиться с Центральным лесным заповедником. Это около 20 км от ж. д. станции Нелидово. Там господство ельников на водоразделах; жили даже несколько медведей. Место тихое и спокойное, но скучноватое.

Еще я пробовал с Сашей поехать в школьные каникулы на турбазу под Тверью. Но там оказалось все на таком низком уровне, что мы уехали. Прошлись, правда, на лыжах по Волге; я убедился, что на Волге *Salix alba* еще растет дико. Более удачной оказалась поездка, тоже в школьные каникулы, на озеро Селигер, в Осташков. Там все-таки было и тепло, и светло, и какое-то общество.

Однако в самой Твери я не бывал и города не знаю. По крайней мере, можно было съездить из Завидова, где я два месяца в 1940 г. был на врачебной практике. Но ни я, ни кто-либо из нашей студенческой группы ни в Тверь, ни в Клин не съездили.

Зато в Ярославле я бывал 6 или 7 раз. Там живет двоюродная сестра Гали – Таня Яновская, крестная мать нашей внучки Тани. Она по профессии учительница, но давно уже вышла на пенсию. Детей у нее нет, и жила она одна в однокомнатной квартирке. Но к нашей семье она как-то тяготела, и когда Саша с семьей ездил в отпуск по Волге, они всегда встречались с Татьяной

Андреевной. И мы с Галей тоже в Ярославле останавливались у нее. Два раза мы с Галей брали с собой внучку Таню, когда ей было лет 8-10.

Ярославль, конечно, интересный, привлекательный город. Волга здесь уже большая; на ней есть песчаные пляжи. Много старинных церквей, можно даже говорить о собственном ярославском стиле. Правда, главный собор, стоявший на самом видном месте города, был в 30-х годах разрушен; вместо него ничего не было сооружено. Одна из наиболее интересных церквей – Иоанна Предтечи в Толчкове (теперь это не село и даже не окраина, а часть города) – высокое здание из красного кирпича – изображена на 1 000-рублевой купюре. Но там она почему-то нарисована зеленой.

На окраине Ярославля на берегу Волги расположен древний Толгский женский монастырь, а в нем была известная старая кедровая роща. Мы были в монастыре, когда там всюю шли восстановительные работы, и матушка настоятельница бегала от одной рабочей бригады к другой. Кедровая роща оказалась в замкнутой ограде, и мы смогли только часть ее увидеть сквозь щели в воротах. Говорят, она сильно пострадала, но теперь, надо думать, будет восстановлена.

Два раз на “ракете” мы ездили в Тутаев – раньше Романов-Борисоглебск, расположенный по Волге выше Ярославля. Изначально это были два города, стоящие друг против друга на двух берегах Волги. На правой стороне есть большой собор – очень похожий на собор Иосифо-Волоколамского монастыря, а в соборе главная достопримечательность – огромный образ Спаса, который поставлен так, что под ним можно пролезть. И вот, больные или иные обиженные судьбой люди к этому прибегают. И кто верует – тому помогает. Мы втроем (Галя, Татьяна Андреевна и я) там были два раза; второй раз в 1997 году – период ельцинского развала; жалко было видеть, как люди, раньше работавшие на каких-то заводах, теперь вяло бродили по улицам; вместо пустых магазинов торговали жалким бараклом убогие базарчики.

Из Ярославля мы навещали и Ростов. Туда мы ездили и прямо из Москвы; в Ростове я был раз пять. Значительность, целостность и сохранность замечательных сооружений, конечно, покоряет. Но кроме Кремля, в Ростове есть еще два примечательных места: это Яковлевский монастырь на окраине города, где была колония для умалишенных-хроников. Потом ее убрали и стали реставрировать великолепные ампирные строения. И еще деревянная церковь Иоанна Богослова “на Ишне” – километрах в 4-х от города. Там, между прочим, есть солоноватые ключи, на которых я видел *Triglochin maritimum*, а *Puccinellia* там во множестве.

И еще: в городском саду на берегу озера есть лазящая по кустам и заборам *Thladiantha dubia* – женское растение, дающее плоды в виде красных огурчиков – но без семян. Тогда как в Малоярославце и других

местах Калужской области по заборам очень обычны только мужские растения. Там же на сыром берегу озера я собирал лебеду – *Atriplex*, которую не смог точно определить (эти сборы в нашем гербарии), да она еще и очень переменчива.

Один раз мы с Галей были в Александрове – и то только как-то бегло, а город, конечно, заслуживает большего внимания.

Зато в городке Борисоглеб, что на полпути из Ростова в Углич, мы были дважды: один раз туда ездили из Ростова, а другой – из Углича. Там как бы уменьшенное и упрощенное подобие ростовского Кремля. В общем, место очень приятное.

Еще мы из Ярославля выезжали в Карабику – бывшее имение Н. А. Некрасова, расположенное недалеко от города. Имение содержится в полном порядке, и осмотреть его, конечно, стоит. Да ведь Некрасов и был в нашей истории заметной фигурой.

И еще ездили в Кострому. Там, конечно, замечателен и значителен Ипатьевский монастырь на окраине города. В нем был хороший музейный порядок (как теперь?). Рядом с монастырем начали развешивать музей деревянного зодчества. К сожалению, уровень Волги в Костроме поднят – немного, но это заметно, особенно в устье речки Костромы; мне думается, это нехорошо скажется на постройках.

В Угличе я был раза три. Последний раз – в 1989 г. мы с Галей были там по предварительному заказу мест в гостинице. Уже начинался общий развал, но какой-то порядок еще соблюдался. В Угличе известна церковь “Дмитрия на крови” и каменный дом, где жил царевич. Но на самом деле там много и других интересных старинных построек. Одна “Дивная” трехшатровая церковь чего стоит!

В Угличе же, на окраине города есть мелкий сосняк; там я впервые заметил подрост из семян черноплодной рябины (аронии), до тех пор меня интриговало: почему аронию везде культивируют, семена она дает всхожие – но почему нет самосева? Вот, впервые в 1989 г. я заметил самосев.

На прямой шоссейной дороге, если ехать в Ярославль, то после Сергиева Посада будет Переславль-Залесский. Его железная дорога обошла, и туда надо попадать автобусом – прямо из Москвы или из Сергиева Посада.

Город интереснейший во многих отношениях. Первое – очень небольшой, но хорошо сохранившийся Спасо-Преображенский собор в центре древнего города (еще сохранились древние валы). Как-никак, XIII век! Затем большое озеро, на котором прошла вторая стадия освоения флотского дела Петром Великим. Ботик Петра и сейчас сохраняется в музейчике на берегу озера. Затем монастыри, особенно Горицкий (на горе над озером) и Никитский (при нашем посещении бывший в самой начальной фазе реставрации). Затем еще интересные церкви: шатровая и барочная,

напоминающая известную барочную церковь на Полянке в Москве.

Еще в городе есть дом творчества художников. Есть выстроенный академиком Е. П. Велиховым институт какой-то сложной математики.

Наконец, есть дендросад. Его организовал С. Ф. Харитонов, старый опытный лесник, любитель деревьев. У меня связи с этим садом с середины 70-х годов. Тогда Харитонов был еще бодр, отвоевал для сада значительную прирезку земли, проделал посадки по новому плану. И скончался, похоронен в саду. Но им была выращена преемница – Любовь Ивановна Телегина – выпускница Воронежского лесного института, ставшая коренной жительницей Переславля – такая же энтузиастка, как он. С. Ф. Харитонов высадил взятые от нас 1000 штук абрикосов. Конечно, большинство погибло, но несколько штук выжило и плодоносило. Увы, недавно скончалась и Л. И. Телегина. И какова будет судьба не только переславских абрикосов, но и всего дендросада?

В раннем детстве, в возрасте 5–6 лет, я с родителями прожил около года во Владимире. Впечатления той поры у меня сохраняются до сих пор. Чтобы обновить их, я около 1950–51 г. решил съездить во Владимир. В общем, я повидал всё знакомое. Но город тогда выглядел плохо, запущенно. В гостинице по комнатам ночью бегали крысы. Еще раз я попал во Владимир через 30 с лишним лет. Моя сотрудница Т. А. Зайцева достала мне с Галей броню на гостиницу в Суздале. Мы решили поехать через Владимир с тем, чтобы день побыть во Владимире по дороге туда, и еще день – по дороге обратно. За два дня мы хорошо осмотрели город. Как и в 1926, как и в 1950, я не смог попасть в Дмитровский собор. Зато теперь в Успенский собор мы попали на богослужение. Соборы, Золотые ворота отмечают домонгольский период Руси. Были мы и в Боголюбове и у Покрова на Нерли. Всё это – известные вещи, подробно описанные в многочисленных путеводителях.

А вот новым и очень интересным для нас был музей быта XIX века в бывшей водонапорной башне. То, что я в детстве еще застал в действии, теперь было в музее. Музей обстановки XIX века я уже видел будучи в Стокгольме. И вот теперь он есть и у нас. Интересно захватывающе. Кровати со взбитыми подушками, “венские” гнутые стулья, утюги для горячих углей, керосиновые лампы, швейные машинки Зингера с ножным приводом, граммофон с ручным заводом и огромной трубой, вальки и рубели для белья, – всё, что я видел в употреблении у своих бабушек и что теперь исчезло из жизни.

Про Суздаль много говорить не надо. Этот город – весь целиком для туристов. Кроме старинных каменных зданий, здесь развертывался также музей деревянного зодчества под открытым небом. Не могу однако не упомянуть, что здесь я встретил заросль татарника (*Onopordon*) – свидетельство качества здешних почв и климата: недаром Суздальское

Ополье географы считают особым районом. Кстати сказать, к западу Ополье доходит до Переславля-Залесского. А вот в городок, в самом названии которого звучит Ополье – Юрьев-Польской – мы не попали, хотя там есть, что посмотреть.

Несколько раз я проезжал через Владимир ночью. Поезд стоял во Владимире долго, и я выходил из вагона на платформу. А вокзал во Владимире стоит под горой, на которой расположен Успенский собор; помню отсветы золотых куполов от огней железной дороги – почти прямо над головой. А ездил я к тете Мане в Ворсму: поездом до Нижнего Новгорода, а оттуда – автобусом.

Поезд приходил в Нижний рано утром, и оставалось полдня до автобуса – я мог осмотреть этот замечательный, большой и своеобразный город – побывать в Кремле, в хорошем музее, полюбоваться с высокой набережной на стрелку – слияние Оки и Волги, побывать в знаменитой “Строгановской” церкви и т. д. Раз побывал я в Нижнем и вместе с Галей. Это когда мы на пароходе плыли по Волге от Ярославля до Астрахани. Тогда на нас почему-то особенно сильное впечатление произвели несколько картин Рериха, представленных в музее.

Ворсма – небольшой и довольно бесцветный поселок, один из целого гнезда ремесленных поселков с центром в Павлове-на-Оке. В Ворсме есть завод медицинских инструментов, на котором работал муж тети Мани – Георгий Васильевич Соколов. Детей у них не было; тетя Маня в положенный возраст вышла на пенсию и копошилась в небольшом огорожке. В последний раз я туда ездил с Галей на похороны тети Мани (Георгий Васильевич умер раньше).

Средняя Россия – к югу от Москвы

В 1946–49 годах, в значительной мере под влиянием интересов кафедры геоботаники, я много времени посвятил исследованию северных отрогов лесостепи в Московской, Тульской и Рязанской областях, главным образом в бассейнах рек Осетра и Прони. Результаты этих исследований были опубликованы в Бюллетене МОИП в 1947–51 г. и положили начало моей репутации как ботаника.

В 1949 г., уже работая по новой теме по сравнительному изучению элементов соединительной ткани и крови, и пользуясь неразберихой, возникшей в результате прихода лысенковщины, я сумел почти два месяца уделить – в значительной мере под влиянием тогда очень известной книжки Б. М. Козо-Полянского “В стране живых ископаемых” и опять же сферы интересов кафедры В. В. Алехина – ознакомлению с серией известных “святых мест” среднерусской флористики.

Уже весной я побывал на верхнем Дону в районе Лебедян и там есть

замечательное урочище Плющань – выходы известняков на Дону и по ущелью маленькой речки. Там есть *Cardamine trifida* (= *Dentaria tenuifolia*), *Chrysanthemum zawadskii* наряду с лесостепными видами.

Ниже по Дону – знаменитая Галичья Гора и ее спутники – известняковые скалы на р. Варгол под Ельцом и замечательное своим сухим руслом и своей флорой урочище “Быкова шея”. Теперь на Галичьей Горе заповедник и постоянные сотрудники, но тогда не было ничего. Были только энергичные энтузиасты Николай Петрович Виноградов и Сергей Владимирович Голицын – ученики и последователи Б. М. Козо-Полянского, сотрудники Воронежского университета. Я там был еще два раза: второй раз в 1965 г., когда Н. П. Виноградов был уже тяжело болен, но С. В. Голицын жив и полон энергии, и в третий раз – когда уже и Сергея Владимировича не было: в 70-х годах на конференции, посвященной малым заповедникам.

В 1965 г. я был там с Галей, и у меня в памяти остался не только очень интеллигентный и любезный С. В. Голицын, но и такой же любезный его пёс: он нас ночью проводил до железнодорожной станции (это километра три), от всяких подачек отказался, посадил нас на поезд, и только после этого отправился домой.

Возвращаюсь к 1949 г. Дальше к югу – описанная тем же Козо-Полянским флора мелов. В Курской области с. Горшечное – самый центр. И я там был дважды: весной, когда цвели степные миндали и вишни, и раз ночевал в их кустах, так что вокруг меня суетились хомячки; второй раз, по осени, я там был с Г. М. Проскуряковой, которая в тот год в нескольких экскурсиях ездила со мной. Тогда она только что закончила первый курс университета. Помню обстановку в доме в селе, где мы остановились дня на 3: стены плетеные из веток и обмазанные глиной, пол земляной, потолок совсем низкий... вот и черноземный край!

Еще дальше к югу – долина р. Оскол где-то близ Нового Оскола, тут тоже выходы мела, но и песок, и кое-какие лесочки по долине, и знаменитые меловые сосны. Их всего несколько, и на вид они ничем не отличаются от сосны на песках. Но место это явно южное; теперь это Белгородская область.

Кроме известняков и мелов, я побывал еще и на болоте в верховье Дона, близ Епифани. Оно представляло удивительное для ботаника сочетание северной флоры кислых почв – брусника, водяника (*Empetrum*), северные осоки – и степных и даже солончаковых – на прилежащих луговинах и – самое замечательное – *Cladium mariscus* на мелководьях. Что-либо подобное нигде в Средней России не встречается. Но в Эстонии в 1986 г. я нечто подобное видел!

И еще в том же 1949 г. у меня была экскурсия совсем в другую сторону – в Козельск Калужской области. Где-то близ Козельска было место, называемое “Чертово Городище”, где рос редкий папоротник *Polypodium* и

светящийся мох. Кстати в Козельске я поглядел на бывшую Оптину пустынь, где тогда была колония инвалидов, и на ее 200-летнюю рощу, которая была хотя и заметно изрежена, но еще производила впечатление. В Козельске я познакомился с местным краеведом (фамилии не помню), который мне рассказал, как попасть на Чертово городище (это около 20 км от Козельска, в лесу). И я отправился ... и нашел! Оно совсем небольшое, это выходы твердых песчаников; в них есть маленькая пещерка, в которой мох, действительно, светился (но, конечно, светом отраженным).

Еще целый месяц в 1949 г. я провел в странствиях по Саратовской области. Но об этом я уже говорил в рассказе о первом знакомстве с Нижним Поволжьем.

В 1963 г. мы с Галей летом полмесяца провели в Хоперском заповеднике. Интересно, но это, конечно, еще даже не лесостепь, а лес; степные элементы приурочены к немногим точкам, четко отличающимся по своей экологии. Но место, конечно, очень интересное. Недаром в 1970-х годах там года два проработал такой знаток флоры как Н. Н. Цвелев. Я там с ним встречался в 1976 г., сопровождаю группу американцев, приехавшую по программе советско-американских экспедиций Главного ботанического сада.

Еще я приезжал в заповедник в 1969 г. с Костей. Но получилось, что не приезжал, а только заезжал: Константин, как всегда, быстро осваивался, и ему быстро все надоедало, он рвался дальше.

В 1965 г. мы с Галей посетили не только Галичью Гору, но и Воронежский заповедник. Как всегда, с выездами, на этот раз в Рамонь. В Воронеже мы осмотрели город, познакомились с университетом, с ботаническим садом; как всегда побывали в музеях. В том году еще не было ни Воронежского водохранилища, ни города за рекой. Была широкая луговая долина р. Воронеж, на которой была сплошная купальня. Мы были у Н. П. Виноградова дома, но он уже был плох: после инсульта у него расстроилась речь, и вместо связных фраз он произносил крошку слов, сам это понимал и расстраивался – но ничего не мог с собой поделать.

В 1968 г. мы втроем, с Костей, поехали в “Лес на Ворскле” на юге Белгородской области, где пробыли около 2 недель. Сам старый лес, конечно, интересен как определенный климакс, но флористическое разнообразие нужно искать на его окраинах и в окружающем ландшафте. К счастью, здесь в чистой речке водились раки, а у Кости была ныряльная маска, так что для него нашлось занятие – ловить раков, что у него получалось прекрасно. Гербарные сборы из “Леса на Ворскле” в 3-х больших пачках пока что остаются не определенными. Жаль!

Рассказывая о поездках по югу “Средней России”, нельзя не упомянуть нескольких интересных мест, на которых были остановки проездом, по дороге в другие районы. Так, возвращаясь из Казахстана в 1979 г. на машине

вместе с Е. Ключковым, мы проехали по Пензенской и Рязанской областям, была интересная остановка на ночлег в сосновом лесу, близ Кузнецка; по дороге с Нижней Волги – остановки у рек Ранова и Польной Воронеж, также у с. Зимарово на юге Рязанской области; немного севернее Ельца у с. Яркино (1994); в борах за р. Цной; наконец, в г. Мичуринске.

Поздней осенью 1989 г. с Галей мы побывали в Рязани и Туле. В Рязани мы хорошенько осмотрели “кремлевскую” горку, музеи и съездили в Солодчу. В Туле – аналогичная программа: кремль, музеи, выезд в Ясную Поляну (в Ясной Поляне я был еще в 1949 г.; теперь мало что изменилось). Еще нам в Туле понравился зоопарк. А в Рязани не понравился памятник Сергею Есенину. Могила Есенина на Ваганьковском кладбище находится недалеко от могилы бабы Поли, тети Ксени и моих родителей. В 1944 г. на ней был просто большой черный крест; теперь там какой-то, по моему, мало удачный памятник. Видя неудачные памятники, я всегда вспоминаю прекрасный памятник Н. М. Карамзину в Ульяновске.

Средняя Россия – западнее и юго-западнее Москвы

Традиционные интересы кафедры геоботаники МГУ навели меня и на экскурсии по Оке. Феномен “окской флоры”, открытый еще в XIX веке московским ботаником Н. Н. Кауфманом, заключался в нахождении на Оке ниже Серпухова целого букета лесостепных видов, включая ковыль (*Stipa pennata*). А с 1946 г. я был связан с биостанцией Кропотово на Оке. И моя первая ботаническая публикация (1947) была об интересной флористической находке на Оке. Фактически я начал обследовать флору Оки уже с 1946 г. В дальнейшем я, в основном в одиночку, обследовал долину Оки от Алексина до устья Осетра, а частично и долины впадающих в Оку рек (особенно Протвы – от устья до села Спас-Загорье на Киевском шоссе. Итоги этих исследований изложены в сборнике “Растительность Нечерноземного Центра” (1969). Потом, в связи с общим интересом к флоре Калужской области, я побывал еще в ряде мест и на калужском отрезке Оки.

Вступив в заведование гербарием ГБС в конце 1966 г., я получил возможность пользоваться и экспедиционной машиной, а также возможность как-то консолидировать и направлять деятельность сотрудников гербарной группы. Принимая во внимание ряд разных обстоятельств, а особенно учитывая, что в других республиках и регионах существуют свои ботанические центры, были определены два основных региона флористических исследований, оба в Европейской России: Нижнее Поволжье и Нечерноземный запад РСФСР.

Естественно, что путешествия по этим районам в основном направлялись профессиональными ботаническими интересами. Но,

конечно, и иные достопримечательности не остались без внимания.

Смоленск: Недаром на его гербе на пушке сидит птица феникс. Сколько раз в ходе истории город разрушался и вновь возрождался, как феникс. Моложе он Киева или старше? – Кто знает? – Я уже упоминал, что из своего детства помню оставшуюся от деда Алексея книгу “Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии”, так что у меня с детства к Смоленску было особое родственное чувство. В 1941 г. под Смоленском погиб мой ровесник, двоюродный брат Костя.

В Смоленск я первый раз попал в 1960 г. проездом в Велиж, а в 1962 г. уже не спеша, осмотрел город. И еще раз 5–6 побывал там, особенно по весне, в экспедиции или просто в экскурсии вместе с Галей. Мы останавливались в одной гостинице, затем в другой, последний раз – в мотеле “Феникс” на Минском шоссе близ выезда из города. Весной вокруг Смоленска очень хорошо: цветут белая анемона (*Anemone nemorosa*), крупная хохлатка (*Corydalis cava*), печеночница (*Hepatica*) – под Москвой всё это редкости, едва доходящие до Москвы с запада. Весной же видно, как много в Смоленске вишни, весь город, кажется, находится в вишневом саду.

В Смоленске замечателен собор: он отстроен уже после последнего польского разорения в начале XVII в. и уцелел в последнюю войну. В нем очень красивый, золотой с серебром, иконостас и хорошая акустика; там нередко проводили запись концертов. Там же икона Смоленской богородицы, которая была в русских войсках в 1812 г. Мы были в соборе на пасхальной неделе. Запомнилось: народу было мало, и когда мы выходили, то заметили блюдо с просфорами, выставленное для посетителей. Конечно, мы взяли 2-е просфорки.

В городе есть еще три церкви эпохи Киевской Руси, две из них – Духовскую (Михаила Архангела) на горке и Иоанна Богослова за Днепром, у вокзала – реставрировали при мне.

В Смоленске еще надо осмотреть отдельно кусок старой стены с памятниками войны 1812 г. и 1941–45 гг. Отдельно – сквер перед филармонией и в нем очень хороший памятник М. И. Глинке. Отдельно – восточный кусок городской стены над глубоким оврагом; отдельно – художественный музей, пострадавший в последней войне, но все же еще содержащий немало ценного; отдельно – музей С. Т. Конёнкова – скульптора, проявившего себя еще до революции, долго жившего в эмиграции и под старость вернувшегося на родину.

Из окрестностей Смоленска наиболее замечательное место – лежащее к западу от города Гнёздово. Около этого села на берегу Днепра расположен, вероятно, самый большой известный в Европейской России курганный могильник. Курганов очень много – тысячи, и, судя по тому, что они преимущественно небольшие и располагаются близко один от другого,

можно думать, что здесь были погребены и простые люди. Кто они были – об этом рассуждают и спорят археологи и историки. Видимо, славяне с большой примесью варягов. Гнёздовский могильник – заповедная, охраняемая территория.

Но недалеко к западу по той же дороге есть и могильник совсем другого рода – это Катынь, место расстрела польских офицеров, плененных при вступлении советских войск в Польшу в 1939 г. Когда я там был (в 1960 г.) это место было еще под запретом; еще не было громко сказано, кто кого расстреливал.

Немного ближе Гнёздова к городу – Красный Бор – любимое место отдыха горожан и вместе с тем местонахождение некоторых редких растений. Но в отношении флоры самое интересное место под Смоленском – всё-таки расположенная на правой стороне Днепра Соколя Гора – одетая лесом возвышенность, тянущаяся на 4-5 км. Туда можно было попасть как с южного ее конца, с одноименной ж. д. станции, так и с северного – с ж. д. станций Колодня или Валутино. Впрочем, это было лет 30 тому назад. Сейчас, боюсь, все могло стать жертвой дикой «прихватизации».

Нельзя еще не упомянуть о Талашкине. Там «Теремок» Тенишевой был в порядке. Церковь – внутри нее росписи Рериха были сильно попорчены, и внутрь церкви не пускали. Но внешний вид был приличен. Кстати, я там нашел два интересных растения – желтый аконит (*A. lasiostomum*) и дикую (не одичавшую) красную смородину.

Из прочих городов Смоленской области, несомненно, значительнее и интереснее всех Вязьма. Раза два-три через нее проезжал на машине, но остановился осмотреть только раз на день. Самое интересное место – Соборная горка. Там все памятники: собор времен царя Алексея Михайловича, правда, очень малых размеров; памятник 1812 году; очень выразительный, на мой взгляд, памятник генералу Ефремову – герою последней войны, погибшему под Вязьмой; кусок старой городской стены с башней. На окраине Вязьмы шла реставрация зданий двух монастырей, в том числе замечательной трехшатровой церкви.

Рославль и Велиж как города не произвели на меня впечатление. Но в Поречье уцелел большой интересный храм в духе классицизма. Надеюсь, что его не доломали, а реставрировали. Он того стоит.

Еще мне случалось проезжать мимо двух бывших имений очень известных людей, М. И. Глинки – в с. Новоспасском недалеко от Ельни и А. С. Грибоедова – с. Хмелита по дороге из Холма Жирковского в Вязьму. В Новоспасском стоит дом, отстроенный уже после войны в полное повторение дома, бывшего при жизни Глинки, даже специальная комната отведена под птиц, как было при жизни хозяина. А инструменты Глинки были во время войны вывезены и затем некоторое время хранились в

Смоленске в музее, где я их увидел в первый мой приезд. Помню, наш водитель экспедиционной машины не полюбостыствовал поглядеть на дом Глинки. Из-за его же нелюбостыства мы не проехали и через Ельню, где я хотел посмотреть памятник первого контрнаступления в ходе войны и созданию гвардейских частей, а поехали по дороге, проложенной в объезд Ельни.

В Хмелите в 1980 г. был еще полный разгром. Главный дом двухэтажный каменный – стоял без окон и без дверей, даже контуры усадьбы не обозначались. – Кажется, с тех пор Хмелита реставрирована.

С чисто ботаническими целями я побывал прежде всего на озерах северо-западной части области: Баклановском, Сапшо, Рытом, Дго, Акатовском, Диво. Теперь там (но точно не знаю границ) национальный парк “Смоленское Поозерье”. Озера чередуются с моренными холмами и грядами; есть и сфагновые болота, особенно близ с. Понизовье.

У Днепра мне удалось побывать еще на нескольких отрезках, кроме как у Соколей Горы. Наиболее интересна и производит впечатление почти заповедной территории низина в излучине Днепра выше впадения р. Воль, (южнее Ярцева, у д. Прость). Остальные виденные мной места менее интересны: это отрезок от д. Гусино до выхода Днепра в Белоруссию; Днепр близ ст. Приднепровской (по ж. д. на Ельню); Днепр от минского шоссе вверх до с. Николо-Погорелое; Днепр около Холма-Жирковского оказался вовсе не интересен; к тому же там около реки и в ней самой еще оставалось от войны множество колючей проволоки.

На Западной Двине я прошел по ее северному берегу выше Велижа до крутой излучины у с. Селезни и ниже – до выхода реки в Белоруссию. Очень интересно было встретить на Западной Двине *Koeleria gracilis*, *Pulsatilla patens*, *Digitalis grandiflora*, *Valeriana wolgensis*.

Очень интересна своими лугами и перелесками долина р. Сож от белорусской границы до с. Хиславичи. Также р. Хмость, на которой я побывал близ Кардымова и затем севернее Ярцева. Интересно нижнее течение Остра до впадения его в Сож у д. Зимонино; здесь местами есть и выходы мергелей.

Назову еще некоторые места, показавшиеся интересными. Озеро у с. Семлево, где по преданию Наполеон будто бы утопил награбленное в Москве серебро. Это быстро зарастающее озеро, со сфагновыми мхами и росянками. Река Хмара близ Починка. Река Костря у с. Васино, где все приречные кустарники заполнены фертильной *Rudbeckia laciniata* – более известной и обычной в махровой форме под названием “золотого шара”. Сосняки у пос. Ворга. Ельники и вторичные березняки близ Гагагина и Карманова. “Мелиорированный” (унылый) ландшафт около ж. д. станции Серго-Ивановской.

Замечательно озеро Бездон. Если от ст. Вертехово (что немного южнее

пос. Угра) по лесной просеке пройти километров 8–9 к востоку, то приходишь к круглому озерку, зарастающему с одной стороны сфагнами и далее сосной, а с другой стороны, где из него вода вытекает – болотными травами. Такие озера встречаются и в других местах Смоленской области, а также и в соседней Калужской; часто их называют бездонами, как правило, они карстового происхождения и довольно быстро зарастают. Около озера – целый набор интересных видов: *Cinna pendula*, *Glyceria lithuanica*, *Festuca altissima*, *Cares remota*, *Rhynchospora alba* и др. Встречаются и озера с меньшей степенью олиготрофности и в разной степени хозяйственного освоения.

Наконец, Угра. Хотя я родился на Угре, и Угра всегда для меня была неким идеалом, мысль обследовать флористически все течение Угры ко мне пришла только в 1970 г. В этом году с Сашей мы решили сделать рыболовную экскурсию. Мы (он – на юношеском велосипеде, я – на публичном транспорте) доехали до Малоярославца и попробовали рыбачить там, но неудачно. Переночевали в лесочке на берегу р. Лужи и назавтра поехали на Угру. Встретились у шоссе моста, но уже было поздно; переночевали опять “на воле”, назавтра погода была хорошая, у Саши ловилась рыба, а у меня находились совершенно неожиданные растения, как *Vicia tenuifolia*, *Inula hirta*, *Valeriana rossica* и др. Третью ночь провели на р. Рессе. Там были еще не заплывшие окопы, в них колючая проволока, немецкая каска...

С тех пор начались мои экскурсии на Угру, но уже более цивилизованные, со своей палаткой. Сперва мы с Галей стояли близ исторического села Палатки, затем мы втроем (с Сашей) решились пробиться к Николо-Ленивцу, и, несмотря на дожди, были с лихвой вознаграждены: место оказалось едва ли не самым живописным и интересным флористически на всей Угре. Там по зарастающему известняковому карьеру (а отчасти и по выходам известняков поблизости) был целый набор видов – южан; среди них наиболее интересным был венечник (*Anthericum ramosum*).

Выезды на Угру, обычно длительностью по несколько дней, продолжались с перерывами до 1999 г. В 1997 и 1998 годах я выезжал вместе с группой юных следопытов из Обнинска; к ней присоединился на своем “козлике” и Д. В. Синельников. Он был геологом, долго работал в Алжире, заработал квартиру в Москве, но ее сдавал и купил развалюшку на Угре, гордо наименовав ее “биосферный центр”.

В июле 1997 г. состоялась экскурсия (или поход) по Угре от Гатишина до Кобелева, т. е. до границы с Калужской областью. Для меня тут особенно интересна была северная излучина Угры, как раз у нее и был разбит основной лагерь. В этой излучине Угры во время войны скрывались остатки

нашей армии, попавшей в окружение. А теперь тут орудуют “черные следопыты”, которые ищут остатки вооружения; частью тут есть и “белые” – ищущие останки воинов для перезахоронения.

Сосняк в верхней части излучины сильно выгорел и теперь медленно восстанавливается. В нем появилось много толокнянки, а местами и сфагны. По берегам же Угры сильно разрослись не столько ивы, как серая ольха, насквозь пронизанная крапивой; тропинки, ранее существовавшие вдоль реки, тоже почти все заросли крапивой в рост человека – ближайшее следствие ельцинизации.

Вторая коллективная экскурсия по Угре состоялась в 1998 г. – от самых верховьев реки до посёлка Угра.

Погода была очень дождливая. Я начал с с. Щекино, где был привязан 2 или 3 суток. Здесь Угра еще невыразительна, течет в узком русле среди деревьев. Затем стоянка у Б. Захарьевского. Везде запустение и одичание. Середина июля, а луга почти не кошены. Из флоры здесь нередки *Gladiolus*, *Iris sibirica*, *Crepis biennis*, *Lunaria*, *Hepatica*. 18 июля вместе с Д. В. Синельниковым на его “козлик” сделали попытку найти исток Угры. Теренино > Уварово > Бабичи. И дальше запутались в мелких ручьях и овражках, заполненных водой. В с. Уварово – пруд на Угре, на его берегу симпатичная церковь как будто классического стиля.

И еще раз был на Угре в 1999 г. – недолго в гостях у А. Е. Терентьева. Экскурсировал поблизости, собирал *Rosa* и *Populus* в поселке. С Д. В. Синельниковым выехали и подальше до Дрожжина. Здесь великолепный вид на Угру и заугорские боры; кто-то уже поселился на хорошем месте. *Carex montana*, *Blasmus*, *Vincetoxicum*. По пути нашли городище “Копец” в устье речки Леонидовки. Дальше отправились через Великополье на Городище. Бывшее имение Храповицких – зарастающие развалины, колючий осот образует трудно проходимую заросль. Но большие дубы, липы, ясени еще стоят группами. Само городище (откуда название села) цело, но внешне мало интересно.

И последние выезды по родным краям – 3 и 4 августа 1999 г. 3-его в сторону р. Пополты (тут, в частности, был развилка дороги с указателем «д. Вязовец») до д. Мохнатки. А 4 августа – к дер. Любогоща (каково название! Еще мне встречалась дер. Радогоща на границе Брянской и Орловской областей). Затухающая деревенька на берегу Угры недалеко от с. Виходы. Здесь по запущенной лесной дороге нашлась *Carex brizoides* – последняя интересная находка в Смоленской области.

За 30 лет (1970–1999) я прошел вдоль всей Угры от с. Виходы до ее впадения в Оку, почти без пропусков и пробелов, в значительной мере по обоим берегам. Для меня Угра всегда хороша; я вспоминаю слова из какой-то песенки: “когда дойдешь ты до конца пути, свои ладони в Волгу опусти”.

Я хотел бы свои ладони опустить в Угру.

Все же назову места, наиболее интересные и в пейзажном, и во флористическом отношениях, начиная сверху: 1. У бывшего имения Шадрина, близ с. Входы, есть крутой, обрывистый берег, на который будто бы выходила песенная “Катюша”. – 2. Угра в крутых берегах и высокий шоссеый мост – у д. Любогоща. – 3. У пос. Угра – выходы известняков и известняковые развалы близ высокого интересного моста ж. д. – 4. У дер. Гремяча – чуть выше Желаньи – огромные известковые плиты у берега реки; тут же высокий холм, с которого видно далеко за Угрой. – 5. Угра от д. Гатишино до д. Дрожжино: здесь и красивая излучина реки, и сосновые боры, и высокие берега с выходами мергелей, и сильные ключи. – 6. Северная излучина: здесь когда-то была дер. Васильевщина, наверху существуют остатки крепости; очень живописно нижнее течение р. Вороновки. – 7. Восточная сторона северной излучины: устье и нижнее течение р. Вори. – 8. Урочище (быв. деревня) Косая Гора с разными типами соснового леса. – 9. С. Палатки – д. Озерки, д. Алоньи Горы и ниже – высокие берега, одетые ельником и очень интересные флористически. – 10. Высокие берега от д. Горячки до д. Плюсково. – 11. Устье р. Течи. – 12. У погоста Николо-Ленивец. Здесь выходы известняков (даже был когда-то карьер) и необыкновенно красивая излучина реки. – 13. Местность по обе стороны реки у погоста Покров и дер. Сени. – 14. Отрезок Угры от д. Люблинка до д. Матово. Хорошо сохранившиеся старые боры. – 15. У г. Товарково – опять же выходы известняков, на них дубняки. – 16. Ниже Товаркова, в основном против с. Дворцы – широкая луговая пойма с микрокарстом и старицами – т. н. “Залидовские луга”.

По течению Угры мой рассказ перешел из Смоленской области в Калужскую. Калужская область и Калуга ближе к Москве, чем смоленские земли и тем более, что мы много времени проводили в пос. Алабино – а это платформа железной дороги на Калугу.

С калужской флорой я впервые столкнулся в 1949 г. в Козельске. Тогда я первый (и единственный) раз побывал на “Чортовом городище” и познакомился с псаммофильной флорой террасы Жиздры против Козельска. Тогда в Оптиной Пустыни был инвалидный дом, но рядом с Оптиной еще в значительной мере была цела роща 100-200-летних деревьев. Потом я еще раза 2–3 был в Оптиной, раз вместе с Галей. Хотя официально пустыни как религиозного института не существовало, и все могилы кладбища ровнялись, однако местные верующие некоторые могилы – наиболее известных оптинских старцев – непрестанно после каждого разорения возобновляли.

Козельск известен в истории тем, что оказывал отчаянное сопротивление ордам монголов и почти все его жители были перебиты.

Сохранились от той эпохи каменные кресты (подобные им я еще видел в г. Кременце на Подолии – но те кременецкие много моложе).

Еще в Козельске есть прекрасная церковь – почти точная копия церкви Ивана Воина, что на Якиманке в Москве. Говорят, и тот же архитектор – Зарудный. Но во все разы моих посещений города она находилась в запущенном состоянии.

Под Козельском интересна и флора широколиственных лесов – засек.

Ближе Козельска к Москве два других важных города Калужской области: Малоярославец и Боровск. В Малоярославце теперь восстановлен большой женский монастырь; его не оставила без внимания Л. А. Крамаренко и развела там наши абрикосы. Еще в Малоярославце есть памятник 1812 года и крохотный связанный с ним музейчик. Очень значителен большой собор в центре города: хотя он построен недавно, но как здание очень интересен.

Боровск знаменит Пафнутьево-Боровским монастырем – очень древним, но хорошо сохранившимся комплексом. Город также слывет как очаг старообрядчества. В природном отношении замечателен старый бор (откуда и название города). Другие города области не столь интересны.

Что же до ботанического обследования области, то, пожалуй, его я проделал более систематично и равномерно, чем области Смоленской. Конечно, я ознакомился с окрестностями всех ж. д. платформ Киевской железной дороги – от Алабина до Тихоновой Пустыни. Затем станции Калуга II и самое нижнее течение Угры. Из Алабина мы с Галей не раз ездили до Калуги II, чтобы побыть на Угре и искупаться. Раза три мы ездили до Калуги и останавливались в гостинице на несколько дней, чтобы уже оттуда выезжать на экскурсии. В ближайших окрестностях Калуги, конечно, интересен городской бор, но он не намного отличается от боров по Угре. Интереснее дубрава нагорного типа на склоне берега Оки тотчас за впадением речки Калужки (это на восточном конце города): там есть *Veratrum nigrum*, *Valeriana rossica*, *Platanthera chlorantha*.

Благодаря любезности коллег – ботаников из Калужского педагогического института и прежде всего Н. В. Воронкиной, я дважды мог примерно по неделе пожить на базах летней практики института: в бывшем пионерском лагере в пос. Лев Толстой (Тихонова Пустынь) и в деревне с необычным двойным названием Шеняно-Слобода, расположенной уже ближе к Кондрову.

В 1992 г. по приглашению Н. В. Морозова мы с Галей недолго прожили в деревне Люблинке на Угре – одном из наиболее памятных мест и, конечно, экскурсировали. Помню, мы нашли небольшой ключик у самого края берега и там кипятили чай. А перед нами и над нами развертывалась картина, живо представлявшая “Озеро” Левитана: ярко голубое небо, кучевые добродушные облака – и их отражение в спокойной глади воды! С тех пор

я раза два или три побывал в Русском музее, где висит эта замечательная картина, и каждый раз, глядя на нее, я вспоминал наши счастливые переживания на Угре.

Отдельно еще хочу отметить мой интерес к долине реки Нары, которая в основном течет по Московской области, но значительный отрезок которой, и, пожалуй, наиболее интересный, лежит в области Калужской. Долина Нары очень узкая и живописная, но, к сожалению, сильно нарушенная хозяйственными и дачными постройками. Долину Нары я прошел, начиная от станции Нара Киевской ж. д. до Серпухова, почти без перерывов. В нескольких местах на Наре есть *Polystichum braunii*, *Lunaria rediviva*, *Corydalis marschalliana*. На Калужском же отрезке Нары находится село Тарутино, где есть обелиск в память 1812 г. и музей двух войн: 1812 г. и 1941-45 годов; в последнем значительная часть посвящена Г. К. Жукову, уроженцу тамошних мест. Именно у Тарутина и у Малоярославца Кутузов в 1812 г. преградил путь Наполеону на юг, заставив его возвращаться по разоренной старой смоленской дороге.

Если говорить о военных памятниках в Калужской области – нельзя не упомянуть Зайцевой Горы – замечательного памятника доблести и мужества простых солдат; проезжая мимо него по киевскому шоссе, невозможно не остановиться, чтобы подойти и поклониться.

Немного не доезжая Зайцевой Горы, есть озеро Калугогово, иногда ошибочно называемого Бездон. Это интересное озеро, частично мелководное, более-менее сохраняется в естественном состоянии, тогда как оз. Бездон, описанное когда-то А. Ф. Флеровым и давшее название соседней деревне и железнодорожной станции – исчезло, благодаря широким торфяным разработкам в окрестностях, превративших озерко из верхового болотца – в проточное. С Г. М. Проскураковой в 1971 г. мы долго и тщательно искали место этого озера – и не нашли.

Зато около киевского шоссе есть еще один “бездон” – Суборовский, около деревни Суборовка – широко овальное, почти круглое озеро с берегами едва-едва выдающимися над водой, образованными переплетением таких растений как *Comarum palustre*, *Calla palustris*, а вместе с тем, благодаря корням их, вполне надежными. Из интересных растений около озера мы нашли только множество синих горечавок. Но само озеро стоит того, чтобы на него заехать.

Маршрутами на экспедиционной машине удалось довольно равномерно пересечь всю область. Хотя, конечно, всегда есть желание, съездить еще и туда-то или побывать еще раз там-то, но в целом Калужскую область надо считать флористически хорошо изученной. Остается задача – литературно оформить эту изученность.

О самой Калуге можно было бы много говорить: тут и ее роль в истории, и К. Э. Циолковский, и музей космонавтики, и Пушкин с Гончаровой, и

сохранившиеся памятники. Но это всё многократно описано, хорошо известно, или об этом легко узнать, съездив в Калугу, что теперь, по крайней мере для москвича – очень легко. Жалею, что не могу побывать в Полотняном Заводе после реставрации. До его реставрации проезжал мимо раза 2-3, но кроме остатков парка смотреть было нечего; обстановка дома и все реликвии хранились в Калуге в музее.

Брянская область была и еще остается для московских ботаников мало знакомой. Теперь она неожиданно-негаданно оказалась пограничной, и ареалы многих видов ее флоры, которые прежде достаточно было обозначить как “заходящие с юга”, теперь требуют точной географической локализации.

Брянская область мне знакома только по маршрутам экспедиций. Ни в одном месте не случилось остановиться в местной гостинице или каком-либо родственном заведении. Хотя краткосрочные лагеря разбивались не раз. Главные “оси”, на которые ориентировались экспедиции – это в первых, конечно, р. Десна, а затем ж. д. и шоссейные дороги от Брянска на Гомель и на Киев.

Брянск состоит из нескольких разобщенных частей возникших как самостоятельные города, и в общем мало интересны. Рядом с Брянском, на крутом берегу Десны, расположен (с XIII в.) Свенский монастырь; из него происходит известная древняя икона, почитаемая чудотворной “Свенская богоматерь”. В остальном монастырь, так выгодно и видно расположенный, стариной не очень богат, как и остальные фрагменты города. В историческом отношении можно заметить, что Брянская область, больше тяготеет к соседним, южным и западным районам, чем область Смоленская. И таких ожесточенных разрушений, которые претерпела Смоленская область, она избежала. В частности, это бросается в глаза, если сравнить два тома “Свода памятников”, посвященные этим областям.¹

Флора Брянской области достаточно разнообразна. На севере и северо-западе еще доминирует ель, которую сменяют сосняки и элементы широколиственных лесов. А на самом юге в Погарском и Комаричском районах можно даже видеть цветущий адонис (*A. vernalis*) и перья ковыля.

По Брянской области поездки начались с 1973 г., всегда небольшими группами, с участием главным образом Г. М. Проскураковой, В. В. Макарова, А. Н. Швецова. Не вдаваясь в подробности, приведу маршруты по области, они у меня записаны в рабочей тетрадке.

1973, неделя в мае. Орел – Севск – р. Усожа – р. Нерусса – р. Навля – р. Ревна – Белые Берега – Карачев – Брянск – Выгоничи – Трубчевск – Почеп – Красный Рог – Брянск – Рославль – Москва. В Красном Роге бывшее

---

1. – “Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Брянская область”. М.: Наука, 1998. То же “Смоленская область”. М.: 2002.

имение А. К. Толстого – тогда было в довольно жалком, запущенном состоянии. Но гробница писателя была в порядке.

1979, 30.VI. – 12.VII. Р. Снежень близ киевского шоссе – ст. Борщево – окрестности г. Севска – окрестности Белой Березки – Витемля – Гремяч – Пушкари на Десне – р. Судость на юге Погарского района – Погар – Стародуб – Унеча – Мглин – д. Ю. Рассуха – Почеп – Бетово на Десне (выше Брянска) – Фокино – Дятьково- Людиново.

1980, 6–8.VI. Брянск – Выгоничи – Марковск – Гремяч. 11.VII-29.VII. Ст. Батагово – р. Снежень – Шведчики (между Севском и Комаричами) – вокруг Севска – р. Усожа. 20.VII. дорога на Брянск, 21.VII. Брянск. 22.VII. Выгоничи. 23-29. база близ Лопатенок на р. Унеча (немного севернее Клинецов) и выезды оттуда к Гордеевке, Ущерпью, к Злынке, по Гомельскому шоссе до пределов Белоруссии, Чуровичи, Сураж. > через Кричев на устье Остра в Сож.

1981, 16.VII. – 26.VII. Ст. Озерская – Снежень – Выгоничи – устье р. Навли – Кр. Рог – Почеп – р. Жеча – Унеча – Сураж – Мглин – Унеча – Новозыбков – Тимошкин перевоз на Ипути – Святск – Верещаки – оз. Увелье – Новозыбков – р. Жеча – гомельское шоссе – Рассуха – Брянск – р. Сеща – Рославль.

1982, 4.VII. – 23.VII. Ст. Овсорок – р. Ревна, р. Зарешная – р. Гбень – р. Неруса – р. Усожа – вверх по Усоже – Комаричи – Радогощ – обратно к Ревне – Карачев – до границы Орлов. обл. – Карачев – Брянск – Выгоничи – р. Жеча – Стародуб – Воронок – Брахлов на Снове – Нов. Ропск – Ст. Ропск – Сачковичи – Климово – Чуровичи – Хоромное – Сачковичи – р. Вобля (приток Судости) у д. Левенки – Роговичи – Погар – Трубчевск – Селец (на Десне) – Белые Берега – Рославль – Клетня – р. Надва – Семиричи на Ипути – Харитоновка – Рославль.

1983, 25.VII. – 28.VII. От стоянки на р. Рессете – Брянск – Трубчевск – Сагутьево – Любец – Селец – Любец – Спас-Загорье на Протве.

Всего 7 выездов разной длительности, в сумме 87 коллекторских дней. Много или мало? Учитывая интенсивность работы, пожалуй, не так уж мало. Но, конечно, желательно еще!

В Белоруссии я был только один раз. В 1974 г. Виктор Иванович Парфенов, директор института ботаники Белорусской академии, задумал сделать экскурсию в Беловежскую пушу. Я с ним был знаком уже давно; к тому же он был мой земляк – из Починка Смоленской области, так что и я был приглашен. Были также коллеги из Литвы, Латвии и Эстонии и Н. А. Миняев из Петербурга. Мы все собрались в Минске и оттуда на маленьком автобусе уже двинулись в Пушу.

По пути сделали остановку в Бресте – осмотреть знаменитую крепость и поклониться памяти ее защитников. Свозили нас, конечно, и в Хатунь –

место, где была деревня, которую уничтожили гитлеровцы и где теперь памятное место, производящее большое впечатление и напоминающее посетителю о склонности людей и к не очень благородным поступкам.

Что касается собственно пуши – то, конечно, было интересно побродить в этом месте “царской охоты”. Но, в общем, лес как лес, только старый, и хорошо сохранившийся.

На обратном пути в Минск мы ехали уже в половинном составе и с остановками “по требованию”, осмотрели ряд участков характерных типов растительности Белоруссии.

В Минске нам, конечно, показали старый одноэтажный домик, из которого выросла КПСС. Еще я запомнил памятник какому-то белорусскому писателю необычных размеров. Но с особой симпатией вспоминаю в центре какого-то сквера бассейн, на берегу которого сидят девушки и бросают в воду венки. Все это, понятно, из камня, но так изящно, что надолго остается в памяти.

Нижнее Поволжье

О своем первом знакомстве с Нижним Поволжьем в 1947 и 1949 годах я уже рассказывал. Но с 1957 г. интерес к тем краям у меня вновь возродился, и с этого года я стал довольно регулярно выезжать в регион. Последние два выезда – в начале и в конце лета 1999 г. А всего 28 выездов, от 3 дней до месяца с лишком. Если добавить посещение близких соседних мест: Хоперского заповедника (2 раза) и короткие выезды в Жигули (с американцами) и на южную приволжскую часть Ульяновской области – то в результате время и труд, затраченные на изучение флоры Нижнего Поволжья и на сборы гербарных материалов окажутся достаточно значительными.

В 2006 г. вышел том I “Флоры Нижнего Поволжья”. Надеюсь дожить до выхода 2 и 3 томов, лет через 5.

Обо всех маршрутах рассказывать было бы скучно и не нужно. Кратко упомяну только местности, показавшиеся мне особенно интересными.

Район Хвалынска. Выраженный рельеф, массивные выходы мела, сосняки и элементы широколиственного леса, множество редких растений, особенно меловиков. Здесь, конечно, можно гербаризировать еще и еще.

Ивантеевский район в Заволжье Саратовской области. Здесь нет интересных твердых пород, но очень пестрый конгломерат лесных и степных видов.

На границе Саратовской и Волгоградской областей, глубокие балки рек Даниловки и Щербаковки близ Волги. Здесь выходы известняков, в остальном – песок. Здесь же и “утес Степана Разина”, и на кромке его обрыва я собирал интересную густо опушенную крапиву и довольно редкие *Eremogone koriniana*, *Senecio vernalis*.

Гусельско-Тетереватский кряж – сложен преимущественно песками и почвенные воды не засолены, поэтому хорошо представлена лесная флора; на склонах же и эродированных местах – богатство флоры лесостепной и отчасти степной. Именно здесь я был в 1957 г. и это место меня покорило. Здесь еще есть очень своеобразный шиповник, который я определил как *Rosa jundzellii* – но, может быть, это и нечто совсем другое (*species nova*?).

Окрестности Волгограда. Очень разнообразны. Большая степная балка Гумрак, лесная балка Чапурники. Засоленная низина – Сарепта. Пресноводная флора – начало Волго-Ахтубинской поймы.

За Доном бассейн речки Голубой. Массивные выходы мелов – и по склонам, и на плакорах. Большие засоленные пространства. Местами царство *Juniperus sabina*.

Окрестности озера Эльтон. Кроме того, что само озеро интересно, здесь есть и участки песчаные, и выходы известняков. И южная степь в разных вариантах.

Окрестности озера Баскунчак. И само озеро интересно, так как представляет разные варианты насыщенности солью, но самое замечательное – рядом с озером. Это гора Богдо – священная у калмыков, сложенная самыми разнообразными породами и переполненная самыми разными растениями, у многих из которых основные ареалы отстоят от Богдо на сотни километров. Здесь же многочисленные карстовые провалы и пещеры.

Близ Астрахани, конечно, самая интересная флора на Бэровских буграх; бродя по ним, нельзя не удивиться, сколь они разнообразны.

Еще я не упомянул замечательные песчаные массивы Арчадинский и Цымлянский. Арчадинский севернее и потому там успешно культивируется сосна; в Цымлянском, наоборот, нет сосны, но есть целая серия южных видов, отсутствующих в Арчаде.

Еще замечательны места по Хопру (теперь там организован национальный парк), особенно где Хопер прорезает меловые толщи (близ ст. Усть-Бузулукской). С высокого правого берега Хопра почти без перерывов видна его широкая долина и даже еще более далекое пространство.

Еще один комплекс разнообразия рельефа и растительного покрова – высокий берег Дона против Калача на Дону.

И, наконец, интереснейший лесной массив близ ст. Слащевской и хут. Ожогина – “Дубрава”. Здесь очаг песчаных почв, и на них сохранился дубовый лес с целой свитой лесных северных видов.

А как насчет исторических и культурных памятников в регионе? В Саратове есть очень хороший художественный музей. Я бы сказал, не хуже, чем в Нижнем Новгороде. Еще я там просто не знаю, что есть. Город мне не нравится: очень люден, но очень плохо обустроен.

В Волгограде памятники великой войны 1941–45 г. Главный из них – конечно, на Мамаевом кургане, здесь сказались дух и воображение Вучетича. Основная идея – этапность подхода к главному монументу здесь та же, что в созданном тем же Вучетичем памятнике советским воинам в Трептов-парке Берлина. Там мне тоже довелось быть, но там размеры не так грандиозны. Кстати сказать, я как-то встретился с Вучетичем лично: он, как человек весьма неуравновешенный, приезжал к моему отцу – тогда известному в Москве психотерапевту. Про него рассказывали, что он как-то из-за несогласия с начальством сорвал с себя все ордена. Быть бы ему в местах, не столь отдаленных... Но ему покровительствовал лично И. В. Сталин. В семье моей сестры Е. К. Молчановой (а теперь, видимо, в семье ее дочери Е. Г. Буяновой) есть бюст моего отца, выполненный Вучетичем. Вероятно, где-нибудь есть и копии, но этот, очевидно – оригинал.

Интересными сооружениями Волгоград, видимо, небогат. Зато в Астрахани... Нет слов выразить то восхищение, которое у меня вызвал большой собор в Астраханском Кремле. Долгое время Астраханский кремль, как и большинство кремлей в других городах, был закрытой зоной. Но в 1984 г. во время туристской поездки на пароходе Ярославль – Астрахань мы с Галей имели достаточно времени погулять и посидеть около этого собора. Аналогичные соборы в форме большого куба, примерно того же возраста, мне знакомы в Рязани, в Туле, Романове-Борисоглебске, в Иосифо-Волоколамском монастыре. Но астраханский превосходит их всех легкостью, какой-то ажурностью здания, его удачными пропорциями.

Еще в Астрахани есть неплохой художественный музей. Из Астрахани родом был Б. М. Кустодиев, и несколько его картин есть в музее.

Астрахань весьма колоритна и как город. Особенно если приплыть туда водой, как мы в 1984 г. Всюду – рыба, рыба, рыба. И домов одноэтажных еще огромное множество.

Забайкалье и Дальний Восток

Забайкалье – это уже не совсем Сибирь, но это еще и не Дальний Восток. Я был в Забайкалье только два раза. Один раз в 1977 г. немного меньше месяца на экспедиционной машине ГБС по маршруту: Чита – Агинское – Борзя – Романовка – по р. Уде вниз на Соснов – Озерск и Улан-Удэ. В Улан-Удэ я оторвался от экспедиции и улетел в Иркутск, где имел в виду хорошенько поработать в гербарии, и куда должна была приехать Галя. Мы прожили несколько дней на турбазе в Листвянке на Байкале, а потом в Академгородке, где я просмотрел все интересные для меня разделы. Этот гербарий, начатый еще М. Г. Поповым, в основном состоял из сборов Л. И. Малышева, бывшего аспирантом М. Г. Попова; позже Малышев, став директором ботанического сада в Новосибирске, перевез туда и гербарий из Иркутска.

В Иркутске в Академгородке очень хороши уличные посадки: сибирская яблоня и уссурийская груша. Все лето цветисто и нарядно. В Иркутске же я установил и две интересные для меня вещи: 1) *Salix nipponica* – конечно, не форма и не подвид *S. triandra*, а вполне самостоятельный вид, отличающийся сизым налетом на ростовых ветвях и грубой трещиноватой корой (а не суживающимися пластинками как у *S. triandra*); 2) *Epilobium pseudorubescens* ведет себя в расселении на восток совершенно отлично от *E. adenocaulon*, т. е. этим еще раз подтверждается, что это самостоятельный вид.

Что же касается поездки с экспедицией на машине, то тут я бы отметил особенно следующие моменты. Пушистая береза, действительно, совершенно отсутствует в Забайкалье; мы были даже на высокой сопке Березовой, где, казалось бы, она могла быть – но и там была только *B. pendula* (= *B. verrucosa*). Вместе с тем, местность переполнена гибридами березы, т. е. *B. pendula* × *B. fruticosa* или *B. pendula* × *B. nana*. И еще: мы нашли ту единственную точку, где близ ст. Борзя находили *Salix gordejvii* – песчаную сопку с частично разбитым растительным покровом; именно только на разбитом песке и растет *S. gordejvii*. Наконец, по р. Уде я собрал, в основном близ Булаганска, хороший комплект образцов тополей.

В 1988 г. я вместе с И. А. Шанцером и В. Д. Бочкиным выехал в Забайкалье и на Дальний Восток с главной целью – выяснить систематическое положение тополей этих регионов. В Забайкалье мы посетили окрестности г. Читы и потом двинулись на р. Онон, где очень удобно базировались в лесхозе. Однако, все собранные материалы не позволяли различить 2 или 3 вида тополей, а только 1 – *P. suaveolens* Fisch. Об этом появилась статья в Ботаническом журнале (2006, № 2).

На собственно Дальнем Востоке мне довелось быть 5 раз; дольше всего в самый первый раз, в 1955 г. Мы были втроем: Т. Т. Трофимов, Ф. Ф. Рылин и я. Мы приехали без машины, но с крупным багажом: спальными мешками, полушубками. Основную базу сделали в частном доме в пригороде Владивостока ст. Океанской. Поэкспурировали, конечно, в окрестностях Владивостока, но сделали и ряд выездов. Первый выезд – в Советскую (Николаевскую) Гавань с остановкой на самой верхней точке дороги – ст. Высокогорной (Мули). Здесь поднимались в субальпийские березняки; в окрестностях самой Советской Гавани оказалось не интереснее, чем у Владивостока. Здесь пришлось видеть, как безжалостно истребляется лес: на склоне (!) у самого моря (!) рубят 100-летние ели и пихты – для продажи в Японию.

Еще мы посетили заповедники – Спутинский и Кедровую Падь и побывали на полуострове Гамов и необитаемом острове Рикорд.

Тогда Дальневосточный филиал Академии Наук помещался (кажется, только в части здания) в центре Владивостока, главным дальневосточным

ботаником был Б. П. Колесников, который интересовался преимущественно лиственницами, а гербарий был таков, как его оставил В. Л. Комаров в 20-е годы.

Собранные растения и черенки мы отсылали обыкновенными посылками – и они, как правило, доходили без (или почти без) ущерба до Москвы. Так я послал и несколько пучков ивовых веток с цветочными почками. По получении в Москве я наказал просто закопать их в кучу сырого песка – до весны. И весной почти все они распустились, и я смог изучить цветки – что было очень важно, потому что я уже начал систематическое изучение ив.

На обратном пути (уже наступила зима) я на два дня заехал в Хабаровск и с работником из Лесного института совершил экскурсию по ивам (которые в зимнем безлистном состоянии, как правило, хорошо различимы). И совсем уже зимой заехал на 4 дня в Томск.

Второй длительный выезд на Дальний Восток состоялся в 1967 г. в группе сотрудников обоих московских ботанических садов: МГУ и ГБС. От МГУ была К. В. Киселева. Кроме ближних выездов из Владивостока, чтобы посмотреть хороший естественный лес, мы съездили на Сучанское плато, где у д. Молчановки была база владивостокских коллег. Природный лес, конечно, замечателен. Иные стволы помещаются на грузовик в числе только 2–3. Но и здесь шла массовая рубка. При этом экскурсируя по лесу, можно было заметить, что выбираются только лучшие участки леса и лучшие деревья, а что похуже – оставляется на месте, иногда даже валяется у дороги.

В тот приезд я с К. В. Киселевой побывал и на Сахалине – в Южно-Сахалинске и его окрестностях, в Поронайске у побережья моря и на южной оконечности Сахалина в Шебунине.

Около 1980 г. я ездил во Владивосток один, поздней осенью, вернее, уже зимой – работать в гербарии с березами (хотя дорабатывать *Betulaceae* оставил для В. А. Недолужко, моего бывшего аспиранта). По морозной погоде я с Д. П. Воробьевым побродил по улицам; он рассказывал многое из истории города; мы даже посетили кладбище, где сохраняются памятники солдатам оккупационных армий эпохи гражданской войны – чехословацкой и американской.

Последний раз я был во Владивостоке в 1982 г. со свободной программой. Здесь я в основном экскурсировали по берегам заливов, омывающих Владивосток с запада и с востока. Компаньоном мне был Е. В. Клюйков, с которым я в 1979 совершил большой тур по Казахстану.

И только в этот приезд я заметил, что везде во Владивостоке сирень – не *S. vulgaris*, а *S. oblata*. То же потом мог отметить в Благовещенске, и даже привез оттуда в Москву укоренный отросток. Он года два жил в ГБС и осенью, как положено, его листва становилась рыжей, но обмерзал и скоро совсем скончался.

В 1988 году после пребывания на р. Ононе, мы перекинулись на Амур – с той же целью разглядеть, сколько видов тополей можно там различать. Сперва в Благовещенск, затем в Хабаровск и ниже Хабаровска. Край ниже Хабаровска оказался местом вовсе диким, некоторые поселки заселены ссыльными совершенно опустившимися людьми. В одном таком бараке и нам пришлось прожить не без некоторых осложнений. Но место нас обязывало: оттуда был описан *P. amurensis* Kom. Десятилетия этот вид был загадкой. А дело было просто: экземпляр был собран в конце цветения, а этикетка помечена 24 июля, т. е. образец был фактически собран на 1,5–2 месяца раньше даты этикетки. Очевидно, это был образец *P. laurifolia*, собранный где-то в районе Байкала.

Украина

Киев... Ну, как же русскому человеку, хоть сколько-то интересующемуся историей своей страны, не побывать в Киеве! Из нашей истории не выкинешь периода Киевской Руси, длившегося, по крайней мере, три века. Все географические части Руси – Большая и Малая, Белая и Черная, Подкарпатская и Новая – с их такими разными судьбами – дети Руси Киевской.

Я был в Киеве – раз 10 или 12, правда, всегда на короткие сроки или только проездом. Первый раз в 1957 г. с Галей по пути на Карпаты. Устроиться переночевать прилично тогда нам не удалось, две ночи мы провели в тесной и грязноватой квартирке каких-то армян. Но зато город все-таки осмотрели. Последний раз были, опять же вдвоем, на каком-то ботаническом сборище. В 1991 г. мы хотели поехать втроем с внучкой Таней, с которой мы уже ездили в Ярославль; у нас уже были куплены билеты в Киев... Но наступившие события, их непредсказуемость – заставили билеты вернуть...

В каждый приезд в Киев я старался что-то досмотреть, до того неосмотренное. И вместе с тем каждый раз появлялось что-то новое. В 1957 г. пещеры Киево-Печерской Лавры были доступны для посещения, но в них еще не было электричества, нужно было со свечечкой двигаться за монахом-проводником. Это, пожалуй, самое сильное впечатление, оставшееся от той поездки. С проведением электричества эта романтика как-то поблекла. Зато в Лавре открылся музей “исторических драгоценностей”, (а в последние годы как будто восстановлен большой Успенский собор Лавры, взорванный во время войны?).

За годы наших посещений Киева под городом возник музей под открытым воздухом (“сконсен”), где разные сельские районы Украины представлены целыми группами построек. Мы дважды были в этом сконсене. К сожалению, до него довольно долго добираться.

В здании в центре города (не знаю, что там было раньше) Дора (Дарья Никитична) Доброчаева создала совершенно бесподобный ботанический музей с панорамами разных типов растительности.

На нижнем конце Крещатики, у выхода к Днепру, появилась арка и скульптурная композиция в память 300-летия объединения Украины с Россией.

На берегу Днепра около места, известного как “Угорское”, или иначе “Аскольдова могила”, появились на лодке легендарные основатели Киева три брата Кий, Щек и Хорів и их сестра Лыбедь. А над ними, на верху Печерского пригорка, за Лаврой, появилась большая фигура женщины, олицетворяющая мать-Украину, в местном просторечии “баба”. Как известно, еще в эпоху Сталина, в Ереване в конце главной улицы города, где она упирается в скалу, на вершине скалы соорудили монумент Сталина. После смерти Сталина долго не могли решить, как поступить с этим монументом. Наконец, решили – поставили на тот же пьедестал такую же высокую статую “матери-Армении”. Вскоре и в Тифлисе на горе появилась статуя “матери-Грузии”, а затем и в Киеве.

На пути к Софийскому собору появились “Золотые ворота”, более-менее правдоподобно воспроизводящие Золотые ворота древнего Киева.

На другой стороне Днепра, где был наполовину сельский поселочек Дарница, появился целый огромный город – разросся Киев.

Наверняка за те 33 года, о которых идет речь, в Киеве появилось и много другого, важного и интересного, что до меня не дошло или не удержалось в памяти.

В Киеве, как и в Москве, два основных ботанических сада: университетский рядом с главным зданием университета, давнишний – и новый академический более широко задуманный, на высоком берегу Днепра – продолжение Печерских высот; у подножия сада в котловинке, образованной схождением оврагов, расположен Выдубицкий монастырь с великолепной многоглавой барочной церковью. А за ним из сада видны и Днепр, и за Днепром Дарница. Пейзаж самый великолепный. Еще в саду хорошая коллекция листопадных магнолий и целая аллея гинкго – деревья в хорошем состоянии и хорошо плодоносят. Много и другого интересного. В последние годы я приезжал с Галей, и мы останавливались на территории сада в общежитии.

Последний визит в Киев (1990) продолжился на Канев. Там огромный монумент Тараса Шевченко, место же в общем неинтересное. Зато в самом городке Каневе стоит собор времен Киевской Руси, даже без следов заметной реставрации. Об этом здании я до сих пор ничего не слышал. К сожалению, подробно оглядеть его и проникнуть внутрь – не удалось.

С коллегами из Киевского ботанического сада и из института ботаники у меня сложились хорошие отношения. Особенно с И. И. Сикурой, который

заведовал в саду отделом природной флоры. С ним вместе мы раза три бывали на машинах в дальних поездках – до Карпат и до Донбасса. Благодаря любезности и. о. директора Татьяны Михайловны (фамилии не помню) из Киева мы могли съездить на 2–3 дня в знаменитые парки, когда-то обустроенные польско-украинскими магнатами – в Софиевку близ Умани и в Тростянец в довольно отдаленном месте Черниговской области. Оба парка одинаково интересны, но Софиевка замечательна еще и в архитектурно-планировочном отношении.

В третьем замечательном парке “Александрия” рядом с г. Белая Церковь я был дважды – один раз мы троим (с Сашей) остановились по пути из Крыма домой и пробыли там дней 10. Замечательная, тихая и теплая речка Рось, на ней выходы гранитных скал, хорошо сохранившаяся местная растительность и, наконец, интеллигентный и приветливый ботаник парка – Б. Е. Балковский – оставили у нас самое лучшее впечатление. В парке оказалась большая коллекция роз, которые я энергично собирал в гербарий. К сожалению, они до сих пор лежат неопределенными.

Чернигов, конечно, всегда был на втором месте после Киева, широкой публике он мало известен, хотя в эпоху Киевской Руси это был важный центр. Да и я был в Киеве раз 10, а в Чернигове – только раз. Но сколько потерял бы, если бы вообще там не побывал.

Большой курган княжны Черны... чей он на самом деле? Собор Спасо-Преображения – древнейшая сохранившаяся постройка эпохи Киевской Руси; он, хотя и ненамного, старше Киевской Софии. Елецкий монастырь – комплекс разных эпох. Троицкий монастырь с его большим собором – переходным от форм Киевской Руси к украинскому барокко. Наконец, очень выигрышно расположенная большая церковь святой Екатерины – великолепный, впечатляющий экземпляр украинского барокко (как я его понимаю).

И вот, в Чернигов мы попали в 1974 г. почти случайно! Мы с Галей возвращались из поездки с Н. В. Старовой по ее рабочим местам и приехали в Киев раньше, чем нам был заказан номер в гостинице. Куда деваться на 3 дня? Тут мы и решили заехать в Чернигов. И сколько бы потеряли, если бы не заехали!

Чернигов преподнес мне и ботаническую загадку. Конечно, мы там побывали около Десны, и вот на довольно замусоренном участке берега я заметил множество мелких – выс. 2-3 см – темных растеньиц. При ближайшем рассмотрении это оказалась *Chenopodium rubrum*. Малый размер растений меня смутил, я собрал горстку растений, явно уже плодоносящих. В Москве посеял – и выросли опять карлики, может, чуть повыше черниговских. К сожалению, множество других дел в саду не позволило проделать дальнейшие наблюдения. Но удивительный случай запомнился.

В Полтаве большая церковь в том же духе украинского барокко стоит так же на высоком берегу реки (здесь – Ворсклы). Поблизости – памятная усадьба украинского писателя Коцюбиньского: мазаная белым мелом хатка и за плетнем – махровые алтеи и крупные подсолнечники. Но самое главное в Полтаве – это памятники, связанные с Полтавской битвой. Шведские могилы – ну, они никаких новых мыслей не вызывают. Но памятники российские, памятники Петра Великого? Колонна в Полтаве на бульваре, крест на поле битвы? Мы были там в 1974 г., и наши чувства были те же, что при посещении Бородина. Не хочется думать, что теперь толкования будут другие (на наш взгляд, кривые).

Странствуя по Десне в Брянской области, мы в 1979 г. заехали и на Десну в пределах Украины и заглянули в Новгород-Северск. Проехали по городу, обошли прилежащий к городу Спасо-Преображенский монастырь – по древности примерно равный самому городу, т. е. возникший в XI-XII веке, но после монгольского разорения нескоро воспрянувший.

В центре Новгород-Северска – арка с изображениями, вероятно, гербов. Неясно, для чего она и когда была сооружена. Прохожие объяснить не могли. В центре же города Успенский собор – большой и доминирующий над городом. По моей оценке – характерный и выразительный памятник украинского барокко. Сооружен в конце XVII – начале XVIII в. Я очень хотел побывать в соборе внутри, посмотреть на внутреннее убранство – но мне сказали, что он бывает открыт только по праздникам и по воскресеньям.

С Н. В. Старовой в 1974 г. мы проехали, по пути от Харькова и Полтавы, гоголевские места: Диканьку, Сорочинцы, Миргород – по пути к плантациям Н. В. Старовой около Кобеляк. В Миргороде сохранилось некое подобие знаменитой, описанной Гоголем лужи. А еще там публика на улицах – все ходят с какими-то маленькими чайниками и из носика сосут будто бы оздоравливающую миргородскую воду. В Сорочинцах мы увидели церковь того же типа украинского барокко и место, где бывает ярмарка. В Диканьке или около нее – музейчик Гоголя, но уже темнело, и он был закрыт.

Из дальних маршрутов по Украине. Я главным образом стремился поехать на запад: в Карпаты и на Подолию. Наша самая первая поездка с Галей состоялась поздней осенью 1957 г. (летом, бывшая тогда директор ботанического сада МГУ Н. А. Базилевская, отпусков сотрудникам не давала). Ботанический интерес в это время года для меня представляли только ивы – гербарий и черенки. Их я тогда привез достаточно, особенно *Salix silesiaca* – вида, бывшего для меня мало ясным; из черенков в следующие 2–3 года выросла целая гряда на питомнике. Мы начали со Львова. Тогда там жил родной брат А. А. Покровского, Анатолий – человек военный. Но Львов мы осмотрели дня за два. Дальше мы проследовали уже в Закарпатье. Здесь, следуя советам В. И. Соболевского и данным им

адресам, несколько дней прожили на турбазе, затем, выше Ясиной, уже в горах – у частной хозяйки, затем в гостиницах в Мукачево и Хусте. Но основной целью, помимо ботаники, было посмотреть на характерную деревенскую архитектуру Подкарпатья, особенно церкви. С собой у меня была даже книжка про эту архитектуру с точными адресами, описаниями и фотографиями. Фотографировал и я, но погода почти все время была плохая.

Второй раз на Карпатах я побывал в экспедиции Главного ботанического сада в июле-августе 1968 г. Экспедиционная машина была маленькая, и в ней было весьма тесновато. Однако я с собой взял Сашу, ему уже было 14 лет. Вместе с ним мы поднимались на вершину Попа-Ивана; на ней мы застали остатки снега и в цвету желтый прострел и кустики рододендра. Несмотря на тесноту в машине, мы интересно и успешно поехали. Но уже когда мы ехали обратно – обстановка была тревожной: события 1968 г. в Чехословакии отозвались и на Карпатах.

И, наконец, в третий раз я был на Карпатах осенью 1983 г. без машины, но в бригаде с опытным проводником – И. И. Сикурой; кроме меня и Гали, с нами была еще С. В. Клименко. Мы побывали в Ужгороде, Мукачево, Хусте, Виноградове, Рахове. Гербарные сборы были необильны и выборочны. А близ Рахова на горе Думен у верхнего края (~ 1000 м) букового леса, стоявшего уже ярко-желтым, я набрал семян – однолеток бука. Они хорошо перенесли перевозку до Москвы и составили небольшую буковую куртину (о ней и о других буках см. мою статью в Бюллетене ГБС № 190).

В тот приезд я побывал и на “Черной Горе” близ Виноградова, где, как кажется, единственное в бывшем СССР местонахождение *Fraxinus ornus*. Собрал и его семена; они в Москве хорошо взошли, но растения жестоко обмерзали.

И еще 2 раза я был на Вольно-Подольи. В 1978 г., опять же осенью, и опять же вместе с И. И. Сикурой; с нами еще был сотрудник Киевского сада – имя и фамилию не помню. Мы поехали на так называемый Овручско-Словечанский кряж (название громкое, но высота 315 м), где помимо обычных в тех краях желтых рододендров еще известны местообитания плюща и скального дуба. Мы остановились в д. Червонка, поэкспурировали по окрестным лесам. Место удивительно приятное. По улицам бродят большие свиньи, народу мало и никто никуда не торопится.

Другая поездка, в 1988 г., была более серьезной и длительной. На машине ГБС я с А. Н. Швецовым доехали до Киева; там к нам присоединился И. И. Сикура со своими 2 сотрудниками на своей машине, и вот за 10 дней мы проделали такой маршрут: Киев – Коростень – Новоград – Волыньск – Броды (г. Макитра) – Кременец – Почаев – Збараж – Сатанов – Каменец-Подольск – Новоград – Волыньск – Киев. Маршрут был очень интересен, отмечу только “самое-самое”. Цветущий желтый рододендрон,

в огромном количестве, и как сорняк пастбищ – между Коростенем и Новоград-Волынским; г. Макитра близ г. Броды – мергельные и меловые подпочвы – здесь хотели сделать степной заповедник – г. Кременец, где жил В. Бессер и есть старинное казацкое кладбище с каменными крестами; очень пестрый рельеф. Почаев – местонахождение Почаевской Лавры. Лавра помещается на небольшой скалистой возвышенности. И здесь можно было видеть старину: группу слепцов, поющих духовные стихи; нагроможденный приезжими паломниками скарб у входа в церковь; у подножия возвышенности – двухэтажный антирелигиозный музей, который все посетители минуют, поднимаясь к самой Лавре. Каменец-Подольск со старинной крепостью на изрезанном скалистом рельефе. И в городе есть ботанический сад!

А на восток Украины мне довелось съездить только раз. В 1979 г. с тем же И. И. Сикурой и на его машине с еще двумя его сотрудниками. Тут наш маршрут лежал так: Киев – Полтава – Святые Горы – Донецк – р. Кринка – Амвросиевка – р. Кальмиус – Хомутовская степь – Новоазовск – Каменные Могилы. В Донецке, конечно, посетили ботанический сад. Но особого впечатления он не оставил. Не то, что те же Святые Горы. В некоторых балках мы посетили заросли эремуруса, а на выходах мела – соответствующую меловую флору, из которой особенно интересен *Clematis pseudoflannula*.

В Хомутовской степи просто и убедительно можно наблюдать значение копытных животных для степи. На окраине заповедника существует некоторый выпас скота: и вот, чем выпас сильнее, тем более флора оскудевает. Но и к центру заповедника, где выпаса совсем нет, она тоже скудеет, и в абсолютно охраняемом участке это уже не степь, а пустырь. Побывали мы и на берегу Азовского моря. Здесь мир и благодать, только приезжать на отдых и морское купанье. Но мало тени, деревьев и воды. Впечатляют огромные (до 1 м в диаметре) шары *Crambe maritima*.

Донбасс в целом производит впечатление мозаики: индустрия, голая избитая степь и сохранившиеся, главным образом по балкам, участки интересной и разнообразной естественной растительности чередуются самым непредсказуемым способом.

Крым и Молдавия

Первый раз я в Крыму побывал в 1950 г. когда знакомился с заповедниками с целью подобрать место работы. Тогда я побродил немного в окрестностях Симферополя и сделал маршрут по заповеднику через его самые верхние точки – Чучель и Роман-Кош. В Симферополе я остановился у Т. К. Шкварникова, с которым был знаком по Институту цитологии. Он попал под лысенковскую чистку, но нашел место в Симферополе. За 10

дней я получил некоторое понятие о Крыме и о его растительном мире. Однако устроиться на работу не удалось, и я сам не очень стремился.

К Крыму мы обратились, когда подросли сыновья. В 1966 г. им исполнилось 12 лет. Мы считали, что бродяжками вроде меня они могут и не стать, но посмотреть на разнообразие мира все-таки должны. Поскольку сыновья между собой постоянно конфликтовали, мы решили ехать сперва на месяц с одним, а затем на месяц с другим. Для них, как и для Гали, самой интересной была приморская полоса. А для меня, конечно, горы. И в горах я большей частью бродил в одиночестве; ни местная, ни приезжая публика в горы не рвалась. Тогда пристанище в Крыму стоило баснословно дешево: 1–2 рубля в сутки с человека. Мы останавливались в окрестностях Никитского ботанического сада. Кормиться можно было в столовой сада или что-то готовить самим. Так или иначе, проблем с этим не было.

Конечно, мы погуляли по берегу моря, купались, половили рыбку, побывали в Массандре и Ялте, в Ялте даже заходили в кино (а в домик Чехова – уж обязательно), поднимались на Ай-Петри, ходили к водопаду Учансу. С Сашей съездили в Бахчисарай дня на 2-3, с обоими сыновьями побывали в Севастополе. Еще были в Алупке.

В горах мне особенно прилюбилась Демерджи – она и очень разнообразная, и довольно легко доступная. А на Караби-яйле и на Долгоруковской я вовсе не бывал.

Таким образом мы ездили с сыновьями 4 года (1966–69). Потом я приезжал только на короткие сроки по особым случаям. В апреле 1979 – конференция по хемосистематике. В апреле 1982 г. – конференция по биосистематике, в октябре 1987 г. – 175-летний юбилей Никитского ботанического сада. И в эти приезды было, что собрать в гербарий. В итоге мои крымские сборы очень пополнили гербарий Крыма, существующий в Главном ботаническом саду как особый раздел.

В Молдавии мне довелось побывать 2 раза: в сентябре 1978 г. на съезде Всесоюзного ботанического общества и в 1986 г. – в связи с защитой кандидатской диссертации моим аспирантом В. Д. Гадыркой. В 1978 г. было предложено несколько интересных экскурсий. Я выбрал Кодры – чтоб посмотреть настоящий, южный широколиственный лес. Действительно, впечатляет *Tilia argentea*, которая здесь обычна наравне с другими знакомыми породами.

Мой визит в Молдавию в 1986 г. совпал с пиком растерянности, вызванной решением наших “верхов” ввести в жизнь сухой закон. Куда девать запасы вина, скопившиеся на заводах? Куда девать текущий урожай винограда? К счастью, диссертация В. Д. Гадырко не имела отношения к винограду: она была посвящена климатической изменчивости черного тополя. Вася провел сравнительные наблюдения

над ростом тополя из черенков, собранных от Северной Двины до Терека.

Как ни мало я провел времени в Молдавии, все же представление о растительном мире страны получил.

В последующие 1990-е годы в Молдавии был всплеск антироссийских настроений. В Кишиневе люди митинговали около памятника Штефану Великому. А вот у меня есть изданная в Румынии книга “Жизнь Штефана Великого”, из которой видно, что главным, официальным языком при жизни Штефана Великого был не румынский, а славянский. И даже надпись на его надгробном камне – славянская, румынской нет. Велико же должно быть у людей, митинговавших у памятника Штефану Великому, пренебрежение к истории своей страны.

Кавказ

На Кавказ я выезжал 18 раз! Первый раз – еще в студенческие годы (1939) с моим отцом, который тоже хотел мне показать многообразие мира и наличие всюду своих проблем. Ездили мы по простой покупной туристической путевке по бывшей Военно-Сухумской дороге, т. е. от Теберды в Сухум и Сочи. Конечно, впечатление осталось большое. Но самое плохое – от Сочи; и потому в этом городе я после ни разу не бывал.

Освоившись в институте морфологии животных и защитив весной 1948 г. кандидатскую диссертацию, я решил поехать, под флагом задач новой исследовательской темы: “Сравнительная морфология элементов соединительной ткани и крови у млекопитающих”, на Кавказ месяца на два. Тогда с командировочными деньгами было свободно, и мне даже дали взять с собой студентку – Наташу Палену, уже и раньше участвовавшую в работах наших лабораторий. Мы поехали в наиболее тогда для нас подходящее место – гидробиологическую станцию на озере Севан, на высоте около 1800 м. Район Севана как ботанически интересный рекомендовал мне П. А. Смирнов, в свое время там побывавший.

По пути в Армению мы остановились в Тифлисе (кто-то нам дал адрес, где можно переночевать). В Тифлисе мы, конечно, осмотрели город и рискнули немного за город – в Мцхет. А в Мцхете я решился на рискованное дело – перейти вброд р. Арагу, чтобы выйти к старинному храму Джвари, стоявшему на пригорке через реку от Мцхета. Однако переход удался, и мы к Джвари взобрались. Этот храм, помимо того, что он один из самых древних в Грузии и представляет ранний ширококупольный тип (подобно Софии в Стамбуле или Рипсимэ в Эчмиадзине в Армении), Джвари еще известен как герой поэмы Лермонтова “Мцыри”. Больше я у этого храма ни разу не был.

Из городка Севан (бывшая деревня Еленовка) мы совершали экскурсии, пешком или на попутках, в разные концы – и по побережью Севана, и в ближние горы, и на юго-восточный берег Севана, а также и за перевалы к

северу: так, в сторону Дилижана мы были у монастыря Агарцин, а также на речке Полад-чай, где, в отличие от прочих мест, был настоящий буковый лес.

Из севанской форели я взял селезенку, но в селезенке лососевых особенно интересных структур не оказалось. А вот мышцы у лососевых очень интересно и своеобразно устроены!

Дальний выезд из Севана я сделал только с ереванскими зоологами, направившимися на станцию Амамлу (село Спитак), где они рассчитывали добыть слепцов (больших грызунов), а я соответственно мазки крови и кусочки соединительной ткани этих животных. Село Спитак позже стало городком и приобрело известность, когда там случилось землетрясение, разрушившее городок. А в 1948 это было грязноватое село со сложенными из булыжника и самана стенами, с кучами кизяка на крышах. Около Спитака есть буковый лес и даже некоторое высокотравие; в гербарий я все это собрал.

Пребывание в 1948 г. в Армении у меня завершилось присутствием на заседании Армянской академии наук, где состоялся погром биологии. Об этом подробнее в главе “Лысенкиада”.

Мы побывали еще в Аштараке, в Гехарде, в Гарни еще до реставрации римского храма, в монастыре Санаин.

В начале сентября мы уехали: Наташа в университет, а я отправился в Сухум. Здесь не слишком удобно (на Севане в наше распоряжение отдавали целый балкон, а здесь – мне только койку), но все же устроился в общежитии Института... более известного как Обезьяний питомник. В Сухуме я смог добыть мазки крови и кусочки соединительной ткани от летучих мышей, которые жили в ближних пещерах или чуланах и чердаках. В отношении же растений здесь было небогато, надо было порядочно выезжать.

Вот такой порядочный выезд я устроил в ущелье р. Бзыби, чтобы хотя бы посмотреть на тамошние эндемы. Но, меня постигла неудача: пролазив целый день по горам, я к вечеру набрал целый рюкзак интересного гербария, но он у меня оторвался и скатился в тар-тарары. Без вещей, под дождем я сидел на дороге в Сухум. А тут как раз КГБ. Меня привели, допросили... Но отпустили. Я рад был – не знаю, чему более: тому, что у меня оторвался только рюкзак – или тому, что меня запросто отпустило такое могущественное тогда учреждение. Да еще на дороге к дачам самого И. В. Сталина!

Следующий раз я поехал на Кавказ уже будучи сотрудником Московского университета. Новосоздаваемый Музей земледения на верху главного здания МГУ нуждался в конкретных экспозиционных материалах, в том числе и гербарных. И вот, организуется экспедиция на Кавказ для этой цели. Руководителем выступает А. И. Шретер, тогда уже в Институте лекарственных растений. Меня отпускают участвовать. Маршрут был

отчасти связан со станциями ВИЛАРА: мы начали со станции в Кобулетах близ Батума. Маршрут (приблизительно, дневника в ту экспедицию я не вел): подъем на Аджаро-Имеретинский хребет – побережье Черного моря близ Батума и сам Батумский сад – Самтредиа – Бахмаро – Бакуриани – оз. Табачкури – Кутаис – Гори – Мцхет – ущелье р. Дебет на пути в Армению. Дальше я должен был уехать, а Шретер еще побывал в Армении и на Большом Кавказском хребте. В ущелье р. Дебет мне удалось побывать в монастыре Ахпат. (Южнее на том же ущелье стоит и Санаин, где я был в 1948 г.)

Проезжая через г. Гори, мы, конечно, посетили домик матери И. В. Сталина и рядом – большой новый музей. В домике – бедная обстановка, но все держится в чистоте и порядке. В музее же главным образом фотографии. Как-то об отце Сталина говорится мало и неопределенно. По некоторым сведениям, он был не грузин, а осетин.

В 1953 г. ранней весной мы отправились на Кавказ с Галей вдвоем. В Ереване удалось удобно устроиться в гостинице. Первый выезд – в Эчмиадзин и к развалинам храма Звартноц. К сожалению, был очень резкий холодный ветер, и Галя серьезно простудилась, так что всю неделю, что мы были в Ереване, пролежала в постели. Я же, сколько было возможно, все-таки попутешествовал. Карта у меня была, так что я мог странствовать свободно. Из походов ярче всех запомнился переход от Аштарака к Егварту по голой пустыне, в которой кое-где были разбросаны группы хачкаров, удивительно разнообразных и изящных.

Возвращались из Еревана через Севан. Заехали в Агарцин. Но это уже было знакомо. Но вот остановку в Иджеване мы запомнили надолго. Городок ничем не примечателен, но рядом – леса, и в них буйное весеннее цветение. Кизил, сциллы, пушкинии, рябчики... А в небе еще пролетела и стая журавлей.

На обратном пути (а, может, еще на пути туда – уже не помню) мы остановились в Тифлисе и побывали у Шио-Мгвима. Тогда это было уединенное, безлюдное место, но все в цвету, особенно примулы и морозники. Источник воды течет только по каплям. Зато в воздухе – знакомые и незнакомые птицы. Позже туда провели автомобильную дорогу, и место «затуристили».

В начале сентября 1961 г. я приехал на Кавказ уже в составе экспедиционной группы ботанического сада МГУ: со мной были еще сотрудник сада К. В. Киселева и лаборантка З. Исакова. Для начала мы остановились в ботаническом саду в Кировокане. Конечно, это был скорее ботанический сад только по названию, но он был расположен в лесном районе Армении и казался мне подходящим для изучения кавказских ив. И действительно, некоторые из местных экскурсий оказались именно в отношении ив интересными, особенно на р. Мармарик.

Дальнейшей нашей целью была платановая роща, расположенная в Кафанском районе. Туда надо было ехать окольным путем, поездом по территории Азербайджана, с пересадкой на ст. Минджевань (здесь на реке тоже были интересные ивы). Очень интересно было наблюдать различия в обычаях, привычках и поведении армян и азербайджанцев. В частности, если у армян за столом всегда бутылки, то у азербайджанцев – чай, притом не такой “чай” как в российских столовках, а настоящий, в стаканах и с заварочным чайником. Платановая роща на армянской стороне. Она, действительно, кажется вполне естественной, но очень уж мала по площади.

Конечной целью нашей поездки 1961 г. были центр Тальша – Лерик и затем Зуванд – небольшой участок аридной флоры, отгороженный хребтом от гумидного Тальша. Про Тальш есть прекрасная книжка А. А. Гроссгейма “В горах Тальша” (1948). Кроме как своей флорой, Тальш как будто ничем не замечателен, так же, как и Зуванд. В Зуванде есть колючие подушечники; среди них я собрал злачок – овсяницу, которую позже Е. Б. Алексеев описал как новый вид – *Festuca skvortsovii*.

Следующий раз я побывал в Армении, по приглашению Ереванского ботанического сада, в декабре 1969 г. Несмотря на поздний сезон, в Армении есть, что ботанику посмотреть и в декабре. Солянки и всякие зимующие кусты и травы. Выезжали мы в природу и в Сердарабад – к новому памятнику армянской резни в Турции в 1916 г. Тогда русские войска сперва вошли в турецкую Армению, а затем отступили – тут и началась резня. Во время последней войны всё было готово к повторному занятию турецкой Армении, но США и Англия жестко воспротивились.

В июле 1976 г. я принял участие в экспедиции Главного ботанического сада, которой руководила Е. Е. Гогина. Маршрут, в котором я участвовал, главным образом, был по северной части Кавказа: Пятигорск – Карачаевск – р. Улукам – Чегем – Владикавказ – с. Каджин на Тереке – Казбеги – Цхинвали – Они – Мамиссонский перевал. Дальше я отъединился и отправился на Холодную Речку, где встретился с Галей. Тут нас В. И. Росинский повозил по ущелью Бзыби до Уадхары и на мыс Пицунда до устья Бзыби.

1980. С американскими коллегами в Ставрополь – Ставропольская возвышенность – Домбай – Алибек – р. Буульген – Хурзук – Пятигорск – Жигули – Хвалынк. В маршруте по северному Кавказу нам 2 или 3 раза встречались небольшие, заброшенные ранне-христианские (как кажется, 10–12 век) церкви – одноглавые и крестовокупальные, удивительно похожие на церковки того же времени в древнем Новгороде! Я об этом раньше не знал, и останавливался около них с интересом.

В 1982 г. два раза: в апреле на Холодную Речку и в Сухум. В гости к сватам, с Галей.

Во второй половине мая – в Кировобад (Гянджу) на ботанический съезд. Затем Тифлис – Бакуриани – и несколько дней в Батуме.

1982. Ставрополь на несколько дней. Там у меня завелась неглупая аспирантка, Люда Гречушкина.

1985. Конец апреля. Опять какое-то ботаническое сборище, на этот раз в Сухуме. Коллективные экскурсии на Пицунду и в Новый Афон (с посещением новооборудованных пещер).

1985. Октябрь. Ереван и Хосровский заповедник. Небольшая группа во главе с Тахтаджяном, что-то обсуждать.

1986. Конец октября. Тифлис: как-то вычисленный какой-то очень большой юбилей ботанического сада. Застолье в Лагодехском заповеднике, в Цинандали (бывшее имение князей Чавчавадзе). Но вот трудность: Грузия и юбилейное торжество. А сухой закон? М. А. Гоголишвили, который всем руководил, с одной стороны нашел гениальный выход: вместо бутылок питье подавали в кувшинах как натуральный сок. Однако уже предварительные закуски довели голоса присутствующих до опасной громкости, и когда подали основное угощение – гигантские шашлыки, он, увы, должен был прекратить пир, объявив, что “нас уже ждут в другом месте”.

1987. Июль. Я очень настаивал, чтобы у нас состоялась после 11 лет перерыва, хорошая экспедиция на Кавказ. Но наиболее активный деятель экспедиций – И. И. Русанович стояла за Среднюю Азию. Согласились на двумерности: сперва Средняя Азия, а затем экспедиция перебазировалась на Кавказ. В этом было и некоторое преимущество: побываем в западном Казахстане, до той поры еще не охваченном нашими экспедиционными маршрутами. Я присоединился к экспедиции у оз. Челкар, в песках Большие Барсуки. До сих пор я этот район видел только из окна вагона. Дальше мы поехали на Мугоджары – с ними у меня тоже было только “вагонное” знакомство, а место оказалось очень интересным (благо, еще лето было влажным). Дальше примерно по течению Эмбы, с заездом на замечательные меловые холмы и затем на Гурьев и далее на Кавказ через Астраханскую область и Черные земли.

В самом как будто пустынном месте мы встретили довольно благоустроенный поселок Терекли-Мектеб – оказывается, центр автономного Ногайского района. Далее минуя Кизляр, на равнинное течение Терека и на Грозный. В Грозном мы осмотрели город, но где остановиться на ночлег – не нашли и выехали из города в безлюдный Брагунский хребет, где нас сперва допекали комары, а потом прошла мощная гроза. Из Грозного взяли курс на Дагестан, и уже перевалив за Андийский хребет, остановились у оз. Кезеной-Ам. Тут оказалось свободно, растений в лучших стадиях развития – множество. Я тут впервые встретил иву Кузнецова, кавказский эндем, почти неотличимый от ивы Лаггера, эндемичной для Альп.

На озере мы стали и свидетелями трагедии. Некая семья обзавелась легковой машиной и приехала “обмыть” это событие на озеро. Тут, конечно, изрядно хлебнули, полезли купаться, и хозяин машины утонул. Вместо празднования обновки получились поминки.

Кроме сбора гербария, мы в Дагестане присматривались и к поведению плодовых пород по отношению к высоте. Очень своеобразный ландшафт я зафиксировал близ с. Харахи: сельскохозяйственные культуры на маленьких полях–террасках, а по стыкам террасок разбросаны одинокие деревья абрикосов; получается как бы некоторая “псевдо-саванна”.

Маршрут наш лежал: Ботлих и царство мелов – с. Харахи – с. Хунзах – с. Гуниб. В Гунибе, как известно, есть ботанический садик.

По пути нам встретился местный житель, который очень хотел поближе познакомиться с нами и затащил нас в аул Верхний Илак. Там, правда, было что пособирать, но в общем было более интересно посмотреть, как местные живут и себя ведут.

Село Гуниб большое и сложно устроенное. Вернее есть два села: нижний Гуниб, где есть почтовая и автобусная связь и верхний Гуниб, где этого ничего нет, но есть ботанический садик. Дня 2–3 мы здесь поэкскурсовали и пособирали.

Дальше у нас значилась Махачкала и частичная смена экспедиционной группы. Как и всегда, запаздывали и поэтому последние два дня очень спешили. Кстати, и местность ближе к Махачкале выглядела не очень привлекательной: здесь очень сухо. Из Махачкалы я уехал. Экспедиция же еще захватила и Большой Кавказ.

1987. Октябрь. Баку. Мы с Галей прилетели сюда из Симферополя, после празднования юбилея Никитского сада. Мне важно было просмотреть и бакинский гербарий по семействам Ивовых и Кипрейных, а также ботанический сад в Баку и дендрарий в Мардакянах (на Апшероне же). И то, и другое удалось сделать, кажется, успешно. А кроме того удалось еще навестить известный храм огнепоклонников, берег Каспийского моря в дачном поселке (здесь береговой вал состоит из размельченных в крошку мелких ракушек) и, конечно, музеи, оказавшиеся довольно содержательными. А в Мардакянах в интересном дендрарии оказался еще микро-музейчик Сергея Есенина. Как известно, Есенин хотел поехать в Иран (“Персию”), но дальше Баку ему уехать не удалось. Вот этот период его жизни и отражен в Мардакянах.

Осенью 1991 и 1993 г. удалось съездить в Краснодар на совещание по злакам, организованное В. Ф. Семиховым из ГБС и Нагалевским – деканом биофака Краснодарского университета. Несмотря на все мало симпатичные новые явления в жизни, оба совещания удались, и сборнички докладов были изданы. В основном совещания проходили на лоне природы – на биостанции

университета и с экскурсиями на плато Лаганаки (луга и березняки) и в тенистый кавказский лес. А второе совещание даже с выездом на биостанцию того же университета на берегу моря (в пос. Бетта). На фоне растерянности и внезапного оскудения эти поездки имели для участников очень большое ободряющее значение.

Средняя Азия

Во время работы в университетском ботаническом саду возможности воспользоваться экспедиционной машиной для поездки в Среднюю Азию не было. Зато достаточно интенсивно и на порядочные сроки совершались поездки групповые или даже одиночные.

В первый раз я выехал в 1953 г. в Алма-Ату. Там, особенно на предгорных холмах (“прилавках”) очень много растений, перспективных для культуры в Москве. Но я рвался шире познакомиться со Средней Азией и потому решился “нелегально”, т. е. без отметки в командировочном удостоверении, побывать в Ташкенте и в Самарканде. Местные авиарейсы это вполне позволяли.

На следующий год сформировалась экспедиционная группа – наш старший, наиболее опытный сотрудник, заведующий дендрарием в новом ботаническом саду МГУ, Тит Трофимович Трофимов, я и еще лаборант Трофимова Вадим (фамилии не помню). Маршрут наметил Т. Т. Трофимов. Сперва мы направились на лесной опорный пункт Ак-Терек (“белый тополь”) около Джалалабада, затем в Ош и на памирский тракт. Проехали по нему не спеша, дня за 3, на попутных машинах, ночевали в чайханах, которые существуют по тракту.

Основной целью был Хорогский ботанический сад, где мы осели почти на месяц. Сад расположен на высоте около 2200 м, метров на 200 м выше самого г. Хорога. Здесь еще прекрасно удаются все среднеазиатские фрукты. Из сада мы несколько раз совершали выходы и выезды вверх по течению р. Шахдары, на р. Гунт, к горячим источникам Гарм-Чашма, наконец, к высокогорному поселку опытной станции Чечекты.

В 1956 г. Опять экспедиционная группа: я, Ф. Ф. Рылин и сотрудница дендрария Н. А. Переходкина. В этот раз у нас были намечены такие основные пункты: 1) Киргизия, г. Пржевальск – остановиться на зональной станции Института лекарственных растений. Оттуда я вывез и саму идею, и первоначальную партию семян – вырастить в Москве абрикос. Пишу через 50 лет – сейчас остро необходимо подвести итоги. Из Пржевальска мы поднялись в альпийский пояс хребта Терскея.

2) Заповедник Репетек. Познакомиться с ландшафтом, особенно с саксауловыми “лесами”. 3) Кара-Кала, туркменская станция ВИР (Институт Растениеводства). Здесь крайне аридный климат (и ландшафт). Но при

наличии воды можно выращивать всё до гранатов, виргинской хурмы, маслины и т. д. 4) И, наконец, мы провели 2–3 дня в Ашхабаде: в ботаническом саду и в экскурсии по ущелью к Фирюзе. В саду я познакомился с А. И. Михельсоном, известным своей гербаризаторской деятельностью еще до революции.

Весной 1958 г. я в одиночку проехал от лесничества Аман-Кутан (выс. до 1800 м) в Зеравшанский хр. в Самарканд, потом на Чимган, Илийск и Заилийский хр. Сейчас уже не помню, как и где останавливался на ночь – но, видно, было терпимо, иначе бы запомнилось.

Осенью 1963 г. Экспедиция в составе меня, Ф. Ф. Рылина и Г. И. Черкасовой. Заилийский хребет близ Алма-Аты, выезд на р. Или, далее почти недельный выезд на р. Чарын (Шарын), в урочище Сары-Тогой, где я смог особое внимание уделить тополям. Далее – Паркентский заповедник на западной оконечности гор Тянь-Шаня. Здесь тоже я смог понаблюдать среднеазиатский осокорь в разных его проявлениях.

1965. Май. Выехал рано со специальным оборудованием резать ветки на высоте. Цели – в основном изучение тополей. Опять неделю в Сары-тогой (с выездом вверх по Чарыну в урочище Куртогой). Заилийский хребет. Душанбе и заповедник Тигровая балка; низовья Вахша и туранговые рощи. Ущелье Варзоба, Такоб, Кондара; Чимган; заповедник Аксу-Джабаглы; р. Ангрэн за перевалом Камчиг. В экспедиции еще принимали участие Н. Б. Белянина и З. И. Исакова.

В 1970 г. я впервые в Средней Азии на машине. Правда, машина небольшая, а компания большая: я, Софик Туманян и еще 2 рижан: Р. Циновскис и еще дама. Но это не мешало нам всем активно работать. Главным объектом были лесные районы, в частности, ореховые леса. Маршрут: Афлатун, оз. Сары-Челек, Арсланбоб, а далее по новой дороге от Джалалабада на Бишкек (Фрунзе) в значительной мере вдоль р. Чичкан, через Сусамыр и Киргизский хребет. Здесь я собрал в спирт листья *Populus usbekistanica* и *P. macrocarpa* (тогда их именовали *P. afghanica* и *P. talassica*) от нескольких особей, а также их гибрида. Среза и рисунки были тогда же сделаны Н. Б. Беляниной, но до публикации дошло дело только в 2005 г.

Тогда же я заметил в придорожной луже цветущую частуху и подивился: как рано она цветет и какие-то у нее мелковатые лепестки. Но дальше ей внимания не уделял. А то наверно была *A. bjorkvistii*, позже описанная Н. И. Цвелевым как особый вид. Еще раз я ее встретил вместе с В. Сагалаевым в Волгоградской области. Я не уверен, что это особый вид; не есть ли это рано цветущая форма обычной частухи?

1979. Экспедиционная машина ГБС. Во Фрунзе смена команды: кто-то уезжает, я приезжаю. Остается Е. В. Ключиков, сотрудник ботанического сада МГУ, специализирующийся по Зонтичным у М. Ю. Пименова. Во

Фрунзе ботанический сад интересен большим набором форм, в частности естественных межвидовых гибридов из местной флоры. Главный ботаник – В. И. Ткаченко – энтузиаст, но у него плоховато с ногами, и он много ездить не может. Дальше у нас длинный маршрут: Алма-Ата, Капчигайское водохранилище – перевал Алтын-Эмель, по Джунгарскому хребту по р. Усёк, далее северо-восточная оконечность хребта у Лепсинска – на Тарбагатай, с южной стороны, а затем и с северной (северная намного беднее и менее интересна, чем южная) – затем Саур и р. Кендерлык – Зайсан, с. Буран на Черном Иртыше – Курчум – Калбинский хребет – Аягуз – Кайнар – Каркаралинск – Караганда – Целиноград (теперь Астана) – Атбасар – Наурузум – Докучаевск – Челябинск – Златоуст – Сим – Уфа – и далее на Москву.

На Калбинский хребет и в Наурузум я хотел захватить материал по имеющей там место гибридизации берез *B. alba* x *B. microphylla*. А центральный Казахстан – вообще место мало известное.

Из этой экспедиции был привезен очень большой гербарный материал. Много наблюдений было сделано и над ивами, тополями, березами, жимолостями, кипреями.

1981. Повод – приглашение из Ташкентского ботанического сада. Еще побудительная причина – показать Гале Среднюю Азию: ведь до сих пор я туда ездил всегда без нее. В Ташкенте мы остановились рядом с ботаническим садом в доме сотрудника сада – Амина Абдурахманова. Но, конечно, интерес заключался в экскурсиях. А. Абдурахманов снарядил экспедиционную машину, наполненную всяким барахлом “б. у.” – одеялами, матрацами, кастрюлями. Так что какой-то прохожий принял машину за приемщика старья и поинтересовался, не возьмем мы что-нибудь у него.

Поехали мы в ущелье р. Чаткал на 3 дня. Там лесок из высокоствольных берез (*B. pendula*), много цветущих кустарников (вишни, спиреи). А ночи действительно холодные, так что старые ватные одеяла как разгодились.

А затем мы с Галей отправились по колоритным центрам Средней Азии – в Самарканд, Бухару и Хиву. Хотя я бывал уже в Самарканде раза 2 или 3, бывал раз в Бухаре – но все равно впечатления огромные. В Хиве же я прежде не бывал (и сейчас там остановиться не удалось: только в Ургенче, километров 20-25 от Хивы). Хотя в Хиве почти все сооружения датируются XIX веком, все равно они впечатляют уже тем, что представляют свой особый мир!

А в Ургенче мы пробыли лишний день: не было билета (или рейса) на Ташкент. И почти весь этот целый день просидели в чайхане: тут и тень, и чай, и соловей пел совсем рядом в кустах, а время от времени – и местные мотивы из небогатого архива записей. Что-то еще мы купили в неплохом универсаме Ургенча.

Следующий выезд с Галей был весной 1984 г. по приглашению из Алма-Аты. Здесь, конечно, был выезд в ущелье Большой и Малой Алматинок (в ущелье Большой на озере был еще лед и снег), в ущелье Малой, конечно, доминировал стадион, но именно от Медео был виден край Заилийского хребта, где склоны долин казались розовыми от цветущих яблонь и абрикосов.

И еще Б. А. Винтерголлер (тогда заместитель директора ботанического сада) организовал нам выезды в песчаную пустыню и в Чу-Илийские горы к замечательному эндему *Niedzwieckia semiretschenskya*, только еще начинавшему цвести. В песчаной же пустыне мы повидали ряд ее достопримечательностей: на вершинах бугров фиолетовые густо ароматные кустарниковые астрагалы. Тут же эремурусы. Тут же агама, сидящая неподвижно на стебле растения, но меняющая свой цвет, если ее потревожить. И верблюды. И войлочные юрты. И удивительно вкусный продукт из молока – шубат. И еще всякие интересные детали. Но флора песчаной пустыни, как ни интересна, особенно весной, но все же не очень богата.

1985. Экспедиция ГБС на машине действует в Казахстане и Киргизии под начальством А. Г. Куклиной. И я решил выделить полмесяца на участие в ней. Места мне отчасти уже были знакомы, но мне еще хотелось посмотреть, каково соотношение жимолостей – илийской и голубой, а также еще раз поглядеть на тополя. Пржевальск – Санташ – Кегень – Жаланаш – Сати – Куртогой – Сарытогой – р. Усёк (это уже Джунгарский хребет), р. Борохудзир – Алма-Ата.

1987. Как я уже писал в рассказе о посещениях Кавказа, в 1987 г. наша экспедиция должна была начало лета проработать в Средней Азии, а затем проехать на Кавказ. Я присоединился к экспедиции у оз. Челкар. Дальше – Мугоджары, Эмба и около нее выходы мелов, Гурьев, Астрахань.

1987. Декабрь. Чуть больше недели в Ташкенте. По приглашению, главным образом работал в гербарии. Но обстановка начинала быть тревожной. На Кавказе уже были стычки между армянами и азербайджанцами в Карабахе, к ним очень прислушивались в Ташкенте и предугадывали, что это только начало больших пертурбаций.

Петербург

В течение двух веков город был столицей великого и растущего государства “... Люблю тебя, Петра творенье!” сказал поэт почти двести лет тому назад. Это же можно повторить и сейчас. Духовная, интеллектуальная мощь Петербурга и его роль в истории России покоряют приезжего. Поэтому я считаю, что каждому русскому человеку надо хоть раз побывать в Петербурге, а считающему себя активным интеллигентом – это просто необходимо.

Я побывал в Петербурге раз 20, если не 25, и каждый новый приезд был чем-то особенно интересен.

Впервые я попал туда в январе 1941 года, в составе студенческой экскурсии 2-го Московского медицинского института. Мы остановились в общежитии Ленинградского медицинского института, и программа экскурсии была очень хорошей: она охватывала не только Эрмитаж и Русский музей, но и Александринский театр, и два оперных театра, этнографический музей и Кунсткамеру, осмотр всего центра города.

Второй раз я был уже после войны в 1947 г. в связи со съездом анатомов и гистологов. Визит был коротким, но разнообразным и с несколькими запомнившимися моментами. На время, назначенное для моего сообщения на съезде, я опоздал. Но зато съездил в Сестрорецк, побывал на дюнах и на приморских лужайках, видел новые, еще мне неизвестные виды: *Alisma lanceolatum*, *Festuca sabulosa*, *Myrica gale*. Побывал в зоологическом музее у Л. С. Берга, узнал у него, где в Ленинграде можно достать живую миногу и ее личинку-пескоройку для моей гистологической работы, а затем ездил в район Охты за миногой и на Черную речку ловить пескоройку.

Я стал ездить в Ленинград чаще, когда начал работать в ботаническом саду университета; ведь и моя докторская диссертация в значительной мере была сделана на материалах гербария Ленинградского Ботанического института (БИНа). Был я в Ленинграде и с Галей, и Костей, и Сашей: с Галей весной 1954 г. сразу после ее защиты; тогда мы жили на частной квартире где-то на юге города и еще раз в 1985 г. специально осматривать пригороды Ленинграда; тогда мы пробыли целых 10 дней в Павловске, в Царском Селе, в Петергофе, в Ораниенбауме (Ломоносове) и на Карельском перешейке в Репине, и в Выборге. С Костей – только 1 день: при возвращении из поездки на Север я сделал специальную остановку; с Сашей как-то в дни его школьных каникул. С 1954 и до 2000 года я бывал в Петербурге почти ежегодно; в ботаническом институте (БИНе) я стал почти навсегда. Правда, после ельцинского переворота ездить стало труднее.

В 90-х годах я приезжал в Петербург ненадолго и останавливался у С. С. Иконникова. У него умерла жена, а сын с семьей жил отдельно. Вместе с С. С. мы и выезжали что-то посмотреть. Благо С. С. был в курсе культурных новостей города. Будучи родом из Москвы и выпускником МГУ, он устроился на работу в ботаническом институте и стал заядлым петербуржцем. В те годы был активен и очень популярен петербургский митрополит Иоанн, весьма критически относившийся к происходящим переменам, и С. С. был его почитателем, через него и я оценил фигуру митрополита Иоанна.

Ботанические сборы под Ленинградом мне делать почти не пришлось: обычно я бывал там зимой или поздней осенью. Могу упомянуть только поездку на Карельский перешеек под Сестрорецком и на место произрастания *Pulsatilla vernalis*; на ст. Елизаветино под Гатчиной и в Павловский парк.

Но самое главное, чем я занимался в Санкт-Петербурге – это работа в гербарии и в библиотеке Ботанического института (в разговоре обычно “БИН”). Там и самый большой в нашей стране коллектив профессиональных ботаников, систематиков, и самый крупный (5–6 миллионов образцов) гербарий, и самая полная ботаническая библиотека. С многими сотрудниками института у меня были и очень хорошие личные отношения.

В. Л. Комарова – первого директора института – я уже не застал. При мне сменились директора – которых уже хорошо помню – Б. К. Шишкин, Александр Федоров, Л. И. Буданцев. Ряд москвичей тоже закрепился в БИНе. Через БИН завязывались знакомства с коллегами из других городов России и союзных республик. Из моих первых знакомств в БИНе сейчас жива только Ирина Алексеевна Ильинская – палеоботаник. Коллеги моего возраста, а некоторые даже и более молодые, уже ушли из жизни. Но память сохраняет почти всех, кто работал в гербарии с 60-х по 90-е годы. Последний раз я был в БИНе в июне 2000 г., меньше чем за месяц до моего первого инсульта.

С новым поколением я мало знаком. Знаю, что такое есть, но ельцинская разруха и серия моих болезней и трудностей с моей женой сильно нарушили мои знакомства и контакты (а, наверно, и самую мою психологию) – не только в Петербурге, но и в Москве.

Кроме БИНа, в Петербурге еще есть заслуживающие внимания гербарии – в университете на кафедре ботаники и в Лесотехнической академии (в “Лесном”). В обоих я был; первый оказался неожиданно богат по части флоры Европейской России; во втором я был дважды: ради типовых образцов ив, описанных в начале XX века Э. Л. Вольфом, тогда сотрудником Лесного, а второй раз – ради тополей, которых Вольф, правда, не описывал, но держал в культуре.

ЗАГРАНИЦА

Мне удалось побывать в 9 странах: Германия, Дания, Швеция, Норвегия, Польша, Австрия, Индия, США, Китай. Расскажу о некоторых наиболее ярких впечатлениях, оставшихся от каждой из этих стран.

Германия

Первый раз я поехал за границу в 1964 г. в Германию (тогда, конечно, восточную, Германскую Демократическую Республику, ГДР), по приглашению профессора Г. Мейзеля (H. Meusel) из г. Галле. С Мейзелем я познакомился года за 2 перед тем: со своим ассистентом Э. Егером он остановился в Москве при возвращении из Индии. Выезд за границу тогда был чем-то неординарным, почти сверхъестественным, во всяком случае, для простого гражданина, не связанного с государственными службами. Надо было пройти целую иерархию инстанций: сперва получить

характеристику партбюро сада, потом явиться для собеседования на партбюро факультета, заполнить детальные анкеты. Всех деталей уже не помню. В дальнейшем эти процедуры несколько упростились, но еще существовали долго.

Я был в ГДР еще 2 раза: в 1980 г. с Галей по частному приглашению Мейзеля и в 1986 г. на симпозиуме Академии Леопольдина. Частное приглашение потребовало вновь бюрократической канители. Но я решился ее спокойно выдержать.

В Германии мне удалось посетить горы Гарц, долину р. Заале с пойменным и нагорным лесом, гипсовые холмы с березняками, ряд заповедных или особо охраняемых участков с редкими растениями (особенно орхидными и *Adonis vernalis* – его я собрал в цветку), солончаковые ключи с (правда, не богатой) галофильной флорой, песчаниковые скалы “Саксонской Швейцарии”.

В институте ботаники в Галле я прочел две лекции: 1) границы ареалов видов в Московской области; 2) ботанические наблюдения на Полярном Урале. Галле – старый город; рядом с ним растет современный многоэтажный Halle-Neustadt. В Галле представлены 2 учреждения: университет им. М. Лютера, институт ботаники, который в основном был занят подготовкой трехтомного труда по ареалам среднеевропейских растений и родственных им видов. Ботанический сад существовал как независимая единица. В нем самое интересное – оранжерея с растениями Канарских островов. Здесь представлены близкие родственники знакомых видов – но с одревесневающими стволами, например, *Geranium robertianum*: кто мог бы представить этот вид в форме деревца? А на Канарах есть очень близкий вид – именно как деревцо – с одревесневшим стволом, и т. д.

Из городов, кроме Галле и Берлина, я посетил еще Лейпциг, Дрезден, Иену, Готу, Эрфурт, Веймар, Эйзенах с замком Вартбург, а также замечательные по своим старинным постройкам небольшие города Гальберштадт, Вернигероде, Мерзебург, Наумбург и Кведлинбург.

Как город, конечно, наибольшее впечатление своим тонким изяществом оставляет Дрезден. Лейпциг, понятно, знаменит многими вещами: от поразительно огромного вокзала и церкви св. Фомы, где органистом был И. С. Бах и где сейчас его могила – до подвальчика Ауэрбаха, где, по рассказу Гёте, происходила известная сцена с Мефистофелем.

Из малых городов, пожалуй, наибольшее впечатление произвел Гальберштадт. Здесь рядом друг с другом стоят три больших собора; самый старший внутри еще с романскими элементами. В одном из помещений (как будто на чердаке?) находится “Domschatz” – хранилище ценностей. Он удивительно обширен: видно, Гальберштадту повезло веками как-то избегать грабежей. Там множество церковных предметов. Но меня более

всего поразил ковер (или занавес на длинную стену?) с изображением богородицы и святых, сделанных отнюдь не в готическом и даже не романском духе, а в некотором византийском облике. Он не менее интересен, чем знаменитый норманский “Ковер королевы Матильды”, но я не мог узнать ничего о нём – хотя, конечно, его обязательно кто-нибудь исследовал и описал.

В алтарной апсиде собора в Наумбурге находятся замечательно живые скульптуры, только ради которых стоит этот городок повидать. Кведлинбург скуп и суров в своем романском облике. Вернигероде – сплошной музей старинных “фахверковых” построек (каковых, впрочем, можно встретить немало и в других местах).

Со сколь давних времен и – главное – как много всего сохранилось в Германии! И опять я обращаюсь к книжке об исторических памятниках Смоленской области. Как уничтожающе мало история нам (или мы сами себе?) сохранили! И никаким постановлением, никаким решением, никаким распоряжением, ни в какие “сжатые” сроки, ни за какие затраты этого не восстановить!

Дания

Я отправился туда по приглашению профессора Кая Ларсена из университета в Орхусе (Aarhus), рано весной 1969 г. Пробыл там три недели: две в Орхусе и еще одну – в Копенгагене.

В Дании вроде бы нет ничего грандиозного, но в рамках умеренности она выглядит превосходно. Чистота, порядок – везде. Я был в двух королевских замках – в Фридериксборге и Хельсингёре (Эльсиноре). В первом большом парадном зале среди других нарядных портретов и картин есть и портрет нашего Александра III с семейством, в полный рост. Мать Николая II императрица Мария Федоровна была, как известно, датской принцессой Дагмар. Она пережила семью Николая II и скончалась в 1930 г. в Дании. Хельсингёр находится на берегу моря, у проливов. Он широко известен как Эльсинор – замок, где действовал шекспировский Гамлет. Эльсинор оставляет впечатление заброшенности, да он и постарше Фридериксборга.

Из Эльсинора запомнил не столько рассказ про Гамлета, как два интересных случая. Я ошибся в часах, и после осмотра замка у меня оставался час до обратного поезда. Я завернул к киоску перекусить сосиской. Продавщица, конечно, признала иностранца и спросила, откуда я. Узнав, что из СССР, рассказала, что здесь в проливах бывают такие случаи: с советского судна кто-то бросается в море. А воды тут юридически датские, значит, он сразу попадает в ведение датской морской полиции, которая всегда дежурит в проливах. Так я узнал про один из способов бежать из СССР за границу!

После киоска я решил зайти в стоявшую поблизости церковь (у западных церквей принято, что они целый день открыты). Когда я зашел, там репетировал хор. Без органа. И как хорошо пели! За 30–40 минут я прослушал великолепный концерт.

В Дании была ранняя весна. В лесу цвела *Anemone nemorosa*, а на обочинах полей – *Petasites hybridus*. Впрочем, последний фигурирует не только как сорняк: во Фридрихсборге ему отведен специально целый склон, который выглядит очень эффектно. В частных цветниках перед домами цветет много весенних луковичных. Но интересно было видеть, что пространство под деревьями в городском парке в Орхусе тоже сплошь занято цветущими крокусами, сциллами, рябчиками и др.

Запомнилось посещение небольшой заповедной пустоши с господством можжевельника (обыкновенного *Juniperus communis*). Здесь на небольшом пространстве можно найти самые различные формы роста можжевельника: от распластанных до колонновидных. – Всё вполне естественное, никаких посадок.

В Орхусе я прочел 4 лекции о растительности Европейской части СССР. В Копенгагене сидел за гербарием. В этом гербарии наиболее полно представлены сборы из Гренландии, Исландии и Фарерских островов, что мне позволило написать специальную статейку об ивах этих стран.

Швеция

Что-то в 1970 или 1971 г. в Москве был Ханс Тралау – молодой энергичный палеоботаник. Я его немного повозил по Москве. Он обещал мне оформить приглашение в Швецию. Я этому не придавал большого значения, однако, в 1973 г. такое приглашение пришло: на полгода с полным обеспечением со шведской стороны. А я только что перешел в ГБС, и Цицин меня на полгода отпускать не хотел. Согласились на 2 месяца. В августе я уехал.

В Стокгольме гербарий находится в Естественно-историческом музее, вместе с Зоологическим и Палеонтологическим музеями; наверно, там есть и еще что-то. Здание музея стоит отдельно, около него свободное пространство, и в хорошую летнюю погоду сотрудники выходят пить чай на воздух; впрочем, и недорогая университетская столовая недалеко. Мне дали ключ от здания, так что я мог в любое время попасть к коллекциям.

Ботанический сад имени Берга (Hort. bot. Bergianus) размещается недалеко от Музея на окраине Стокгольма. В год моего первого приезда он был в довольно запущенном состоянии, посетителей почти не было. Я тогда собрал там сорный кипрей, который позже описал как новый вид – *Epilobium bergianum*. В мой второй приезд, в 1985 г. сад как будто стал на путь возрождения. Меня именно пригласили на симпозиум в связи с открытием новой (правда, довольно скромных размеров) оранжереи. При этой акции

присутствовала даже королева Швеции. В том году был еще жив Эрик Хультен. Его кабинет в Музее оставался за ним; он часто приходил, обычно вместе с собакой. Его потомки не пошли по линии отца. Сын у него стал директором Центра искусств имени Помпиду в Париже. Сам же Э. Хультен сейчас интересовался в основном этнографией народов Океании. Я был у него и дома. Там все стены изукрашены произведениями обитателей Океании. Но это, как говорил сам Э. Хультен – только небольшая часть, основное количество подобных предметов – в подвале его дома.

На мое время пребывания в Стокгольме в 1973 г. пришлось похороны старого короля, Густава-Адольфа, которому было уже за 90. Публика, конечно, выстраивалась в очередь у дворца, чтобы проститься с усопшим. Но, как я понял, в большинстве публики интересовали королевские регалии, по этому случаю выставленные во всей полноте; иначе как по подобным особым случаям их видеть нельзя.

Особенных древностей в городе Стокгольме нет. В Историческом музее собрано несколько стел – памятных камней – древних викингов (варягов), также много отдельных предметов, многие из которых мне показались похожими на находки из древней Сибири из коллекций Эрмитажа. В Историческом музее есть очень любопытный раздел быта XIX века. Почти всё из выставленного мне знакомо: я это помнил из своего детства, видел в обиходе своих бабушек. Позже, в 1980-х годах, подобный музей появился и у нас во Владимире.

В Стокгольме есть и памятники историческим фигурам. Однако, по крайней мере, большинство их без обозначения лиц, на них изображенных. Как мне объяснили, изображенный деятель был настолько значительным, а шведский гражданин настолько осведомленным, что называть на памятниках имена излишне. Хотя и любопытно, но все же неубедительно.

Есть в Стокгольме и музей искусств. В основном это традиционная выставка картин и скульптур. Но при нем есть и раздел “нового искусства”. Некоторые примеры достаточно поясняют его суть. Обыкновенный, фабричной выработки, писсуар из мужского туалета, но положен совсем необычным способом, так что к делу не годен. Зато произведение искусства. Или бюст женской головы из белого материала, а на одной щеке нарисован... penis. Перед входом в музей стоят две огромные фигуры непонятного смысла; меня даже две пожилые дамы спрашивали, что они означают. Но разве я мог ответить.

Лучше был представлен “новый реализм”. Прямо во входном вестибюле стояла совершенно голая женщина с каплями воды на теле – вероятно, выходящая из бани; все детали, кожа и т. п. были изображены идеально жизненно; трудно было поверить, что это скульптура. Уже до меня ее с большим интересом рассматривала какая-то дама средних лет в обычном

уличном наряде. Но, как оказалось, и эта дама – зрительница была не живой, а делом рук того же мастера.

В отдаленной от центра части города есть сад Карла Миллеса – недавно умершего шведского скульптора. Там на открытом воздухе выставлена целая серия его интересных скульптур.

Как я уже упоминал, на окраине Стокгольма есть музей сельской жизни – сконсен (skansen). Там, к сожалению, мне удалось быть только мельком.

Как я общался с публикой в Дании и в Швеции (а потом и в Норвегии)? В те годы граждане средних и пожилых лет почти все владели немецким языком, а молодые уже при мне – английским. Без хорошего знания английского языка нельзя окончить “гимназию” (=10–11 годы средней школы) и, значит, нельзя поступить в университет (куда в те годы принимали без экзаменов, но только тех абитуриентов, кто окончил “гимназию”). Правда, был комичный случай, когда в киоске я хотел купить мыло. Но слова мыло – soap – savon – Seife оказались незнакомы киоскерше. Зато я запомнил как мыло по-шведски – tval (тволь). Мой провожатый по путешествиям Пеле уверял, что он обычно понимает по-немецки, но если подопьет – то переходит на английский.

Моя основная квартира была в доме Ханса Тралау в окрестностях Стокгольма. В город и домой я ездил на старомодном дачном поезде; в нем всегда было свободно. Отсюда я выезжал в Упсалу, Лунд и Гетеборг. Во всех этих местах в ботанических учреждениях для приезжих были комнатки с чистым постельным бельем.

В Упсале для ботаника все связано с именем Линнея. Помещения, где преподавал Линней; ботанический сад, им заложенный и поддерживаемый до сих пор, могила Линнея в старинном соборе.

Из Упсалы я съездил еще и в имение Линнея в поселке Хаммарбю. Фотографии, сделанные там, я только в 2007 году поместил в “Природе” (№ 4) в статье, посвященной линнеевскому юбилею.

Сидя с Хансом Тралау на балконе кафе в Упсале, мы обратили внимание на сходство ряда старых русских и скандинавских слов: так, сельдь по-шведски – сильд, мед – мюд, togv – торг = центральная торговая площадь города, холм – holm – остров или холм – тьрг у южных славян (-kahn в балтийских языках). Интересная тема, и наверно кем-нибудь разработана детальнее.

В Лунде украшение города – собор, чисто романский, как будто дошедший до нас в первозданном виде. В Гетеборге болеелюдно, более активен бизнес, но замечательных зданий как будто нет. И в Лунде, и в Гетеборге есть ботанические сады, в Гетеборге городской, в Лунде университетский. В обоих есть заслуживающие внимания гербарии. Гетеборгский сад интереснее: здесь я собрал в гербарий некоторые редкие китайские ивы.

Кроме части, открытой для публики, есть еще закрытая часть, которую, наоборот, надо беречь от публики: это большая коллекция рододендронов. Директор сада, очень любезный Пер Венделбо, норвежец, провел меня через эту коллекцию. Но время было неподходящее для цветения. Зато я заметил, что в травяном покрове участка господствует *Circaeae* □ *intermedia* – стерильный гибрид, изредка встречающийся и в России.

Пер Венделбо свозил меня еще на остров Чёрн (Тјогн). По дороге – сплошное цветение вереска. Местность здесь скалистая и когда-то здесь был широкий выпас овец. Теперь его не стало, и вереск разросся широким покровом. Остров Чёрн для ботаника интересен тем, что там водится терновник (откуда и название острова).

В г. Умео я съездил, чтобы посмотреть север Швеции. Там я единственный раз встретил в культуре бальзамический (или *suaveolens*?) тополь. По рекам уже северные ивы.

Очень интересным было посещение острова Эланд. Весь остров – как бы единая горизонтальная известковая плита, только кое-где с трещинами или небольшими неровностями. Соответственно, на острове практически нет деревьев, а в наземном покрове – пестрая мозаика. Вот голубика. А почти рядом – *Adonis vernalis*. Некоторое подобие этому я встречал позже на эстонском острове Сааремаа, но он хорошо облесен и даже имеет небольшую, но отчетливую возвышенность. Остров же Эланд – совершенно плоский.

По пути в Норвегию мы проехали через область Даларна, из которой известны две достопримечательности. 1 (только для ботаников) разрезнолистная береза (*B. pendula* var. *dalecarlica*) и художник начала XX в. Андерс Цорн; здесь есть и дом-музей. Цорн особенно любил изображать женщин без одежды, притом не тощих городских, а преимущественно деревенских “в теле”.

Норвегия

Как-то Ханс Тралау меня спросил: не хочу ли я посмотреть Норвегию? Там ландшафты гораздо “круче” шведских. Но как же юридический аспект? Если я обращусь за визой, останется отметка в моем паспорте, и за нее мне дома придется отвечать. – “Не надо никаких виз, никто проверять документы не будет. Самое худшее, что Вам грозит: за 24 часа выехать из Норвегии”. – Меня это предложение соблазнило. И без всякой документации я решился поехать на 2 недели в Норвегию. С тем же Пеле, который возил меня и по Швеции. И, действительно, никто в Норвегии моими документами не поинтересовался. А поездка была сверх-интересной, впечатляющей. Но передать эти впечатления трудно.

Скалы – ущелья – обрывы – постоянные подъемы и спуски дороги – фиорды и паромы на них. Постоянная смена растительности... Я очень много

собрал и по группам, особенно для меня интересных, как ивы и кипреи.

П. Венделбо советовал мне доехать до Трондхейма, но я в середине пути ошибся направлением, и мы выехали к Бергену. Но и здесь можно было наблюдать, как по мере приближения к морю, верхняя граница леса снижается, а затем высокоствольный бореальный лес пропадает вовсе, и вместо него умножаются невысокие деревья, особенно жестколистные, вроде *Plex aquifolium*.

Самые старинные каменные постройки сохранились именно в Трондхейме, и я их не видал. Зато раза 2–3 встретились древние (варяжских времен) деревянные церкви с конструкцией, кардинально отличной от наших деревянных построек: из вертикально стоящих бревен и с характерными резными украшениями эпохи викингов (“Stavkirke” или “Stubkirke”). Я был настолько ими очарован, что просил Пера Венделбо прислать мне какую-нибудь книжку о них. И он прислал.

Из Бергена мы поехали уже в Осло. Здесь я побывал в трех интересных местах. Самое интересное – это, конечно, музей корабля викингов (варягов). В павильоне под крышей стоит целая большая ладья и множество относящихся к ней предметов. Она была найдена почти целой в песчаных отложениях. А на воде тут же можно увидеть и “Фрам” Р. Амундсена 1924 г. – по теперешним меркам совсем маленький беззащитный кораблик. И прошумевший в свое время на весь мир тихоокеанский плот Тура Хейердала... (Когда я был в Дании, в маленьком городке Роскилле (“Roskilde”) близ Копенгагена собирались построить подобный музей. Я же в Roskilde повидал только скромный музейчик домашней деревенской жизни. Теперь, Музей в Роскилле давно уже открыт).

Второе замечательное место в Осло – музей художника Мунка (O. Munch). Здесь собрано большинство его картин; в других музеях они встречаются редко. Конечно, это очень сильный художник, хотя и не без определенного душевного сдвига. Этот музей находится рядом с ботаническим садом, где я разместился, так что я мог побывать в нем дважды и рассматривать картины не спешно.

И, наконец, ботанический сад – небольшой, но хорошо содержащийся. Заведовал им Олоф Берг – скорее эмбриолог, не флорист. Из сада мне запомнилась только аллея пирамидальных дубов и американский вид *Actaea* с белыми плодами. По дороге от Осло мы пересекли участок темнохвойного леса, совершенно сходный с хорошими лесными участками где-нибудь близ Москвы.

И теперь несколько общих впечатлений о жизни скандинавских стран. Во-первых, у них общий рынок рабочей силы, по крайней мере, интеллектуальной. Это облегчается тем, что норвежцы, шведы и датчане, разговаривая на собственном языке, понимают друг друга без перевода.

Норвежец П. Венделбо был директором крупного ботанического сада в Швеции. Во всех трех странах высоки социальные гарантии. Так, медицинские услуги достаются в равной мере бедным и богатым, богатые платят за себя, за бедных платит государство. Если Вы, выйдя на пенсию, не можете платить за квартиру, Вам государство оплачивает эту квартиру. Так, мой спутник Пеле жил один в квартире 105 кв. м – и, поскольку он пенсионер, за квартиру платит государство. Две трети земли в Швеции – в частном владении. Но Вы можете сколько угодно бродить по этим землям (если не наносите вреда) и собирать грибы и ягоды. Ближе скольких-то метров к водоемам нельзя возводить построек, нельзя перегородить свободный доступ к берегам озер и речек.

На всякие льготы нужны, конечно, деньги. Так вот, в Швеции в 1973 г. был прогрессивный налог на доходы; он мог достигать 67%. Но деньги, вложенные в общественно-полезные дела, налогом не облагались.

Австрия

В Австрию я поехал в 1990 году, когда общая обстановка в России была уже беспокойной. Я поехал вдвоем с Т. А. Зайцевой по выдвинутой нами совместно с Ф. Эрендорфером программе изучения высотной внутривидовой изменчивости у *Solidago virgaurea*. До этого сходная работа была проделана Т. А. Зайцевой – по изучению изменчивости того же вида в зависимости от географической широты – от Кольского п-ова до Волгоградской области. В Австрии был собран очень значительный живой материал и высажен в Москве. Увы, обстановка в 1991 г. настолько переменялась, что проводить работу стало невозможно. В 1990 г. мы еще жили и работали по инерции.

Австрия ... страна в центре Европы. А как много здесь еще остается естественной растительности, и как порой примитивно ее используют: так, на горах мы видели полную пастбищную деградацию лугов; видимо, не совсем отрегулированы вопросы использования водоемов и их берегов и т. д. Т. е. почти как в России.

В то время как Эрендорфер и Зайцева разыскивали и копали золотарник, я собирал общий гербарий, и в особенности, конечно, ивы. Я считаю, что об ивах Альп я составил достаточно хорошее представление. Особенно интересна была *S. serpyllifolia*. По тем небольшим материалам, которые у меня были к моменту выхода моей книги (1968) я не получил полной уверенности в самостоятельности этого вида. Но после наблюдений в природе в Альпах всякие сомнения исчезли. Достаточно повидал я также *Salix daphnoides*, *S. helvetica*, *S. mielichoferi*, *S. waldsteiniana*.

В Вене, конечно, много интересного. Особенно замечательны здания и их внутренние помещения у императорского дворца, ведь до 1918 г. Австрия

(тогда Австро-Венгрия) была империей! Что касается музея искусств, то, видимо, я тогда торопился или был утомлен: в памяти об этом музее сохранились только картины Климта.

Общие впечатления об Австрии я уже рассказал в очерке об Ф. Эрендорфере. Скажу еще только о фресках Ламбах: мне сейчас попала в руки книжечка об этих фресках. Автор их относит (и, вероятно, справедливо) к примерно 1000 году и стиль их относит к “оттонскому”, т. е. предроманскому. Разглядывая картинки сейчас, я бы сказал, что композиции фресок очень близки к византийским, но лица уже явно другой манеры.

Польша

В том же 1990 г. я на неделю поехал в Польшу, по приглашению арборетума Курник (точнее, института дендрологии Польской Академии Наук). Издания этого арборетума я хорошо знал, таким образом, заочно знал и авторов. Теперь представился случай познакомиться лично. По крайней мере с 3 ведущими сотрудниками: Казимир Брович, Владислав Бугала и Ежи Зелинский.

Курник небольшое местечко поблизости от г. Познаня. А арборетум – довольно просторный парк, отгороженный простым забором. Деревья содержатся в приличном состоянии. Тогда в парке было не тесно, для новых посадок место было. Я особенно интересовался экзотическими тополями. Некоторые нашлись. *P. glauca* (= *P. wilsonii*) и его гибрид с *P. lasiocarpa* – *P. □ wilsocarpa*.

Я очень просил организовать для меня поездку в Краков. Как-никак, это самый важный город в истории страны. Там и ботанический институт Польской Академии Наук. Ехать в Краков из Познаня нужно ночным поездом. Однако спальных мест нет: скамьи забиты до отказа пассажирами, воздух в достаточной степени спертый. Однако я подремал и рано утром оказался в Кракове. Гостиницу мне заказали, так что я мог умыться, позавтракать и потом отправиться в Институт, где застал Яна Корнася, который хорошо говорил по-русски и по-немецки. Другого народу почти не было.

Расставшись скоро с Институтом, я отправился вдоль городской стены к Вавелю – возвышенности, на которой расположен древний королевский замок того же названия (происходит от слова Вавилон?). Перед замковым холмом на ровном берегу Вислы сделан новый сквер, а в нем – легендарный дракон, имеющий отношение к ранней польской истории. Дракон сделан из металла; по временам он начинает шевелиться и извергать пламя.

Подъем к замку с другой стороны, медленный и постепенный. Наверху – целый комплекс: собор, королевский дворец, палаты архиепископа. В соборе гробницы первых королей Польши. Как я и ожидал, именно Краков и есть подлинный центр Польши.

Неожиданно для себя, я заметил, что, несмотря на разную и часто другу враждебную историю, на различие в традициях и вере, у поляков очень много общего с русскими! У немцев сразу заметно, что это люди другие, а поляки – если их показывать в немом кино, покажутся вполне подобными русским.

Соединенные Штаты

С 1976 г. начало действовать советско-американское соглашение о совместных ботанических экспедициях в СССР и в США. За год или два до этого заместитель Цицина П. И. Лапин как-то втиснулся в советскую делегацию, поехавшую в США обсуждать общие проблемы, стоящие перед обеими странами, прежде всего охраны среды. И вот он сумел получить упомянутое соглашение. Официально оно было привязано к охране среды и, в частности, редких видов, но фактически было, конечно, широко ботаническим. Заслуга П. И. Лапина здесь, конечно, очень велика. Русские ботаники теперь смогли поглядеть своими глазами на растительный мир Северной Америки и даже сделать порядочные гербарные сборы. Были предусмотрены ежегодные чередующиеся поездки по учреждениям – 3 недели и экспедиционные в природу 6 недель.

Я попал в 4 поездки – 2 более коротких и 2 – полномерных. Еще со мной были, каждый раз по 2 человека: В. И. Некрасов, Б. Н. Головкин, И. А. Смирнов, И. О. Байтулин, Р. А. Карпионовна, П. Г. Горовой, И. Ю. Корпачинский, И. М. Красноборов. В 1976, 1981, 1987, 1989 годах.

А после еще я ездил в США 3 раза для работы по новой англоязычной Flora of China, издаваемой совместно П. Рэвенем и китайской Академией наук. Меня подрядил, конечно, Рэвен, мой старый знакомый. Это были 3 поездки, примерно по месяцу, в 1996 и 1997 годах, в Гарвардский университет, где в США хранится наибольший объем сборов из Китая, в частности, сборы начала XX века Вильсона, послужившие основой для известного трехтомного издания “Plantae Wilsonianae”. Для завершения этой работы в 1998 г. я ездил еще в Китай.

В Америке мне удалось побывать в 4 больших городах: Нью-Йорке, Вашингтоне, Сент-Луисе, Бостоне.

Нью-Йорк – для жительства не очень симпатичное место. И в 1976 г., проезжая через город по какой-то эстакаде, мы видели массовую заброшенность целых кварталов постройки XIX века: “средний класс” выселился за город. Центр Нью-Йорка, Манхеттен, застроенный небоскребами, в том числе и знаменитая Уолл-Стрит, днем почти безлюден. Очень мало зелени, да и та подчас пластмассовая. В бетонных чашках на некоторых улицах стоят деревья гинкго.

Но есть, конечно, и улицы, на которых всегда оживленно. Таков, в частности, Бродвей, на котором много маленьких театров и кинозалов, а также секс-шопов. В одном из здешних театров мы были, шла какая-то пьеса, очень понравившаяся публике, а мне показавшаяся очень скучной = пантомимой; артисты – в основном женщины в очень облегченной одежде.

Зашли, конечно, поглазели и в секс-шоп, и в кино с non-stop показом порно-фильма. И в пивной зал со стриптизом. Тогда для “советского человека” всё это было вроде некоего запретного плода; теперь эти достижения стали легко доступными и в России. Милости просим!

Тесноту Нью-Йорка показал нам и городской парк. Когда мы хотели туда зайти, там шел какой-то митинг, и парк оказался так запружен людьми, что спокойно прогуляться уже было нельзя. А у выхода из парка, где стоит большой памятник кому-то, за этим памятником оказалось море мочи. Мы сами хотели туда заглянуть, но пришлось воздержаться.

Теперь о том же Нью-Йорке в положительном отношении. Музей Metropolitan сравним разве что только с нашим Эрмитажем. Искусство всех времен и народов. Мне довелось там быть дважды. Недалеко от него расположен музей нового искусства Гуггенхайма, известный прежде всего своим зданием: это спираль, расширяющаяся кверху. Поэтому в нем немного этажей – что-то около 5. Там я был один раз. Схема осмотра: на лифте подняться до верха и оттуда спускаться по пологой спирали. В 1976 г. экспозиция картин на каждом витке спирали начиналась с картины В. Кандинского, как некоего пророка абстрактного искусства.

Наконец Нью-Йоркский ботанический сад. Это не только сад, но и целый институт с богатейшим гербарием. Главное здание было построено в XIX веке. Мы были там в 1976 г. в воскресный день. Сад был переполнен посетителями – однако в основном только в части ближней ко входу. В Америке (как во многих странах Европы) не принято запрещать публике сидеть или лежать на газонах. И поэтому проблема поддержания газонов очень важна для сада. О другой проблеме – необходимости капитального ремонта большой оранжереи – нам рассказали сотрудники сада. Но во второе посещение сада в 1981 г. нас принимали уже в капитально отремонтированной оранжерее. Деньги на ремонт подарила вдова какого-то миллионера. Этот факт удостоверяется небольшой металлической табличкой, вделанной в стену оранжереи. Подобные таблички приходилось видеть и на других зданиях общественного пользования и в Нью-Йорке, и в других местах.

Вашингтон. Здесь мы были только в центре города. Его центр – очень широкая улица или даже площадь (“Mall”) – от Капитолия (здания конгресса); через реку – до памятников Линкольну и Вашингтону. Линкольн – сидящий на фоне колонн; Вашингтону посвящена высокая белая стела.

Здание Капитолия доступно для публики, и мы там были. Когда нет заседаний Конгресса, практически всё здание доступно для осмотра (кроме, разумеется, рабочих кабинетов). В Белый дом тоже можно попасть в определенные дни и часы. Но, опять-таки, за исключением личных помещений.

На стороне памятников интересен памятник А. Эйнштейну – свободно сидящая фигура больше человеческого роста в окружении тенистых деревьев (некоторое, на мой взгляд, не очень удачное, повторение – памятник Есенину в Рязани). Еще интересен своим необычием памятник солдатам США, погибшим во Вьетнаме. Небольшая скульптурная группа солдат разных родов войск рядом с большой траншеей, все стенки которой заполнены дощечками с именами павших.

По сторонам Mall'a – несколько зданий Смитсоновского института. Этот институт – собрание самых разнообразных музеев, в том числе гербария. Правда теперь гербарий помещается в новом здании в другом месте города. Это всё государственное (“national”). В первый приезд в 1976 г. я застал еще Л. Б. Смита (L. B. Smith), крупного флориста и систематика, с которым уже несколько лет до того переписывался и обменивался литературой.

В Вашингтоне есть 2 здания Государственной галереи искусств (National Gallery of Arts). В отличие от музея Metropolitan в Нью-Йорке, она появилась сравнительно недавно. Здание, посвященное классическому искусству, построил, наполнил коллекциями и подарил государству один из первых миллионеров Дж. Морган? (Mellon?). Другое здание, более современное по виду и посвященное новому искусству, в наше посещение в 1976 г. еще только дооформлялось, еще не было целиком закончено. Но около него уже была площадка очень интересной скульптуры на открытом воздухе.

Поблизости от Вашингтона находится Государственный (“National”) арборетум. Последнее время там директором был Th. Elias (Том Элайс), который был участником и с американской стороны руководителем проекта советско-американских ботанических экспедиций. У меня с ним было довольно близкое знакомство, которое заглохло, когда он стал администратором. В арборетуме мы были, кажется в 1981 г. Тогда там было две интересных коллекции: 1) декоративных форм хвойных – подарок какого-то любителя-богача; 2) растений, употребляемых в быту (это уже преимущественно травы).

За пределами городской черты Вашингтона также пришлось разместиться новостройке – католическому храму, который запроектирован быть выше Капитолия. А выше Капитолия в Вашингтоне здания построить нельзя. Этот храм строится по средневековой технике, из известняковых тесаных блоков, в форме готического собора. Строится уже лет 20, и еще сколько времени будет строиться – нам не сказали.

Сент-Луис (Saint Louis, город Людовика Святого). Был основан переселенцами из Франции и назван в честь одного известного из истории французского короля. Но в начале XIX века продан Францией Соединенным Штатам. Сейчас здесь уже почти не осталось людей, считающих своим родным французский язык. Об истории напоминает памятник Людовику Святому в парке перед зданием Музея.

Вероятно, главная достопримечательность города – огромная арка, возведенная на берегу р. Миссури. Внутри арки ходят вагончики, вверху – ресторанчик и место для осмотра города и окрестностей. В цоколе арки – музей, посвященный истории города. Арка была сооружена недавно, к какому-то юбилею. Вид из смотровой площадки, к сожалению, мало интересен. А вот в музее я узнал, почему Сент-Луис стал американским. Наполеон, ведя войну в Европе и нуждаясь в деньгах, решил продать французские колонии (а они составляли тогда едва ли не такое же пространство, как сами Соединенные штаты!). Вот уж, действительно, гениальность в малом, а бездарность в большом!

Музей искусств в Сент-Луисе, действительно, хорош. Хорошо и здание, и богатство содержания. Но до сегодняшнего дня в памяти у меня сохранилась только коллекция изделий примитивных племен – африканских и полинезийских.

И самое интересное для ботаника – конечно, ботанический сад. Я в нем был 3 или 4 раза, всегда с большим интересом: каждый раз я находил что-то новое. В последний раз (1997) там наметились контуры китайского сада (японский уже был). С интересом я там увидел и уже знакомые мне скульптуры из сада Карла Миллеса в Стокгольме (копии?) и еще ряд скульптур, удачно размещенных. При величайшей активности П. Рэвена на моей памяти построено новое здание гербария, куплен соседний двухэтажный дом – служить гостиницей для приезжих; в мой последний визит в Сент-Луис я в этом доме и жил. Наконец, книгоиздательство. Именно сад выпускает “Flora of China” и иллюстрации к ней и множество книг о растениях, рассчитанных на самый разнообразный круг читателей. В последние годы издательство Миссурийского ботанического сада оформилось как самостоятельное предприятие, и т. д., и т. д. Сейчас будущность нашего сада выглядит очень туманной, и Сент-Луисскому саду мы стали уже неинтересны. Питер Рэвен по возрасту уже не может быть директором. Но вместо того он стал президентом крупного бизнеса – Миссурийского сада и издательства.

У сент-луисского сада есть и загородный участок, именуемый Arboretum Shaw. Это километрах в 20–30 от Сент-Луиса лесной участок на берегу реки – притока Миссури. По речке можно спускаться на лодке и приставать где понравится к берегу. Я там набрал целую серию *Betula nigra* – она,

действительно, причечная; к сожалению, она была без сережек. Там же *Salix carolinensis*.

В гербарии Миссурийского сада мне удалось поработать, но недостаточно. Тем более, что гербарий быстро растет: монтируется и включается в фонд ежегодно 50–60 тыс. листов. В связи с изданием “Flora of China” вырос приток материалов из Китая. В последний мой визит туда мне выложили на стол огромную кипу материала по березам Китая. Но на моей памяти, приезжих китайцев было еще мало, еще больше слышался говор латино-американский – пожалуй, не меньше, чем английский.

Бостон (Boston). Этот город почитается столицей “Новой Англии” – северо-восточных штатов. Но сейчас там очень много китайцев: есть даже целый китайский квартал и остановка метро “China-town”. Через небольшую речку лежит город Кембридж, известный своим Гарвардским университетом. Адреса строго различные, но по существу город один – Бостон.

Гербарий Гарвардского университета – один из важнейших в США и в мире. Он состоит из двух фондов, и, хотя, представители обоих могут встретиться в одной гербарной обложке, штампы на листах различны: Gray Herbarium и Arnold Arboretum. Первый – важнейший для изучения флоры Северной Америки исторический гербарий Аза Грея, второй – гербарий экспедиций арборетума Арнольда, в частности, экспедиций Э. Вильсона в Китай. По материалам последних были выпущены известные “Plantae Wilsonianae”. Ради изучения этих материалов приезжал в Гарвард и я. В Гарвардском гербарии работать легко и приятно. Материалы расположены в основном в систематическом порядке, но разные континенты – в разных обложках. Работающий сам достает материалы, которые ему нужны, и сам их возвращает на полки.

Есть отдельная комната, где можно перекусить – lunch-room с кипятком, чайной и кофейной заваркой, СВЧ-печкой и холодильником. В помещение собственно гербария вносить пищевые продукты строго воспрещается. И наряду с этим я был поражен таким обстоятельством: на обеденный перерыв был назначен семинар с докладом заведующего гербарием об последней экспедиции в Китай. Это было в конференц-зале. И только здесь я обратил внимание на то, что все стулья – креслица с широкими подлокотниками. А на подлокотниках у всех стоит еда. Так “экономится” время: и доклад, и ланч; совмещая свежий кофе со скучным рассказом. Я не удержался сказать, что у нас считается совершенно неприличным, если кто-то, придя на доклад, займется завтраком.

В центре основного квартала Гарвардского университета есть хорошая, большая церковь традиционных форм XIX века. Внутри ее я не был, но звон колоколов – очень звонкий и мелодичный – слышал каждый день. И только недавно узнал, что эти колокола – из московского Данилова

монастыря, и что они вернутся в Москву – будут обменены на новые копии. Самый большой колокол уже в Москве – его показывали по телевизору. Как эти колокола попали в Гарвард? – Очень просто: в 30-х годах по всему СССР колокола скидывали как металлолом. И какой-то американец эти своевременно выкупил и подарил в Гарвард.

У Гарвардского университета есть свой музей с несколькими разделами. В нем очень известная коллекция фарфоровых цветов, с удивительной точностью воспроизводящие живые растения. Работа чешских мастеров. Я был там дважды, купил и книжечку про эту коллекцию. Очень обширен раздел музея, посвященный культуре древней Америки. Очень интересны и своеобразны изделия канадских и аляскинских племен индейцев (они довольно хорошо представлены и в Санкт-Петербургском музее этнографии).

Университетский Музей изобразительных искусств заслуживает отдельного упоминания: там масса вещей, совершенно уникальных. Чего стоят, например, головы от фигур у собора Парижской богородицы, сбитые во время Французской революции в 1789 г.

Но в Бостоне есть и большой городской музей “изящных искусств”. Он хотя и посромнее нью-йоркского, но тоже пользуется мировой известностью, и о нем говорить можно бесконечно. Я там бывал повторно каждый приезд в Бостон. Еще в Бостоне есть отличный аквариум или океанариум, расположенный на берегу моря. Там я впервые видел живых пингвинов, таких малоподвижных на суше и таких поразительно шустрых в воде: как они ловко плавают под водой, гоняясь за кормом!

Arnold Arboretum по существу тоже находится в Бостоне, но на окраине, бывшей самостоятельным поселком Jamaica Plain. Арборетум процветал при директорах Сардженте и Редере, но сейчас как-то завял; во всяком случае, собранием энтузиастов он не выглядит. Я там был в 1997 г. и искал китайские тополя и березы – но почти ничего не нашел. Конечно, арборетум пережил (или еще переживает?) период определенного упадка. Но всё же сохраняет первостатейный интерес. Климат арборетума примерно соответствует климату Киева: и тут и там хорошо растут листопадные магнолии. Но в Арнольд Арборетуме живет такой южанин как шелковая акация (*Albizzia juliarissn*). Целый склон занят гибридами разных мелкоплодных, но весьма декоративных яблонь. Такими яблоньками, со сформированной кроной, обсажены и некоторые улицы университета. На территории университета есть и ряд для нас весьма экзотичных видов: тюльпанное дерево (*Liriodendron*), листопадные магнолии, *Parrotiopsis*, *Fothergilla*, *Albizzia*, *Cercidiphyllum*.

Мне подыскали комнату с питанием у сотрудника “Flora of China”, работающего в Гарвардском университете, Антони Браха (Anthony Brach).

У него свой домик в поселке совсем близко от Бостона; до этого поселка доходит линия бостонского метро. Но от дома до станции метро ходьбы около 0,5 часа, и хозяйка возила меня туда и вечером оттуда на машине. Сам Антони был по отцу поляк и потому правильный католик; жена же его была китаянка. Два их сына-подростка белокожие, но косоглазые.

Рядом с поселочком был небольшой участок дикой природы. Один раз мы с Антони туда сходили, и я пособирал гербарий. Он же свою местную флору знал совсем мало и как-то не проявлял к ней интереса. Что бывает очень часто, и у нас в России кто-то работает в ботаническом учреждении, но к растениям он безразличен. Зарплата идет, прожить можно – ну, и больше ничто не нужно. Мне кажется, что такой взгляд у нас очень распространяется среди научных работников, теперь в большинстве людей мало имущих, занятых мыслями не столь о науке, как о том, как бы “свести концы с концами”.

В 1976 и 1981 г. мы смогли посетить частные резиденции бывших президентов США: Т. Джефферсона и Ф. Д. Рузвельта. Дом Джефферсона постройки еще XVIII века находится в предгорьях Аппалачей, на высоком холме с широким обзором пейзажа. Джефферсон – один из первых президентов США – жил еще в рабовладельческую эпоху и сам был рабовладельцем. Однако почитается как один из создателей американской демократии. Ф. Д. Рузвельт жил уже совсем в другие времена, и выглядит его дом почти современным.

Но как это всё ни интересно, большую часть времени у наших экспедиций занимала работа в поле и забота о собранном материале. Во всех посещенных районах я старался собрать как можно больше гербарных образцов, а ивы, березы и тополя – особенно. Я стремился собрать и кипрей, но они часто попадались только на Аляске. Всего мне удалось посетить, ознакомиться с природной растительностью и собрать гербарий в 11 штатах: Нью-Йорк, Нью-Гэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Виргиния, Северная Каролина, Миссури, Колорадо, Юта, Аризона, Аляска. Гербарные материалы обработаны только еще частично. Тополь, ивы и березы, которые я собирал особенно внимательно, не все определены, но все выделены, смонтированы и хранятся в моих специальных коллекциях этих родов. Ивы, которых из Америки набран целый шкаф, вместе с полученными по обмену, представлены 4–5 тыс. листов.

Подробно рассказывать о том, что довелось видеть в растительном мире Америки – было бы долго и скучно. Такой рассказ хорош только когда он иллюстрируется на экране. Поэтому кратко остановлюсь только на том, что особенно запомнилось.

Сперва о восточной части Америки. Здесь я был на гольце горы Вашингтон, что в системе Белых Гор в штатах Вермонт и Нью-Гэмпшир. Гора высотой 1900 м, но предел леса на 100–200 м не доходит до вершины.

Растительность гольца поражает сходством с горными тундрами Скандинавии. Тут есть и голубика, и *Diapensia lapponica*, и *Rhododendron lapponicum*! Почти до вершины горы ходит поезд с особым устройством вагонов, но можно добраться и на машине.

В других горах – Адирондакских в штате Нью-Йорк вершины до верхней границы леса не доходят, есть только тундроподобные пятна на скалах. Здесь зато хорошо развитые субальпийские леса с зеленой ольхой и довольно крупнолистной березой, почитаемой некоторыми американскими ботаниками за вид (или хотя бы подвид) отличный от обычной *B. papyrifera*. Ниже субальпийского пояса идет темнохвойный лес.

Между штатами Вермонт и Нью-Йорк находится озеро Шамплейн (Champlain, иначе Чэмплейн); мы по нему плывали. Озеро любопытно тем, что в него когда-то попал гибрид европейских *Typha latifolia* и *T. angustifolia* и стал неукротимо разрастаться, но не цветет. Также заносный в озере плавает *Trapa natans*. А на берегу, на стороне Вермонта, я первый раз увидел живую карию и собрал с нее зрелые плоды. Они положили начало разведению карий в ГБС.

Воды озера Шамплейн уходят в р. Св. Лаврентия, в Канаду. И я заметил, что по дороге к озеру попадаются французские надписи–указатели. Значит, уже тут есть некоторое французское население.

Если на склонах гор в Вермонте и Нью-Гэмпшире – темнохвойные леса, сходные с нашими, то ближе к Нью-Йорку на низменности – уже лес широколиственный, а по рекам рощи платана. Таков ландшафт у арборетума Кэри – филиала Нью-Йоркского ботанического сада – где мы остановились на день. Собственно говоря, это в очень малой степени арборетум, скорее просто заказник. В 1976 г. здесь работал Том Элайс, который с американской стороны был координатором наших экспедиций. Это примерно 80–100 км севернее Нью-Йорка.

Необычайно интересной оказалась экскурсия на остров Лонг-Айленд. Из атласа распространения деревьев в США я узнал, что одно из самых северных местонахождений *Populus heterophylla* находится на Лонг-Айленде и просил коллег из Нью-Йоркского ботанического сада устроить туда экскурсию. Остров примерно до половины заселен и застроен жителями Нью-Йорка, а дальняя половина еще сохраняет в значительной мере свою первобытность. И, действительно, там растет *P. heterophylla*. В топком болоте, дает обильную корневую поросль, есть и старые деревья с очень характерной корой (образцы я взял). Взял и несколько укорененных отростков. Два из них доехали живыми до Москвы. Две зимы жили в оранжерее, затем я высадил на грядки питомника. Еще 2 зимы зимовали, обмерзая до уровня почвы. Потом замерзли вовсе.

На Лонг-Айленде еще очень интересны болота: они характерно мелкие,

есть и торфяные, и засоленные у моря. Интересны боры на тощем песке с тощей сосной и под ней со сплошным покровом комптонии. Комптония, похоже, целиком зависит от микоризы, и в Москве не прижилась.

На континенте также были как-то на болоте. Есть и сфагн, но как-то его заслоняют более крупные растения в частности, саррацении.

Где-то, кажется, в штате Нью-Йорк, мы проезжали и через лиственничник – на довольно бедных песчаных почвах и с олиготрофными компонентами, вроде *Lyonia*.

Самое южное место, где я побывал на восточной стороне Америки – это Северная Каролина; здесь в городке Чэпел Хилл есть и ботанический садик. Здесь леса уже носят совершенно южный, незнакомый нам характер: тут и широколиственные породы, и сосны. Меня поразило, что в безлесных прериях здесь травянистые растения за лето достигают 3–4 метров высоты!

В Виргинии мы были на биостанции Маунтин Лэйк. Здесь местность немного выше, и леса в основном широколиственные, сравнимые с южными лесами, например, на Кавказе. Здесь же показали деревенскую усадьбу XIX века. Хозяйственные постройки, водяная мельница; характерен забор – из расколотых вдоль стволов больших деревьев. Основное дерево для всех сооружений – каштан (*Castanea dentata*). А ныне каштан в США почти исчез – нам не смогли показать ни одного взрослого плодоносящего дерева. А вот у Мичурина в Мичуринске каштан цвел и плодоносил. А теперь цветет и плодоносит в ГБС. Вредоносный грибок либо еще к нам не попал, либо наш климат для него не годится.

Был я также в лиственном лесу на плато Озарк в штате Миссури. Общее впечатление – как у нас в расстроенных лесах, только все виды растений другие. По словам наших американских спутников, население здесь очень консервативно, и коллеги боялись отпускать нас странствовать без сопровождения.

Самая экзотичная экспедиция была в 1981 г. Мы начали с юга штата Аризона. Здесь ландшафты – мозаика лесов, в значительной мере жестколиственных пород и сухой прерии. Место холмистое и неудобное для земледелия, хозяйство в основном пастбищное. Но и оно ограничено количеством осадков, а это количество наперед не предсказуемо и очень колеблется; поэтому держать скот приходится ближе к минимуму, чем к максимуму. Земельные владения здесь ограничены 20 000 гектар. Мы были в гостях у подобного богатого фермера.

Около г. Тусона (Тухон) есть музей пустыни и кое-какие местные или привезенные растения пустыни Сонора (*Sonora*). Пустыня подступает к самому городу. Основу растительного покрова пустыни составляют кактусы – самых различных форм и размеров. Особенно поражают, конечно, колонновидные кактусы *Carnegia*, достигающие 12–15 м высоты.

И довольно много разных ксерофитных кустарников. Судя по фотографиям, весной (особенно если она выпадает влажной) вся пустыня одевается покровом цветущих однолетников.

После нескольких остановок по пути на север штата Аризона, наша экспедиция добралась до национального парка Большой каньон р. Колорадо. В парке 3 части: средняя – собственно каньон с крутыми, местами отвесными стенками, глубиной почти 2 км. Южный край – в значительной мере опустынен, северный заметно выше, и растительный покров на нем уже вполне мезофильный. На обеих сторонах каньона туристские домики. Самостоятельно путешествовать тоже можно, но только по определенным маршрутам.

Дальше штат Юта (Utah). По крайней мере, в своей южной части это страна экзотических пейзажей и всевозможных контрастов. Формы аридного выветривания известняков, гипсов, песчаников, конгломератов создают самые причудливые ландшафты. И все эти формы разноцветные: белые, серые, голубоватые, но чаще всего красные. В Юте мы посетили национальные парки Зайон (Zion), Брайс Кэнион (Bryce Canyon), Седар Брэйкс (Cedar Breaks), Арки (Arches) и Страна каньонов (Canyon lands). Разнообразный рельеф несет и разнообразные растения: с 2800–3000 м начинается пояс хвойного (елово-пихтового) леса.

Дальше штат Колорадо. Здесь, прежде всего, поражает резкость перехода от одетых лесом гор к низменной, сухой плоской прерии. И на этой разделительной грани стоит самый высокий (до 4400 м) хребет Скалистых гор – Передовой (Front Range). Поражает и бедность лиственных пород и сугубо подчиненное значение тех, которые есть. Кроме разве осины (*Populus tremuloides*), которая занимает довольно большие площади на месте вырубок хвойного леса. Большая часть прерии распахана, однако мы смогли посетить и участок заповедной целинной прерии с господством совсем низенького злака – буйволовой травы (*Buchloe dactyloides*). Эта травка специально приспособлена к тому, чтобы выжить на пастбище, где трава обкусывается почти до корня.

Ботанический сад в г. Денвере – новый, интересный, быстро растущий, но пока чисто демонстрационный, без особой науки (но это было в 1981 г.!).

И еще мне в 1989 г. довелось странствовать по Аляске. Но я об этом уже раньше вкратце рассказал.

Из моих заграничных путешествий еще осталось рассказать об Индии. Но не знаю, как к этому делу подступиться. Повествовать можно бесконечно: как-никак, я пробыл в Индии 5 месяцев, и там не сидел на месте. Но без картинок самому рассказчику станет скучно. Стало быть, пока отложу.

Юрцев Борис Александрович

Был моложе меня лет на 9–10. Но вот его уже нет. Еще успел поставить свою подпись под статьей в Ботаническом журнале, посвященной моему 85-летию, но до выхода в свет этой статьи не дожид.

Я еще помню его студентом 1 курса. Мы пешком вместе возвращались с какого-то заседания на кафедре геоботаники, и я его звал на чашку чая и погреться около топящейся печи (дело было на Полянке). О чем был разговор – не помню. Боря был любимец кафедры: он пришел из кружка дома пионеров от известного тогда талантливого ботаника – педагога Н. Г. (кажется, так) Рычина, который поставил кафедре и еще несколько зараженных ботаникой молодых душ, в их числе и Г. М. Проскурякову.

Однако еще владычествовал лысенковский дух, а Боря был мастер сочинить эпиграмму и вообще был сугубо беспартийным. Поэтому, хотя он был, безусловно, талантливее любого выпускника кафедры за последние 10 лет, в аспирантуру в Университете его не взяли. Но он поехал в Питер, и там стал аспирантом в учреждении, не худшем, чем кафедра геоботаники МГУ – в Ботаническом институте Академии Наук у тогда возглавлявшего сектор Арктики Б. А. Тихомирова. Сидел над диссертацией Боря Юрцев очень долго – лет 6 или 7. Но зато ему сразу присудили степень доктора. Тем временем в БИНе сформировалась группа молодых активных исследователей Арктики, в которой появилась идея создания “Арктической флоры СССР”. Для участия в ней в качестве главного редактора был приглашен профессор университета А. И. Толмачев (которого однако на основную работу в БИН не брали). Но ни Б. А. Тихомиров, ни А. И. Толмачев не дожили до выхода выпусков “флоры”. Фактическим руководителем группы стал Боря Юрцев, и он вел дело настойчиво и уверенно. “Арктическая флора СССР” в 11 выпусках вышла в свет и в 1989 году получила Государственную премию СССР по разделу науки.

В 1990-х годах все контакты нарушились, каждый в своей норке был озабочен, как бы ему и семье уцелеть. И у меня: если до того я каждый год свободно проводил время в БИНе – то теперь этому пришел конец. Последний раз я видел Бориса Александровича в июне 2000 г., когда приезжал в БИН на защиту докторской диссертации. У Бори была удалена с одной стороны околушная железа, и соответственно парализован *nevus facialis* и перекошено лицо. Но он продолжал активно работать.

С женой Бори я был мало знаком (хотя она тоже была ботаник). Еще у них была дочь – но ее я вовсе не знал.

Не знаю, был ли Боря верующим и какой веры (его мать была еврейка, пианистка в каком-то скромном оркестре, а отец мне неизвестен). Но,

вспоминая его, желаю его душе доброго успокоения. И еще хочу пожелать, чтобы в русской ботанике появились и еще столь же преданные науке и добросовестные работники, как Боря Юрцев.

Павел Александрович Смирнов

На моей памяти был доцентом кафедры геоботаники МГУ и научным направляющим флористической и гербарной работы на кафедре. Вел большой практикум кафедры по этим разделам; однако к другим разделам работы кафедры относился без большого уважения. Особенное внимание студентов направлял на различение злаков в вегетативном состоянии, особенно ковылей, которыми специально интересовался.

На моей памяти, он жил один, сам себя обслуживал и содержал в порядке. Характера был крутого, хотя без причины не придирался. Свои знания и свой вклад в ботанику ценил; почти все они подытожены в его “Флоре Приокско-террасного заповедника” – “Flora Lushkensis”. Летний сезон, а наездом – частью и зимой – он проводил в с. Лужки, на Оке под Серпуховом, где снимал полдома с отдельным входом и с печкой. В Лужках он был радушным хозяином, и я несколько раз бывал у него по 2–3 дня. Все хозяйство у него было рационализировано; даже хлеб он пек свой по своему рецепту.

Была ли у него когда-нибудь жена? Никто не знал: все считали его закоренелым холостяком. Детей же точно не было.

П. А. был настоящий Учитель. Я думаю, лекции читать он просто не смог бы. А при растении в руках он мог не только помочь усвоить деталь, он мог воспитать студента. Поэтому я считаю его своим учителем. Конечно, я понемножку чему-то научился и от многих других ботаников, но от П. А. Смирнова я получил много – самую закваску. Ему, конечно, надо было дать степень доктора: его суждения пользовались авторитетом как у студентов, так и у преподавателей. Но завершить какую-нибудь диссертацию он органически не мог.

Владимир Николаевич Сукачев

Об В. Н. Сукачеве как видной фигуре геоботаники и лесоведения, я уже слышал в первые годы моего общения с кафедрой В. В. Алехина, т. е. 1945–1946. В конце войны в контексте общего подъема науки В. Н. Сукачев был избран в академики и под него в рамках Академии Наук был организован Институт леса. (До этого он был в Ленинградской лесотехнической академии). Как ботаника до этого я его знал по руководству по дендрологии и по большой статье, написанной им еще в молодые годы – о флоре и растительности Арчадинских песков.

Но наступила лысенковщина. Сукачев, будучи редактором

Ботанического журнала, пытался свести дело к рамкам корректной дискуссии. Но – куда там! Вскоре и Институт леса должен был переселиться в Красноярск, а в Москве оставили именно для Сукачева Лабораторию лесоведения (она и сейчас существует в с. Успенском под Москвой). Кроме Лаборатории, “дед” еще копошился у себя на даче под Звенигородом. А в Рублевском лесничестве у него были опытные деланки ив, где он занимался отчасти гибридизацией, отчасти селекцией на гибкий прут.

В середине 50-х годов, когда мой интерес сконцентрировался на ивах, и я начал создавать коллекцию ив в ботаническом саду МГУ, я естественно явился и к Сукачеву. У него главное место занимали ивы из группы *S. viminalis*; в частности, тут были и позднейшие экотипы с Нижней Волги. Как известно, на нижней Волге – по крайней мере, до строительства плотин – был очень поздний и очень растянутый паводок. Так, будучи в дельте Волги летом 1947 г., я мог наблюдать, что весь май и значительную часть июня паводковая волна непрерывно нарастала, и окончательный уровень установился только в начале июля. И вот как на это ответили в своей микроэволюции приречные ивы: образовались экотипы, которые сидят под водой около месяца и распускаются только при спаде паводка. И эту особенность кусты *S. viminalis* сохраняют даже, будучи выращены из черенков в Москве! И у меня в ботаническом саду МГУ были полученные от В. Н. такие экотипы! Понятно, в наших условиях они совершенно не конкурентоспособны, и через несколько лет вовсе пропали.

Но самое интересное, на мой взгляд, в Рублевском лесничестве у Сукачева был ряд расщепления в F₂ гибрида *Salix pyrolifolia* B. *pendula* × *S. rosmarinifolia*. Тут же присутствовали и сами виды – родители. Этот осязаемый факт, по-моему, гораздо значительнее, и интереснее, чем всяческие сказки, сочиняемые насчет гибридогенного видообразования.

В. Н. Сукачев был очень приветлив, любезен и прост в обращении. Мне раза 2–3 довелось быть и у него дома (на углу тогдашней Б. Калужской ул. и Выставочного переулка), раз даже обедать. И там было очень просто. У него была своя комната, целиком заваленная книгами. И что характерно для старого интеллигента (я встречал это еще у В. В. Сахарова): 80-летний “дед” при прощании подавал мне, 40-летнему крепкому мужику, верхнюю одежду.

В. Н. легко согласился выступить оппонентом на моей докторской защите “Ивы СССР” – в МГУ в 1966 г. Но он требовал, чтобы защита состоялась до лета. В первой половине июня она-таки и состоялась. А в декабре того же года В. Н. Сукачев скончался...

Ни от кого я не слышал слов порицания в его адрес...

Вскоре после смерти В. Н. я был назначен в комиссию по разборке оставшихся от В. Н. научных материалов (председателем комиссии был Е. М. Лавренко). Мне достались папки относительно ив и еще – для меня

совсем неожиданно – и кипреев. Оказывается, В. Н. интересовался местными кипреями, а также и заносными сорными. Но до каких-либо заключений дело не довел. Результаты же по изучению позднейших экотипов ив, полученные В. Н. и еще не опубликованные, я изложил в своей статье в “Бюллетене МОИП” (1980).

Николай Николаевич Цвелев

Впервые встретил Н. Н. я в начале 1950-х годов. Он вернулся из Армии и поступил в аспирантуру в Ботанический институт в Питере к С. В. Юзепчуку. Уже тогда он в основном специализировался по злакам. Помню, я тогда советовался с ним по поводу одной полевицы (*Agrostis*), собранной мной в районе Денежкина Камня.

После смерти С. В. Юзепчука, бывшего в БИНе значительной фигурой, его место занял Н. Н. Цвелев. Ему не повезло с семейной жизнью: он пережил двух жен, и его единственная дочь как-то разошлась с ним из-за мачехи. Но на поприще ботаники, в частности, систематики, в БИНе никто не может с ним сравниться.

Как говорил сам Н. Н., он от меня отстает на 5 лет и непрерывно догоняет. Стало быть, сейчас ему 82. И вот И. А. Савинов, только что вернувшийся из Петербурга, рассказывает о своем приезде в БИН: начало официального рабочего дня. Но на своем месте появился еще только Цвелев. При невероятной трудоспособности и столь же невероятной памяти он, конечно, превосходит своих коллег в БИНе – да и не только в БИНе.

Раза 2–3 мне случилось быть с Н. Н. на флористических экскурсиях. Острота глаза у него (по крайней мере, была) замечательная. И он очень ревниво следит за тем, чтобы он заметил растений не меньше, чем другие участники экскурсий. Помню, как-то – кажется, в такой экскурсии на Пицундском мысу я обнаружил мелкую тварь – *Aphanes arvensis*, а он ее еще не заметил! Так было прямо-таки заметно, что Н. Н. к этому обстоятельству ревнует. Из коллег, с которыми мне случалось быть на экскурсиях, только у А. П. Хохрякова “глаз” мог сравниться с цвелевским.

У меня с Н. Н. с самого начала нашего знакомства самые хорошие дружественные отношения. И это несмотря на то, что по целому ряду ботанических вопросов у меня с ним прямо противоположные точки зрения. Это отмечал и Н. Н. Но при встречах жалко тратить время на дискуссии, явно бесплодные, поскольку каждая сторона тверда в своих убеждениях. Кроме того, нельзя не отметить большой доброжелательности и “веротерпимости” Николая Николаевича.

Иосиф Иосифович Сикура

В 70-х годах у нас представил к защите свою докторскую работу И. И. Сикура – заведующий отделом природной флоры в Киевском академическом саду. До этого я с ним был почти незнаком, но потом слышал, что он с защитой где-то провалился. И, действительно, в его диссертации было немало простых несуразностей, особенно в отношении сравнения климатов Ашхабада и Киева. Растерянный и подавленный провалом, Сикура появился у нас. Но в диссертации было немало и интересного, меня попросили быть оппонентом. Но для этого нужно было немало в диссертации выправить; я все это отметил. Сикуре повезло: согласился быть оппонентом Р. В. Камелин – человек сведущий во флоре Средней Азии, но мало знакомый с проблемами ботанических садов. И у нас в ГБС Сикура благополучно защитил. С тех пор он очень старался оказать какую-либо услугу мне. И таких случаев было три. Во-первых, он пригласил меня в поездку их ботанического сада на восток Украины – в Донбасс и на Азовское море. Второй раз мы ездили на 2 машинах – нашей и его – по Волыно-Подолии. И третий уже без машины мы ездили с ним по Подкарпатья группой: с ним еще С. В. Клименко, а со мной – Галя. Последний раз было уже незадолго до развала СССР.

С тех пор мы не виделись, но И. И., помня мой день рождения, меня поздравляет и повторяет приглашение в Киев. Мы в 1991 г. хотели поехать в Киев с внучкой Таней. Но тут уже началась заваруха, и мы от поездки отказались. Что касается меня с Галей – то это уже наверно навсегда, но Таня, надеюсь, в Киеве когда-нибудь побывает.

И. И. Сикура свободно и правильно говорит и по-украински, и по-русски (его жена родом из Москвы), и по-венгерски. Когда мы были в городке Виноградов, населенном преимущественно венграми, я смог в этом убедиться. Его мать была венгеркой, и в Мукачево на кладбище он заходил на ее могилу.

Во время Чернобыльской катастрофы Сикура (как и С. В. Клименко) присылали к нам своих дочерей – “стажироваться”. Обе девицы скоро после того вышли замуж и родили детей, значит, побывать в Москве было нелишне. Однако дочка Сикуры через мало лет с мужем развелась, не знаю, как дочь Клименки.

Перейдя в какой-то другой институт, имеющий дело с растениями, Сикура издал две книжки по старой, но еще не совсем забытой теме интродукции. Полиграфически книжки выглядят слабо, но все-таки изданы!

Пожалуй, Сикура – единственный коллега из нового “Зарубежья”, с которым я еще поддерживаю связь. Все остальное с наступлением ельцинизма как-то заглохло. Еще и мои немочи: за 7 лет – 7 вывозов на “Скорой”. Когда

я был в Швеции, мне рассказывали, что когда-то полуостров был занят единым государством. Норвегия долго боролась за независимость от Швеции. А теперь, говорят, все социальные перемены, происшедшие в Швеции, через 2–3 года происходят и в Норвегии. Так ли будет и в случае Россия – Украина?

Наталья Владимировна Старова

С Н. В. Старовой я познакомился в начале 70-х годов, когда я еще только осваивался в ГБСе. Она защищала у нас докторскую диссертацию по селекции тополей и ив, а я был оппонентом.

Года через 2–3 Н. В. пригласила нас с Галей побывать у нее на рабочих плантациях на Украине. Но сама она жила под Харьковом. Еще перед своей защитой она пережила огромную горе: погиб ее сын – уже взрослый. Как – мы не расспрашивали, но чувствовалось, что это горе она старается заглушить напряженной работой. Еще у нее осталась дочь. От нее Н. В. дождалась внуков и даже правнуков. И дома обстановка у них была довольно неровной. Из Харькова на машине мы проехали к Полтаве, осмотрели там исторические места, связанные со сражением под Полтавой при Петре Великом, хороший музей художественных ремесел, и стоящие на высоком берегу над долиной Ворсклы усадьбу Коцюбинского и большую церковь в стиле украинского барокко. Затем проехали через гоголевские места – Миргород, Большие Сорочинцы и, наконец, Диканька. К сожалению, гоголевский музей уже оказался закрыт. Ночевать мы поехали в Кобеляки (к югу от Полтавы).

На плантациях, конечно, побывали, но они не оказались чем-либо особенными, и как-то в памяти не сохранились.

Еще через немного лет мы узнали, что Н. В. развелась со своим мужем и переменяла работу – с Украины на Уфу. В Уфу она нас тоже пригласила. Там у нее дела пошли в гору: появились молодые сотрудники, и по лесному институту, и по ботаническому саду, которым Н. В. стала заведовать.

В Уфе мы опять-таки побывали в интересных местах: в очень богатом минералогическом музее, в небольшом, но заслуживающем внимания, доме М. В. Нестерова, в котором сейчас скромный художественный музей. Наконец, в духовном управлении мусульман Европейской части СССР; возглавлявший ее муфтий оказался очень любезным и простым в обращении человеком, он провел нас по всем основным помещениям своего ведомства и очень просто объяснил основную разницу в вере мусульман и христиан.

Дальше мы совершили бросок через Уральский хребет по новому шоссе Уфа – Челябинск, но, недоезжая Челябинска, повернули к югу к городку Учалы, а дальше в башкирское село (название забыл), где находились детально обследуемые Н. В. участки лиственничного и соснового леса.

В этом селе переночевали, но на следующий день сделали бросок в сторону Белорецка, где еще есть густая еловая тайга.

В Уфе, однако, развернулось не столько лесо-селекционное направление деятельности Н. В., как экологическое, и последняя книжка, подготовленная ей уже незадолго до смерти, посвящена именно лесу как индикатору условий среды.

Приезжая в Москву, Н. В. обычно заезжала к нам в Измайлово. Несмотря на уравновешенность общих разговоров, в ней всегда чувствовалась внутренняя напряженность – то ли врожденное свойство характера, то ли следствие давних семейных травм. Мир праху её!

Немецкие профессора Мойзель и Егер

Впервые с профессором Мойзелем (Hermann Meusel) я познакомился еще в 50-х годах, когда он заехал к нам в университетский сад вместе с молодым своим ассистентом Егером. Они оба были в Индии и как люди “социалистической” зоны должны были пользоваться только самолетами этой же зоны; проще сказать, с пересадкой в Москве. Гости подивились небывалой величины глыбам в нашем альпинарии и высказали сожаление, что контактов между советскими и восточно-германскими ботаниками почти нет. При моем знании немецкого языка я оказался им подходящей фигурой для приглашения в Восточную Германию (ГДР).

Однако бюрократические преграды, как на советской, так и на немецкой стороне им удалось преодолеть только через года 3, и в 1964 г. я, наконец, получил приглашение на посещение ГДР сроком 2 недели. После прохождения всех формально-партийно-бюрократических процедур поздней осенью я все-таки выехал. Поездка оказалась очень содержательной. Мойзель возглавлял институт (по-нашему кафедру в университете) г. Галле, и, пользуясь моим интересом к историческим памятникам, организовал для меня целую сеть поездок по городам ГДР, что избавляло его от необходимости проводить разные семинары, дискуссии и иную сидяче-говорильную деятельность. Я побывал в Мерибурге, Кведлинбурге, Наумбурге, Лейпциге “Ипе, Веймаре, в Скасонской Швейцарии” – песчаниковых скалах над р. Эльбой.

Группа Мойзеля работала над огромным трехтомным атласом ареалов европейских видов растений с целью показать их географические связи и сродства. Три тяжелых тома этого труда лежат в моем рабочем кабинете в ГБС. Но я очень редко в них заглядываю. Разномасштабность и разнозагруженность карт и некоторые заложенные в работе идеи очень затрудняют пользование этим поистине титаническим трудом. Главным исполнителем этого труда был Экехард Егер – молодой перспективный ученый, типичный обладатель всех положительных качеств,

приписываемых немцам, и красавицы жены – венгерки. Однако именно жена мешала его проявлению как образцового немца, и вскоре он с ней развелся. Вторая жена была дочерью пастора и настолько же образцовой немкой, как и сам Экехард.

В ГДР я был еще раз или 2 на каких-то симпозиумах. А когда мы получили от ГБС новую квартиру в 1975 г. и стало возможно приглашать к себе иностранцев, а тем самым появилась возможность и самим поехать без ученой программы, Мойзель пригласил меня с Галей частным порядком. На этот раз содержание поездки оказалось еще более обширным; тут и гербарные сборы, и посещение уже знакомых, а еще дальше – и дотоле незнакомых замечательных мест. Конечно, опять Саксонской Швейцарии, но вновь и музеев Дрездена. Только в Берлине в большой музей искусств мы не попали: было какое-то общественное событие, и музей не работал. Также постигла неудача и с Потсдамом: мы не предвидели, что туда ехать надо было кружным путем, очень долго. Сеть поездов по стране для нас опять подготовил Мойзель: куда мы приезжали, мы знали куда обратиться, кто нас примет на ночь. В этом отношении Мойзель был, конечно, талант.

На этот раз мы познакомились с семейной жизнью немецких коллег. Образцом здесь, конечно, оказалась семья Егеров. У них было 2 детей. Frau Jaeger, как дочь пастора, могла рассчитывать только на выбор профессии в сфере благотворительности, и она к этому относилась спокойно. И вообще Егеры оказались внешне суховатым и ригоричным домом, но по существу были очень милыми и доброжелательными людьми.

Когда Мойзелю стукнуло 70 лет, его юбилей отпраздновали; мне прислали фото, где Егер от имени коллектива поздравляет Мойзеля. А затем Егер стал сам профессором, а затем Мойзель скончался, а Егер по возрасту должен был оставить службу. Так всё течет...

Вадим Николаевич Тихомиров

Первые 2–3 года работы в Университете я числился в составе специальной группы строителей. Когда сад был официально построен и “принят”, меня причислили к кафедре высших растений. У меня сохранилось фото тех лет: в центре заведующий кафедрой К. И. Мейер, преподававший в Университете еще до революции; будущие двое заведующих кафедрой, Л. И. Кудряшов и Н. Н. Каден сидят среди других сотрудников, верхний край занимают студенты кафедры, а на обочине группы стоит В. Тихомиров (тогда, кажется, уже аспирант) и Ваш покорный слуга.

В. Н. Тихомиров отличался энергией, организаторской хваткой и вместе с тем горячей приверженностью флористике. Причем его интересовали, в основном не какие-то отдаленные экзотические районы, а прямо ближайшее соседство Москвы. В начале 60-х годов и В. Н. Ворошилов, уже работавший

в ГБС, еще не совсем отошел от экскурсий по Московской области. К ним присоединился и я – и в 1966 г. вышел наш “Определитель растений Московской области” – как будто хорошо удавшийся и хорошо встреченный. При этом почти всю организационную техническую работу, связанную с изданием книги, взял на себя В. Н. Тихомиров.

Однако совместных экскурсий с В. Н. у меня было мало: припоминаю только две: в район Егорьевска и в Луховицы – Фруктовую – Белоомут. В 70-х годах была проведена кампания по выделению ботанических заказников в области. И вот тут наша группа ботаников ГБС взяла на себя западные районы области, а университетская – восточные. В какой-то мере это разделение интересов продолжилось и далее.

Став заведующим кафедрой, В. Н. расширил сферу своего интереса и влияния еще дальше на восток, особенно в Рязанскую область и в Мордовию. В Вузах Рязани и Саранска возглавляют кафедры ботаники прямые ученики В. Н.

К сожалению, В. Н. был, особенно в пожилом возрасте, злостный и неисправимый курильщик. И за это жестоко расплатился. Поехал в Америку, но там почувствовал себя плохо; обратился к врачу, и тот сразу определил рак легкого. В. Н. тотчас вернулся, проделал разные курсы лечения. Оттянул развязку, но все равно она пришла. Хотел кого-то подготовить себе на смену на кафедре, но не успел.

Проживи В. Н. еще 10–15 лет, он успел бы сделать еще много больше. Но и так он остается выдающейся фигурой в деле познания и сохранения растительного мира как нашего важнейшего национального достояния.

Да будет ему земля легка!

Галина Михайловна Проскуракова

В 1949 г., когда, с одной стороны, уже торжествовали свою победу лысенковцы, а с другой – царила еще определенная неразбериха, мне разрешили провести лето в разъездах по Европейской части для сбора материалов по новой утвержденной для меня теме: “Сравнительное изучение клеточных элементов соединительной ткани и крови у млекопитающих”. В июне я был в Саратовской области; в июле собирался поехать в Курскую и теперешнюю Липецкую (тогда часть Орловской). На этот месяц мне даже дали деньги взять с собой студента. По совету “кафедральной бабушки” Н. Л. Соколовой я взял Галю Проскуракову, окончившую тогда, помнится, первый курс университета.

Мы поехали своим ходом, с очень малым снаряжением, рассчитанным только на ношение в рюкзаке, по “святым местам” среднерусской флористики: от меловых сосняков на р. Осколе – до Галичьей Горы; в продолжение моих исследований захватили и часть Рязанской области – в основном по р. Проне.

Тогда еще транспортные возможности были ограничены железной дорогой и попутным (кое-где очень ненадежным) грузовым транспортом, нередко с довольно громоздким грузом, вроде бревен. Зато найти ночлег можно было фактически везде – если в “рай-центре” – то в “домах колхозника”, а если в простой деревне – у жителей. А после сенокоса – в копнах сена, еще не вывезенного с поля. Чай – всегда свой в котелке на костерчике, а прочая еда – где и как доведется; во всяком случае, мы в своих странствиях не голодали. И, наконец, мытье – в речках и ручейках.

Цельми днями на воле – это, конечно, замечательно. Но при пешем хождении возникают и трудности – и с погодой, и с тем же транспортом, и с едой. Нужна выдержка. И, надо признать, Галя Проскурякова стойко все трудности выдерживала; без жалоб, даже старалась именно показать, что ее выносливость и терпеливость не хуже моих.

После путешествий по Средней России я уже нацелился на уход в систему заповедников, а Галя ездила с С. В. Викторовым в Туркмению. Потом прошла аспирантуру у А. А. Уранова и защитила диссертацию о флоре Большого Балхана (в Туркмении).

А потом мы вновь встретились в гербарии ГБС. В 1972 г. Цицин предложил мне съездить, в порядке научного обмена, на 3 месяца в Индию, вдвоем – т. е. выбрать себе попутчика. Цицин был председателем существовавшего тогда (в основном на бумаге и в виде нескольких чиновников) Общества советско-индийской дружбы; поэтому его приглашение было вполне серьезно. В качестве спутника я, конечно, сразу выбрал Г. М. Проскурякову.

Про Индию можно говорить бесконечно. Упомяну только обстоятельства приезда в Дели. К самолету пришел нас встречать коллега из Института ботаники, нас поместили в Дели в гостинице с кондиционированием воздуха – иначе нам бы там не прожить. На следующий день – встреча с держателем финансов представителем “ИДС” (University Grant Comission) мистером Лалом и советником по культуре из советского посольства. Тут оказалось, что наш советский чиновник всячески хочет ограничить наши поездки по Индии, а мистер Лал всё готов нам предоставить. Так мы договорились с мистером Лалом, что мы объедем чуть ли не всю Индию; я немножко уже читал про Индию и называл желательные места с некоторым пониманием; мистер Лал это уловил, и мы с ним нашли общий язык. Так мы объехали Индию почти по кольцу: Кашмир – Муссурш и Дехра Дун – Агра – Лакнау – Дарджилинг – Бхубапешвар – Мадрас – мыс Коморин – Тривандорм – Бомбей (и из него Элура и Аджакта).

Второй раз мы с Г. М. Проскуряковой были в Индии в 1979 г. На этот раз я выбрал поехать весной. Но за весной последовало лето – для нас страшное, даже при наличии кондиционированных гостиниц. И потом

любезного мистера Лала не было, а вместо него малолюбезный мистер Мал. Так что на этот раз мы после 2 месяцев решили уехать. Хотя, конечно, интересный материал тоже был собран.

Галина Михайловна была живым собеседником, любила рассказать о каком-либо событии с известной долей юмора и поэтому была (по крайней мере, у нас в отделе) душой общества. Ей очень удавались в таком стиле выступления на телевидении с рассказами о разных природных явлениях.

Смерть взяла Г. М. возмутительно рано. Главное – после первой операции рака грудной железы прошло 5 лет, и ее сняли с учета, как “выздоровевшую”. А буквально через 2–3 месяца у нее обнаружили развитые метастазы... Не могу не сказать об онкологическом центре: там чисто, тихо, просторно. В палатах по 1–2–3 больных. Но общая душевная атмосфера – невыносимо тяжкая. О чем думают, о чем говорят между собой пациенты? Посетителю невыносимо тяжело – а им как?

Кто еще жив – не забудет живого, общительного образа Галины Михайловны!

Ирина Иосифовна Русанович

Ирина Иосифовна посещала мои факультативные лекции на кафедре высших растений (небольшой курс из 5–6 лекций я читал по предложению еще К. И. Мейера). До этого она окончила электротехнический институт, но стремление к вольной природе у нее возобладало, и она поступила в Университет. Тогда она еще носила фамилию Цабут. В конце 60-х от меня ушла М. Д. Гольшева, с которой я смог подготовить большой обзор анатомии листа ивовых. В отношении дальнейшей работы с ивами складывалась трудная ситуация: нужен большой зарубежный материал. Да еще меня привлекла стародавняя проблема наших берез: представляют ли они один вид – или же 2 разных, вполне самостоятельных – пушистую и бородавчатую. К разработке берез я и привлек И. И. Русанович; еще в университете она и защитила кандидатскую по березам. Она также хорошо рисовала и сделала для меня ряд иллюстраций.

Когда в 1972 г. я собрался переходить на основную работу в ГБС, я поставил условие, чтобы со мной взяли в ГБС и Н. Б. Белянину и И. И. Русанович., но в ГБС я первое время уделил аспирантам, которых взял изучать внутривидовую изменчивость, а И. И. Русанович стремилась воспользоваться экспедиционными возможностями; она собрала большой материал по древовидным можжевельникам, а затем и по роду *Tamarix*. Однако до каких-либо обобщающих результатов этот материал И. И. довести не смогла. Даже новый вид *Tamarix*, который, она считала, она выявила, остался неопианным. Правда, основной причиной могли быть семейные обстоятельства: ее муж скоропостижно скончался, а с единственной до-

черью тоже возникали сложности. От всех неприятных переживаний с самой И. И., видимо, случился какой-то небольшой инсульт, и она стала как-то равнодушна к работе; а, достигнув пенсионного возраста, она фактически уже была не работник.

Но у меня есть и чувство какой-то вины: быть может, ей следовало просто уделить больше внимания; я ведь даже не знаю, какие у нее есть родственники. Знаю, что, будучи на пенсии, она где-то подрабатывала; но давно о ней ничего не слыхал. Во всяком случае, хочется ей пожелать мира и благополучия.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. К. СКВОРЦОВА (1947 – 2011 г.г.)

1947

- Аргентофильные волокна селезенки костистых рыб. // ДАН. Т. 55, № 3. — С. 251–254.
О геотропических морфозах у высших грибов. // Природа. № 7. — С. 67–68.
О строении селезенки костистых рыб. // ДАН. Т. 58, № 6. — С. 1159–1162.
Степная растительность в бассейне среднего течения р. Осетра в Московской области. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 52, вып. 6. — С. 37–47.
Dentaria tenuifolia Ledeb. – новое растение московской флоры. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 52, № 2. — С. 91–92.

1948

- Микроскопическая анатомия селезенки хрящевых ганоидов. // ДАН. Т. 59, №9. — С. 1643–1646.
О вегетативном размножении ели. // Природа. № 10. — С. 73–74.
О гистологическом строении спирального клапана кишечника круглоротых. // ДАН. Т. 61, № 4. — С. 705–708.

1949

- Некоторые данные о сравнительной морфологии тучных клеток. // ДАН. Т.67, №3. — С. 551–554.
О растительности реликтового торфяного болота близ г. Епифани. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 54, вып. 4. — С. 101–104.

1950

- Естественный межродовой гибрид *Draba* x *Schiwerekia*. // Ботан. журн. Т.35, № 6. — С. 655–657.
К сравнительной морфологии лейкоцитов млекопитающих. // ДАН. Т.73, № 3. — С. 577–580.

1951

- Новый вид лютика из Средней России. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т.56, вып. 5. — С. 79–80.
О некоторых замечательных (в ботаническом отношении) местах на Среднерусской возвышенности. // Охрана природы. Вып. 14. М. — С. 125–134.
О степной флоре и растительности на северо-восточной окраине Среднерусской возвышенности. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т.56, вып. 3. — С. 86–96.

1953

- Новый вид недотроги с Урала. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 58, вып. 4. — С. 59–60.

1955

- Ивы Средней России в зимнем состоянии. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 60, вып. 3. — С. 115–127.

1956

- Материалы по морфологии и систематике ивовых. 2. Новый вид ивы из Восточных Саян. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 61, вып. 1. — С. 76–78.
Материалы по морфологии и систематике ивовых. 5. Некоторые дополнения и поправки к флоре ив Западной Сибири. // Сист. замет– ки герб. Томск, ун–та. Вып.79–80. — С. 13–15.

1957

- Материалы по морфологии и систематике ивовых. 3. Новый вид ивы из секции *Chrysanthae* W. Koch. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 18. — С. 34–42.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 4. О правильном видовом названии чосени. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 18. — С. 42–47.
Salix rectijulis. // Список растений гербария флоры СССР. Т. 14, вып. 81. — С. 12–13 (№4013).

1958

Флора сосудистых растений заповедника «Денежкин камень». // Тр. Заповедника «Денежкин камень». Вып. 1. Свердловск. — С. 23–86. (Соавтор Л.И. Красовский.)

1959

К изучению лесной флоры Сталинградской обл. // Ботан. журн. Т.44, №. 4. — С. 554–558

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 6. Заметка о таксономической истории, родственных связях и распространении *Salix jennisseeensis*. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 19 — С. 83–88.

Новые данные о распространении в Московской обл. некоторых редких и интересных растений. // Биол. науки. № 3. — С. 164–167.

Новые флористические находки в районе «Денежкина камня» (Сев. Урал). // Бот. мат–лы герб БИН. Вып. 19. — С. 558–571.

1960

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 11. Ива пятитычинковая и родственные ей виды. // Тр. МОИП. Т. 3, вып. 3. — С. 247–262.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 7. Критический обзор ив Туркменской ССР. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 20. — С. 68–85.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 8. *Salix kangensis* – интересная новинка флоры СССР. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 20. — С. 85–89.

Межвидовой гибрид злаков *Festuca rubra* L. * *F. longifolia* Thuil. // ДАН. Т. 131, №4. — С. 951–953.

Новый вид ивы с Кавказа. // ДАН АрмССР. Т. 31, № 5. — С. 299–303.

О видах рода рамишия. // Вести. Моск. ун–та. Биол. № 1. — С. 61–67.

О двух редких злаках среднерусской флоры. // Биол. науки. № 2. — С. 116–120.

Об одном новом для среднерусской флоры виде злака – овсянице длиннолистной. / Биол. МОИП. Отд. биол. Т. 65, вып. 5. — С. 75–80.

1961

Ивы секции *Phylicifoliae* во флоре СССР. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т.66, вып.4. — С. 26–33.

Коллекция видов ивы в ботаническом саду Московского ун–та. // Бюл. ГБС. Вып.40. — С. 9–16.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 9. О *Salix berberifolia* Pall, и родственных ей таксонах. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 21. — С. 83–92.

Некоторые новые данные о флоре Смоленской и Калужской областей. // Бот. мат–лы герб. БИН. Вып. 21. — С. 438 – 450.

О путешествии И.Р. Форстера в Нижнее Поволжье в 1765 г. // Ботан. журн. Т. 46, № 1. — С. 151–154.

Среднеазиатские ивы в культуре в условиях Москвы. // Биол. науки. №2. — С. 155–159.
Sieben neue Salix – Arten aus der Sowjetunion. // Fed. Rep. Т.64. — С. 73–81.

1962

Краткий обзор ив Средней Азии. // Бот. мат.—лы герб. Ин—та ботаники АН УзССР. Вып. 17. — С. 43–74.

Salicaceae of Thailand. // Dansk Bot. Arkiv, t. 20, № 2. — Р. 179–182.

1963

Атлас географического распространения растений на Британских островах (рецензия). // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 68, вып. 3. — С. 145–147.

Н. А. Базилевская (к 60–летию со дня рождения и 40–летию научной и общественной деятельности). // Ботан. журн. Т. 48, № 3. — С. 465–466.

Памяти Михаила Ивановича Назарова (к 20–летию со дня смерти). // Ботан. журн. Т. 48, № 2. — С. 302–306.

1964

Род *Festuca*. // Арктич. флора СССР. Вып. 2. Л. — С. 208–223.

Festuca, *Trisetum*, Salicaceae, Onagraceae, Rufoiaceae. // Обработки для 9–го изд. П. Ф. Маевского «Флора средней полосы европейской части СССР». М. — С. 184–199, 359–363, 397–400, 752–756, 790.

1965

Новые ивы. // Новости сист. высш. раст. — С. 90–97.

По ботаническим учреждениям Германской Демократической Республики. // Ботан. журн. Т. 50, № 12. — С. 1783–1787.

1966

Исследование анатомии листа ив (*Salix*) в связи с систематикой рода. // Acta Bot. (Budapest). Т. 12. — Р. 125–174. (Соавтор М. Д. Голышева.)

К выходу в свет первого тома «Флоры Европы». // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 71, вып. 1. — С. 106–114.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 12. О *Salix purpurea* L. и родственных ей видах. // Новости сист. высш. раст. — С. 48–66.

Материалы по морфологии и систематике ивовых. 14. О некоторых ивах индийских Гималаев. // Новости сист. высш. раст. — С. 67–74.

Обзор ив Кавказа и Малой Азии. // Тр. Бот. ин—та АН АрмССР. Т. 15. — С. 91–141. Определитель растений Московской обл. М.—Л. — 367с. (Соавторы В. Н. Ворошилов и В. Н. Тихомиров).

Охрана флоры Британских островов. Рецензия. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 71, вып. 2. — С. 159–160.

Примечания к Гербарии Флоры СССР. Т. 16, вып. 91. М.—Л. — С. 55–79 (№ 4513–4550). (Соавтор Т. Г. Дервиз—Соколова.)

Local Floras. L. 1963 – Рецензия. // Бот. журн. Т. 51, вып. 5. — С. 748–749.

Salicaceae. // Арктич. флора СССР, вып. 5. Л. — С. 7–118.

W. Keeble Martin. The concise British flora in colour Ebury Press and Michel Joseph, London, 1965. 35 shill. (В. Кибл Мартин. Краткая Британская флора в красках. 1965). Рецензия. // Бот. журн. Т. 51, вып. 5. — С. 747–748.

1967

К систематике, географии и номенклатуре некоторых ив Восточной Сибири и Дальнего Востока. // Систем. заметки герб. им. П.Н. Крылова Томск, ун—та, № 84. — С. 11–15.

М. Кундзинь, Э Вимба. Дикорастущие цветы. Рига, 1965. Рецензия. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 72, вып. 4. — С. 132–133.

Основные этапы развития представлений о виде. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 72, вып. 5. — С. 11–27.

Примечания к № 4807, 4808 (*Populus alba*, *P. tremula*). // Список раст. герб. фл. СССР. Т. 17. — С. 56–57.

Становление современного понимания вида. // Новое о жизни растений (Народный ун-т, ест.-науч. фак-т, № 8–9). М. — С. 94–106.

Усовершенствование метода сушки растений для гербария. // Ботан. журн. Т. 52, вып. 7. — С. 975–978.

1968

Ивы СССР. М.: Наука. — 262 с.

Номенклатура и типификация подродов, секций и подсекций рода *Salix* (в пределах флоры СССР). // Новости сист. высш. раст. — С. 62–72.

Рецензия на книгу: D.H. Kent. Index to botanical monographs. // Ботан. журн. Т. 53, № 11. — С. 1645–1646.

Salix II Флора Таджикской ССР. Т. 3. Л. — С. 57–96.

1969

О распространении элементов «окской флоры» в южных районах Московской области и в соседних районах Тульской и Калужской областей. // Растительность и почвы Нечерноземного центра Европейской части СССР. М. — С. 76–97.

Рецензия на книгу: J.A. Calder, R.L. Taylor, G.A. Mulligan. Flora of the Queen Charlotte Islands. // Ботан. журн. Т. 54, № 8. — С. 1306–1308.

Salix. // Flora Iranica. Wien, № 65. — P. 12–43. (Соавтор А. Neumann)

1970

Новый вид чаровницы с Кавказа. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 77. — С. 34–36.

О видовой самостоятельности, родственных связях и географическом распространении *Circaea caulescens*. // Новости сист. высш. раст. Т. 7. — С. 247–252.

Поездка в Данию. // Ботан. журн. Т. 55, № 11. — С. 1705–1712.

Примечания к №№ 4963–4965 (*Salix alba*, *S. glauca*, *S. saxatilis*). // Список раст. герб. фл. СССР. Т. 18. — С. 39–40.

Что такое *Epilobium uralense* Rupr. // Новости сист. высш. раст. Т. 7. — С. 244–247.

Salix. // Конспект флоры Псковск. обл. Л. — С. 58–60.

1971

Деревья и кустарники СССР. Рецензия. // Ботан. журн. Т. 56, № 7. — С. 1025–1034.

Ива трапезунтская – новый вид из Малой Азии. // Новости сист. высш. раст. Т. 8. — С. 120–125.

Материалы к флоре Волгоградской области. // Тр. бот. сада МГУ. вып. 7. — С. 35–68.

Николай Петрович Виноградов (1908–1968). // Ботан. журн. Т. 56, № 1. — С. 156–159.

О ботанических садах и декоративном озеленении Дании. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 81. — С. 106–110.

Редкие древесно-кустарниковые растения из коллекции ботанического сада Московского государственного университета. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 80. — С. 3–9.

Сущность таксона и проблемы внутривидовой систематики растений. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 76, вып. 5. — С. 72–81

- Сущность таксона и проблемы внутривидовой систематики растений. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 76, вып. 6. — С. 74–83.
- B. Hansen and K. Rahn. Determination of Angiosperm families by means of the punched card system. Рецензия. // Ботан. журн. Т. 56, № 11. — С. 1705–1707.
- Euro-amerikanische verwandtschaftliche Beziehungen zweier mediterraner Salix – Arten. // Fed. Kept. Vol. 82, № 6. — P. 407–420.
- Index Holmensis. Рецензия. // Ботан. журн. Т. 56, № 6. — С. 899–902.
- Zur Taxonomie der Weiden von Grondland, Island und den Faroern. // Ann. Naturhist. Mus. Wien. Vol. 75. — P. 223–233.

1972

- В. Л. Комаров и проблема вида. // Комаровск. чтения. Вып. 24. (Сто лет со дня рождения В. Л. Комарова.) Л. — С. 48–81.
- Две новые ивы из Магаданской области. // Новости сист. высш. раст. Т. 9. — С. 96–102.
- Новая разновидность иглолистной ивы, *Salix acmophylla* var. *Russanovii*. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 83. — С. 41–42.
- Рецензия на книгу: E. Mayr. Principles of Systematic Zoology. // Ботан. журн. Т. 57, № 11. — С. 1473–1477.
- Род *Salix*. // А. Л. Тахтаджян и А. А. Федоров. Флора Еревана. Л. — С. 134.
- Семейства Salicaceae и Betulaceae. // Определитель растений Средней Азии. Т. 3. Ташкент. — С. 6–28.
- Три новых вида цветковых растений во флоре СССР и новые видовые названия. // Ботан. журн. Т. 57, № 5. — С. 493–494.

1973

- Гербарии: значение для общества, современное состояние, перспективы. // Изв. АН СССР. Сер. биол., № 1. — С. 5–12. (Соавторы Е. М. Лавренко, А. Л. Тахтаджян, В. Н. Тихомиров и Б. А. Юрцев.)
- Гербарий – основа систематической и географической ботаники. // Природа. № 9. — С. 2–9.
- Гербарий Главного ботанического сада. // Ботан. журн. Т. 58, № 1. — С. 155–161. (Соавтор Г. М. Проскуракова.)
- Гибридные структуры клеток под сканирующим микроскопом. // Природа. № 12. — С. 89–93. (Соавтор И. И. Русанович.)
- Новые данные об адвентивной флоре Московской области. I. // Бюл. ГБС. Вып. 87. — С. 5–11.
- Новые данные об адвентивной флоре Московской области. II. // Бюл. ГБС. Вып. 88. — С. 30–35.
- О засушливых задачах изучения флоры СССР. // Тез. докл. V делегатск. съезда Всесоюз. бот. о-ва. Киев. — С. 159–160. (Соавтор В. Н. Тихомиров.)
- Опыт создания в Москве демонстрационной коллекции по систематике растений. // Успехи интродукции растений. (Сб. к 75-летию Н. В. Цицина.) М. — С. 86–102 (Соавтор Н. Б. Белянина).
- Публикации о гербариях Финляндии. // Ботан. журн. Т. 58, № 4. — С. 611–613.
- Современное распространение и вероятный первичный ареал ломкой ивы. // Пробл. биогеоценологии, геоботаники и бот. географии. Л. — С. 263–280.

Calystegia inflata в Московской области. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 90. — С. 24–27.
1974

Внутривидовые единицы в ботанической систематике. // Тр. Ин-та экологии растений и животных. Вып. 90. — С. 46–50.

Избыточность генетической информации и эволюционный прогресс. // Природа. № 8. — С. 26–29.

Семейства Salicaceae, Betulaceae, Geraniaceae, Onagraceae, Boraginaceae. // Определитель высш. растений Якутии. Новосибирск. — С. 170–193, 357–362, 369–371, 409–415.

Человек с точки зрения биолога-эволюциониста. // Природа. № 9. — С. 95–100.
Scanning electron microscopy of *Epilobium* seed surface. // Bot. Not. № 127. — P. 392–401. (Соавтор И. И. Русанович.)

1975

Новые флористические находки в Брянской области. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 80, вып. 5. — С. 105–113. (Соавторы Ю. Е. Алексеев, В. В. Макаров, Г. М. Проскурякова).

Своевременная книга. Рецензия на книгу: Ю. А. Штюмер. Туризм и охрана природы. // Природа. № 9. — С. 121–123.

1976

«Красная книга» отечественной флоры. // Природа. № 8. — С. 121–128.

Естественная гибридизация берез и ее фитоценологическое значение в Якутии. // Биол. пробл. Севера. 7 симпозиум, лесоведение и лесоводство. Петрозаводск. — С. 186–189.

Наблюдения над мужскими цветками кукурузы и проблема первоначального строения цветка злаков. // Мат-лы V Моск. совещ. по филогении растений. — С. 164–166.

Новые виды гималайской флоры. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 81, вып. 4. — С. 152–156. (Соавтор Г. М. Проскурякова.)

Рецензия на книгу: Горностаев Г. Н., Забинкова Н. Н., Каден Н. Н. Латинские названия животных и растений. // Ботан. журн. Т. 61, № 11. — С. 1617–1624.

Рецензия на книгу: П. З. Босек. Растения Брянской области. // Ботан. журн. Т. 61, № 12. — С. 1787–1789. (Соавтор В. В. Макаров).

Beitrag zur Bearbeitung von *Salix*. // Rothmaler, Exkursionsflora, Krit. Band. Berlin. — P. 235–246.

Onagraceae. // Флора северо-востока европейской части СССР. Т. 3. Л. — С. 210–218.

Salicaceae. // Флора северо-востока европейской части СССР. Т. 2. Л. — С. 133–152.
1977

Гербарий. Пособие по методике и технике. М.: Наука. — 199 с.

Еще раз о морфологической природе частей зародыша и проростка злаков. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 82, вып. 5. — С. 96–111.

О некоторых восточноазиатских видах рода *Circaea*. // Бюл. Гл. ботан. сада, Вып. 103. — С. 35–39.

Рецензия на книгу: D. H. Kent. The historical flora of Middlesex. // Ботан. журн. Т. 62, № 5. — С. 750–753.

Рецензия на книгу: Н. А. Заренков. Лекции по теории систематики. // Журн. общ. биологии. Т. 38, № 3 — С. 476–478.

A. Love, D. Love. Cytotaxonomical atlas of Arctic Flora. Рецензия на книгу. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 82, вып. 4. — С. 153–156.

Salix. Betula. // Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. I. — С. 49–76, 89–100.
1978

Две новые ивы из Восточных Гималаев. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 83, вып. 1. — С. 121–124.

1979

Дарвинизм и номогенез. // Природа. № 9. — С. 123–126.

Интродукция растений природной флоры СССР (Справочник). М.: Наука. — 431 с. (соавторы Трулевич Н. В., Алферова З. Р. и др.)

Несколько замечаний о «классической» и «неклассической» биологии. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 84, вып. 1. — С. 106–117.

Что систематик ожидает от хемосистематики. // Хемосистематика и эволюц. биохимия высш. растений (тез. докл.). М. — С. 74–79.

Taxonomy and distribution of *Circaea* in the USSR. // Ann. Missouri Bot. Gard. V. 66, № 4. — P. 880–892.

1980

Пособие по идентификации почерка ботаников. Burdet. Auxilium ad botanicorum graphisem. Рецензия на книгу. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 85, вып. 4. — С. 118–120.

Работы В.Н. Сукачева по изучению позднейпоименных экотипов ив. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 85, вып. 3. — С. 89–97.

Река Угра – жемчужина среднерусской природы. // Природа. № 9. — С. 14–24.

Семейства Onagraceae, Ruyolaceae. // Арктическая флора СССР. Вып. 8. — С. 41–54, 95–105.

Энциклопедия мира растений (рецензия на кн.: «Жизнь растений», Т.4). // Природа. № 7. — С. 118–119. (Соавтор И. А. Губанов.)

Die Baumbirken an der sudostlichen Grenze ihrer europaischen Verbreitung. // 100 Jahre Arboretum. Berlin. — P. 118–120.

Mani. Ecology and Phytogeography of higt altitude plants of Himalaya. Рецензия на книгу. // Новые книги за рубежом. Сер. В, № 4. — С.23–27.

1981

Использование дискриминантного анализа для нахождения разграничительных видовых характеристик формы листа берез. // Журнал общей биол. Т. 42, № 5. — С. 762–770. (Соавтор И. И. Русанович.)

О кадастре ботанических объектов, нуждающихся в охране на территории Московской области. // Ботан. журн. Т.66, № 4. — С. 595–600. (Соавторы Е.Е. Гогина, В.С. Новиков, В.Н. Тихомиров.)

Порядок Ивовые. // Жизнь растений. Т. 5, ч. 2. — С. 81–86.

Рецензия на книгу: Strassburger, Lehrbuch der Botanik fur Hochschulen. // Биологические науки. № 7. — С. 109–112.

Семейства Salicaceae, Ruyolaceae, Monotropaceae. // Флора Европейской части СССР. Т. 5. — С. 10–36, 52–58.

Хемосистематика и основные понятия систематики. // Биохимические аспекты филогении высших растений. М.: Наука. — С. 12–27.

1982

- Дарвинизм вчера и сегодня (к 100-летию смерти Дарвина). // Природа. № 6. — С. 68.
- Два пути уменьшения числа хромосом в эволюции высших растений. // Матер. VI Моск. совещания по филогении раст. М.: Наука. — С. 119–124.
- Кальцефильная флора на юге Погарского р-на Брянской обл. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 87, вып. 5. — С. 77–83.
- Логическое и внелогическое в познании истины (рецензия на книгу: Е.Л. Фейнберг. Кибернетика, логика и искусство). // Природа. № 3. — С. 123–126.
- Материалы к флоре Брянской области. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 87, вып. 3. — С. 104–110. (Соавторы А. Д. Булохов, Э. М. Величин, В. В. Макаров, Ю. Е. Алексеев).
- Микроэволюция и пути видообразования. // Новое в науке. Сер. Биология, № 9. М.: о-во Знание. — С. 1–58.
- Новые данные об адвентивной флоре Московской области. III. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 124. — С. 43–48.
- Об отличиях культурной черноплодной аронии от ее диких родоначальников. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 126. — С. 35–40. (Соавтор Ю. К. Майтулина.)
- Проблема объективности таксонов и измерение таксономических расстояний // Хемосистематика и эволюционная биохимия высших растений. М.: Совет ботан. садов. — С. 31–37.
- Salix*. // Flora of Turkey. V.7. — P. 694–716. (Соавтор J.R. Edmondson.)

1983

- Ботанические сады и охрана флоры. // Охрана генофонда природной флоры. Новосибирск: Наука. — С. 128–136. (Соавторы Е. Е. Гогина, П. И. Лапин.)
- Внутривидовая изменчивость и интродукция растений. // Тез. Всесоюз. конф. по теорет. основам интродукции. М.: ГБС. — С. 14–15.
- Давняя дискуссия и современность (комментарий к публикации переписки Б.А. Кузина и А.А. Любищева о систематике). // Природа. № 6. — С. 74–77.
- О месте, времени и возможном механизме возникновения культурной черноплодной аронии. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 88, вып. 3. — С. 88–96. (Соавторы Ю. К. Майтулина, Ю. Н. Горбунов.)
- Перспективы и задачи изучения и культивирования редких видов природной флоры СССР. // Редкие и исчезающие виды флоры СССР. Культ. в бот. садах. М.: Наука. — С. 15–21.

1984

- Естественная межвидовая гибридизация пупавок (*Anthemis*) в горах Крыма. // Макроэволюция. — С. 36–37. (Соавтор В. С. Долгачева).
- Прогресс в изучении флор западных областей Нечерноземного центра РСФСР (Брянской, Калужской и Смоленской). // Состояние и перспективы исследования флоры Средней полосы Европейской части СССР. М.: МОИП. — С. 10–14.
- Состояние и перспективы исследования флоры Волгоградской обл. // Состояние и перспективы исследования флор Средней полосы Европейской части СССР. М.: МОИП. — С. 61–63. (Соавторы Н. Г. Володина, Н. Б. Беянина, В. А. Сагалаев.)

1985

- Генетико-экологическая структура агамного комплекса лютика кашубского и

- вероятные пути микроэволюции этого комплекса. // Микроэволюция. М.: АН СССР. Отд. общей биол. — С. 36–37. (Соавтор Л. Е. Курлович.)
- Дизруптивный отбор в популяциях рабитника русского. // Микроэволюция. М.: АН СССР Отд. общей биол. — С. 103–104. (Соавтор С. П. Дронова.)
- История и эстетика русских садов (рецензия на книгу: Д. С. Лихачев. Поэзия садов). // Природа. № 2. — С. 119–122.
- О термине «интродуцент». // Растит. ресурсы. Т. 21, № 3. — С. 362–364.
- Предисловие. // Скворцов А. К. ред. Флористические исследования в разных районах СССР. М.: Наука. — С. 3–4.
- Рецензия на книгу: Турова и Сапожникова. Лекарственные растения СССР. // Растит. ресурсы. Т. 21, № 3. — С. 388–395.
- Эхиноцистис: расселение, натурализация, адаптивная эволюция. // Микроэволюция. М.: АН СССР Отд. общей биол. — С. 489. (Соавтор Ю. К. Майтулина.)

1986

- Внутривидовая изменчивость и новые подходы к интродукции растений. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 140. С. 18–25.
- Дарвинизм и молекулярный нейтраллизм. // Хемосистематика и эволюционная биохимия высших растений. М.: ГБС. — С. 114–120.
- Дендрологический сад в Переславле–Залесском. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 139. — С. 94–96. (Соавтор С.Ф. Харитонов).
- Интродукция голубых жимолостей в ГБС. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 142. — С. 7–12. (Соавтор А. Г. Куikliна).
- Интродукция и охрана растений в СССР и США. М.: Наука. — С. 128. (Соавторы П. И. Лапин, В. И. Некрасов, Л. С. Плотникова, Т. Элайс).
- Лесостепная флора Брянской обл. // Изучение и охрана природы малых заповедных территорий. Воронеж: Воронеж. ун-т. — С. 67–71.
- Логика и аналогия в теории эволюции. // Соврем. проблемы филогении растений. М.: МОИП. — С. 13–20.
- Про темнокорі берези із підсекції *Albae*. // Укр. ботан. журн. Т. 43, № 3. — С. 83–88.
- Редкие, исчезающие и нуждающиеся в охране виды растений Московской обл. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 91, вып. 6. — С. 112–118. (В соавторстве с В. Н. Тихомировым).
- Blue honeysuckles (*Lonicera* subsect. *Caeruleae*) of Eurasia: distribution, taxonomy, chromosome numbers, domestication. // *Symbolae Botan. Upsal.* V. 27, № 2. — P. 95–105.

1987

- Ива. *Salix* L. Определитель растений Украины. Киев: Наукова Думка. — С. 130–133.
- Изучение флоры Запада нечерноземного центра (Брянской, Калужской и Смоленской обл.). // Теоретич. и методич. проблемы сравнит. флористики. Л.: Наука. — С. 203–209.
- О северных пределах распространения черного тополя (*P. nigra*) в Европейской части СССР. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 146. — С. 30–36. (Соавтор В. Д. Гадырка.)

1988

Березы Средней Азии. // Актуальные вопросы ботаники в СССР. А.—Ата.: Наука. — С. 29–30. (Соавтор И. И. Русанович)

Красная Книга СССР и охрана редких видов растений. // Ботан. журн. Т. 73, № 2. — С. 282–288.

Логика и аналогии в теории эволюции (продолжение). // Природа. № 3. — С. 74–84.

Логика и аналогии в теории эволюции. // Природа. № 1. — С. 16–25.

Молчать, действительно, нельзя. // Природа. № 6. — С. 96–99. (Соавтор В. Е. Соколов.)

О соотношении формы листьев и пола у черного тополя. (*P. nigra*) // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 147. — С. 23–31. (Соавтор В. Д. Гадырка).

1989

Адвентивные растения как модель для изучения микроэволюционных процессов / Проблемы изучения адвентивной флоры СССР. М.: Наука. — С. 6–8. (Соавтор Ю. К. Майтулина.)

Аборигенные и адвентивные компоненты популяций ежи (*Dactylis glomerata*) в Московской обл. // Проблемы изучения адвентивной флоры СССР. М.: Наука. — С. 8–11. (Соавтор Т. А. Зайцева).

Семейства Geraniaceae, Onagraceae // Определитель растений Башкирской АССР. Т. 2. — С. 115–119, 144–148.

Широтный профиль эколого-географической изменчивости *Solidago virgaurea*. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 94, вып. 6. — С. 53–58. (Соавтор Т. А. Зайцева).

Die Weiden der Sektion Chamaetia und das Problem der Entstehung der aktischen Flora. // Flora, Bd. V. 182, № 1. — P. 57–67.

1990

К интродукции жимолости илийской. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 157. — С. 3–9. (Соавтор А. Г. Куклина).

Комментарий к публикации переписки А. А. Любищева и С. В. Мейена. // Природа. № 4. — С. 89–90.

1991

Гербарии зывают о помощи. // Вестник АН СССР, № 2. — С. 131–135. (соавторы Б. А. Юрцев, В. Н. Тихомиров).

О морфологической природе эпибласта и колосковых чешуи злаков. // Систематика и эволюция злаков. Краснодар: ун-т. — С. 119–122.

Охрана редких видов *in situ* и *ex situ*. Проблемы и взаимоотношения двух стратегий охраны. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 162. — С. 3–6.

Семейство Кипрейные (Onagraceae). // Сосудистые растения Совет. Д. Востока. СПб.: Наука. Т. 5. — С. 187–205.

1992

Вадим Николаевич Тихомиров (к 60-летию). // Бот. журн. Т. 77, № 2. — С. 115–119. (Соавтор Р. В. Камелин).

Костер многоцветковый (*Bromus polyanthus* Scribn.) в природе и интродукции. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 164. — С. 50–53. (Соавтор Т. А. Зайцева).

Механизмы органической эволюции и прогресса познания. // Природа. № 7. — С. 3–10.

Экспедиции в США: шестая (1981) и двенадцатая (1989). // Опыт интродукции и охраны растений в СССР и США. М.: Наука. — С. 7–18, 51–58.

1994

О морфологии и гомологиях профиллов. // Систематика и эволюция злаков. Москва: КМК Scientific Press. — С. 74–77. (Соавтор М. В. Костина).

Род *Oenothera* на территории бывшего СССР: систематика и распространение. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 99, вып. 4. — С. 93–113.

1995

День Победы и наука. // Природа. № 5. — С. 3–17. (В соавторстве с 7 членами редакции и приглашенными).

К изучению флоры Саратовской обл. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 100, вып. 4. — С. 81–94.

К систематике и номенклатуре адвентивных видов рода *Epilobium* во флоре России. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 100, вып. 1. — С. 78–80.

Природоохранные аспекты интродукции. / Интродукция растений в Главном ботаническом саду им. Н. В. Цицина: К 50-летию основания. М.: Наука, 1995. — С. 99–105.

1996

Интродукция растений и ботанические сады: размышления о прошлом, настоящем и будущем. // Бюл. ГБС. Вып. 173. — С. 2–16.

Многообразие живого мира Земли и проблемы его сохранения. // Природа. № 6. — С. 95–105.

О находках новых и редких для Нижнего Поволжья растений. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 101, вып. 5. — С. 87–91. (Соавторы В. Д. Бочкин, Г. Ю. Клинова, В. А. Сагалаев, И. А. Шанцер).

Семейство Onagraceae. // Флора Восточной Европы. Т. 9. — С. 299–316.

Семейство Березовые. // Сосуд, растения Советского Дальнего Востока. Т. 8. — С. 9–28. (В соавторстве с В. А. Недолужко).

1997

Заметки по флоре Нижнего Поволжья. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 102, вып. 1. — С. 58–64.

Изменчивость *Leontodon hispidus* и конкурентные отношения между контрастными морфами. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 174. — С. 35–41. (Соавтор Ю. К. Виноградова).

Наша национальные парки. Рецензия на кн.: Национальные парки России. Справочник. // Природа. № 6. — С. 114–116.

Энциклопедия проблем биологического разнообразия (рецензия на кн.: *Global diversity assesment* ed. V.H. Heywood, R.T. Watson, Cambridge, 1995). // Природа. № 2. — С. 125–126.

Taxonomic notes on *Betula*. I. Sect. *Betulaster*. // *Harvard Papers in Botany*. V. 2, № 1. — P. 65–70.

1998

Материалы к флоре Смоленской области. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 103, вып. 2. — С. 44–52.

- О некоторых общих аспектах интродукции. // Проблемы интродукции растений и отдал, гибридизации (Междунар. конф. 100-летия Цицина). М: ГБС. — С. 188–190.
- A new species of *Salix* from Hainan, China. // Harvard papers in botany. V. 3, № 1. — P. 107–108.
- Taxonomic notes on *Betula* – II. Two Chinese birches described by A. Franchet in 1899 and misunderstood by subsequent authors. // Harvard Papers in Botany. V.3, № 1. — P. 109–112.
- Validation of Haos new Chinese taxa in *Salix*. // Novon. V.8, № 4. — P. 467–470. (Соавтор Fang Chen Fu.)

1999

- В. Н. Ворошилов, к 90-летию. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 177. — С. 149–157. (Соавторы Н. В. Трулевич, А. П. Хохряков).
- К систематике секций *Foliosae* и *Fibrillosae* рода *Scorzonera* // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 177. — С. 36–39.
- Наука, религия и экология. (рец. на кн.: Православие и экология) // Природа. № 10. — С. 119–124.
- Памяти Андрея Павловича Хохрякова. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 177. — С. 158–159. (Соавтор В. Ф. Семихов).
- A new species of *Salix* from Sichuan, China. // Trop. Subtrop. Botany. V. 7, № 1. — P. 29–30. (Соавтор Fang Chen Fu)
- Betulaceae. // Flora of China. Beijing: Science Press; St.-Louis: Missouri Bot. Garden. V. 4. — P. 286–313 (Соавтор Li Peiqiong).
- Salicaceae. // Flora of China. Beijing, St.-Louis. V. 4. — P. 139–274. (Соавторы Fang Chen Fu, Zhao Shidong).
- Salicaceae. A “Panarctic Flora” checklist example. // Norske Vidensk. Akad. Math. – Naturvid. Klasse skr. n. ser. № 38. — P. 387–418. (Соавторы G. Argus, R. Elven).
- Two new species of *Salix* from E. Asia. // Harvard Papers in Botany. V. 4, № 1. — P. 323–325.
- Willows of Russia and adjacent countries. loensuu (Finland), loensuu University (перевод монографии 1968 г. с небольшими дополнениями). — 307 p.

2000

- Новые данные о кариологии берез России и сопредельных стран. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 180. С. 32–38. (Соавтор Н. М. Соловьева).

2001

- Вид в систематике сегодняшнего дня. // Эволюционная биология. Томск: Томский ун-т. Т. 1. — С. 122–127.
- Расширение многообразия как фундаментальное свойство жизни и как мерло эволюционного прогресса. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 106, вып. 1. — С. 4–7.

2002

- Гибридизация в группе голубых жимолостей. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 183. — С. 114–117.
- Голубые жимолости: ботаническое исследование и перспективы культуры в средней полосе. М.: Наука. — 160 с. (Соавтор с А.Г. Кукулина).
- Новая система рода *Betula*. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 107. Вып. 5. — С. 73–76.

- О языке современной русской научной литературы. // Природа. № 5. — С. 3–13.
Проблемы становления культурного растения. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 184. — С. 3–7. (Соавтор А.Г. Куклина).
Систематика на пороге XXI века. Традиционные принципы и основы с точки зрения сегодняшнего дня. // Журн. общ. биол. Т. 63, № 1. — С. 82–93.
Some logico-semantic preliminaries to a theory of systematics. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 107, вып. 1. — С. 32–39.

2003

- Еще раз о предистях у Коммелиновых. // Ботан. журн. Т. 88, № 7. — С. 41–45.
Род *Epilobium* на Кавказе. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 185. — С. 49–62.
Prophylls in grasses: three storeys of homology. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 108, вып. 1. — С. 32–37.

2004

- Биосфера и ноосфера глазами биолога. // Природа. № 1. — С. 18–24.
Каштан зубчатый (*Castanea dentata*) в Москве. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 188. — С. 10–12.
Несколько личных воспоминаний о Б. Л. Астаурове. // Борис Львович Астауров: очерки, воспоминания, письма, материалы / [Рос. акад. наук, Отд-ние биол. наук, Ин-т биологии развития им. Н. К. Кольцова; составитель Е. Б. Астаурова]; отв. ред. О. Г. Строева. М.: Наука. — С. 338–346. (Соавтор Г. А. Покровская).
Об одном забытом виде шиповника. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 187. — С. 19–23.
Род *Epilobium* в Средней Азии и Казахстане. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 188. — С. 61–70.

2005

- Васкуляризация черешков тополей как таксономический признак. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 189. — С. 235–239. (Совместно с Н. Б. Беляниной).
Гербарий Главного ботанического сада Российской Академии наук. М.: Центр оперативн. полиграф. ФГОУ ВПО РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева. — 46 с.
Главный ботанический сад. Предыстория. // Природа. № 12. — С. 4–6.
Конспект рода Кипрей (*Epilobium* s. str.) в России и соседних странах. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 189. — С. 90–104.
Материалы к флоре Калужской области. // Бюл. МОИП. Отд. биол. Т. 110. № 2. — С. 73–80.
Несколько дополнений к флоре Смоленской области. // Бюл. МОИП. Т. 110. № 2. — С. 65–66.
Проблемы эволюции и теоретические вопросы систематики (избранные статьи). М.: КМК. — 293 с.
Сосудистые растения национального парка «Угра» (Аннотированный список видов). М. Изд-во Комиссии РАН по сохранению биологического разнообразия и ИПЭЭ РАН. [Флора и фауна национальных парков. Вып. 6]. — 143 с. (Совместно с Н. М. Решетниковой, С. Р. Майоровым, Н. В. Воронкиной).
Сохранение внутривидовой изменчивости в интродукционных популяциях. // Ботан. сады как центры сохранения биоразнообразия и рационального использования растит. ресурсов. М.: ГБС РАН. — С. 465–468. (Совместно с А. Г. Куклиной).
Формирование устойчивых интродукционных популяций. М.: Наука. — 187 с. (Совместно с Ю. К. Виноградовой, А. Г. Куклиной, Л. А. Крамаренко, М. В. Костиной).

2006

- Из опыта выращивания грецких орехов (*Juglans*) и карий (*Carya*) в Москве. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 192. — С. 3–23.
- Из опыта культивирования бука в Москве. // Бюл. ГБС. Вып. 190. — С. 3–7.
- К флоре Калужской области: папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные). // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 192. — С. 49–76.
- Красная книга Калужской области (25 отдельных очерков). Калуга: Золотая аллея. (В соавторстве с большим коллективом).
- О бальзамических тополях востока Азиатской России. // Бот. журн. Т. 91. № 8. — С. 1244–1252. (Совместно с Н. Б. Беляниной).
- О видах рода *Chamaenerion* в России и соседних странах. // Бюл. ГБС. Вып. 190. — С. 98–102.
- Платан, фотерджила и юкка в Москве. // Бюл. ГБС. Вып. 191. — С. 3–6.
- Три заметки о шиповниках Европейской России. // Бюл. МОИП. Т. 111, вып. 2. — С. 86–89.
- Флора Нижнего Поволжья. Т. 1. Споровые, голосеменные, однодольные. / Под ред. А. К. Скворцова. М.: КМК. 2006. — 435 с. (Совместно с Ю. Е. Алексеевым, Г. Ю. Клинковой, А. П. Лактионовым и др.).

2007

- Абрикос в Москве и Подмосковье. М.: КМК. 2007. — 188 с. (Совместно с Л. А. Крамаренко).
- Адвентивный биотип цирцеи *Circaea lutetiana* L. // Бюл. МОИП. Т. 112, вып. 1. — С. 93–95.
- О видах рода *Poterium* L. в Восточной Европе (в рамках бывшего СССР). // Бюл. МОИП. Т. 112, вып. 1. — С. 81–93.
- О некоторых узколистных овсяницах (*Festuca ovina* L. s.l.) Среднерусской флоры. // Бюл. МОИП. Т. 112, вып. 3. — С. 49–52.
- О сибирском “бальзамическом” тополе. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 193. — С. 41–45.
- Систематический обзор тополей Кавказа. // Нов. сист. высш. раст. Т. 39. — С. 200–209.
- Судьба трех основных идей, заложенных Линнеем в систематику. // Матер, конф. по морфологии и систематике растений, посвящ. 300-летию со дня рожд. Карла Линнея. М.: КМК. — С. 13–18.
- У истоков систематики (трехсотлетие Карла Линнея). // Природа. № 4. — С. 3–10.

2008

- О некоторых тополях, описанных Ф. Б. Фишером в 1841 г. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 194. — С. 61–67.
- Полиморфизм бальзамических тополей (*Populus*, секция *Tacamahaca*) по данным ISSR маркирования. // Матер. XII съезда Русского ботанического общества. Петрозаводск, 22–27 сентября 2008 г. Ч. 3. — С. 76–77. (Совместно с С. С. Беэр, И. А. Шанцер).
- Тополи (*Populus* L., Salicaceae) индийских Гималаев. // Новости систематики высших растений. Т. 40. — С. 52–67.

2010

- Систематический конспект рода *Populus* в Восточной Европе, Северной и Средней Азии. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 196. — С. 62–73.

2011

- Заметка о двух среднеазиатских тополях. // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 195. С. 32–37.
- К флоре Калужской области: Покрытосеменные (Двудольные раздельнолепестные). // Бюл. Гл. ботан. сада. Вып. 195. — С. 37–90.

Иван Дмитриевич Ястребов (дед).

Алексей Алексеевич (дед), Екатерина Александровна (бабушка)
и Константин Алексеевич (отец) Скворцовы. Около 1905 г.

Константин Алексеевич Скворцов (отец).

Константин Алексеевич Скворцов на р. Угра (отец).

Алексей Константинович с мамой Евгенией Ивановной
и сестрой Евгенией Константиновной. Около 1930 г.

Алексей Константинович с мамой Евгенией Ивановной
и сестрой Евгенией Константиновной. Около 1930 г.

Алексей
Константинович
с сестрой и
двоюродным
братом.
Около 1938 г.
Река Угра.

Замки из песка на Угре.

Алексей Константинович, 15-16 лет.

Перед демонстрацией солидарности.

Москва, 2-й медицинский институт им. Сталина, 1 мая 1941 г.

Слева направо: А.К. Скворцов, В.В. Шмелева, Е.А. Фадеева, В.Н. Власов, А. Коротнева

Перед демонстрацией солидарности.

Москва, двор 2-го медицинского института им. Сталина, 1 мая 1941 г.

Слева направо: А. Коротнева, В.Н. Власов, Е.А. Фадеева, В.В. Шмелева, А.К. Скворцов

Галина Александровна Покровская (жена), около 1953 г.

Алексей Константинович Скворцов, около 1953 г.

Алексей Константинович Скворцов с родителями и женой, 1950-1960 гг.

Стокгольм, у дома Н. Tralon, 1973 г.

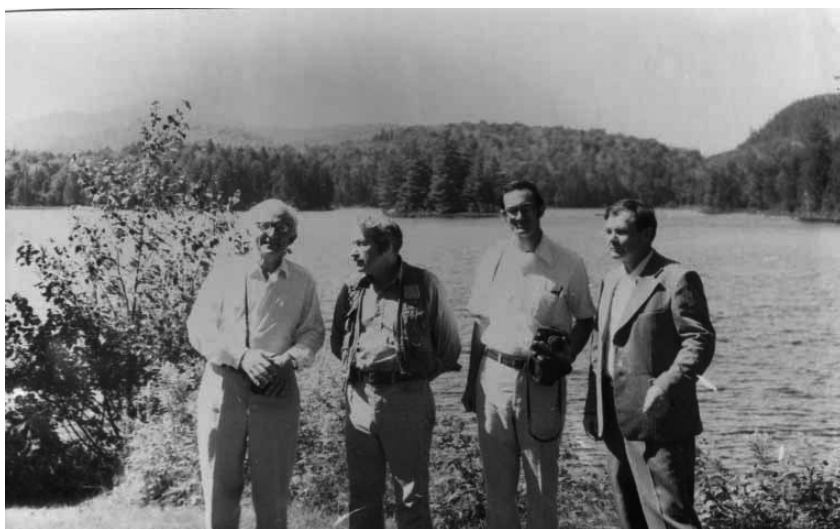
Днепродзержинское водохранилище, 25.09.1974 г.

Америка, 1976 г.

Америка, 1976 г.
Кери Арборетум. Осмотр семян *Ulmus americana*.

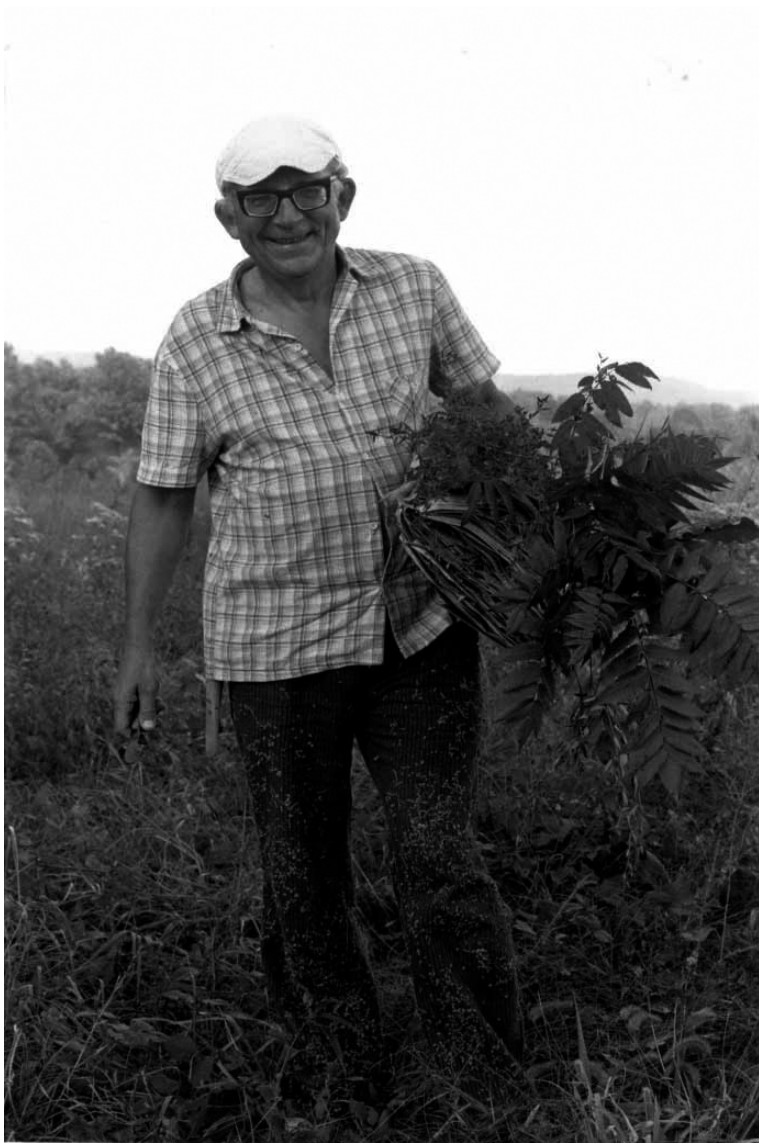
В Адирондакском экологическом центре. Америка, 1976 г.
Слева направо: А.К. Скворцов, У. Тирсон (директор центра),
Т. Элайес (директор Кери Арборетума), В.И. Некрасов.

Юбилей 60 лет, 1980 г. Поздравление отела флоры.

Юбилей 60 лет, 1980 г.
Справа Т.Т. Петровская и В.Ф. Семихов.

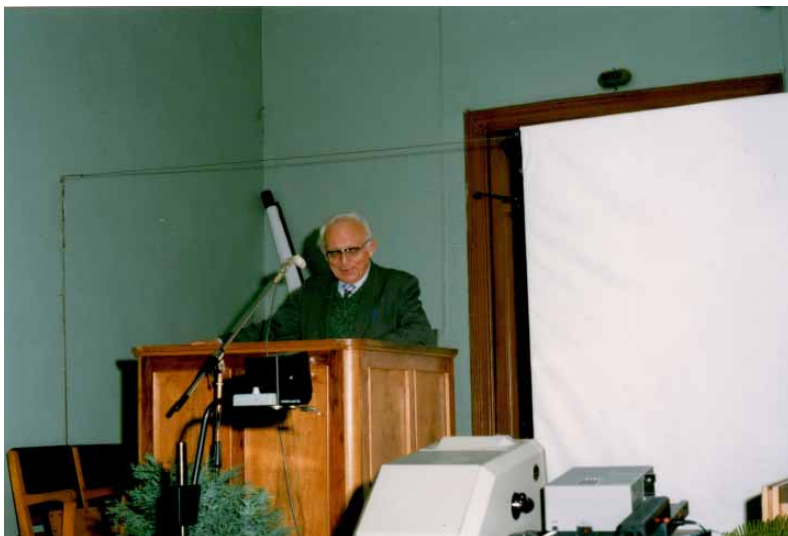
В окрестностях Сент-Луиса (Shaw Arboretum), 1981 г.

Экспедиция в Нижнее Поволжье, июнь 1993 г.
Сидит в машине - Г.Ю. Клинова; стоят слева на право: В.А. Сагалаев,
И.А. Шанцер, А.К. Скворцов, В.Д. Бочкин, водитель Юрий.

Алексей Константинович Скворцов за раскладкой гербария.
Нижнее Поволжье, июнь 1993 г.

Научная конференция “Биологическое разнообразие. Интродукция растений”.
Пленарный доклад.
Ботанический сад БИН РАН, Санкт-Петербург, 12.12.1995 г.

Пекин, 1998 г.
Алексей Константинович и профессор Fang.

Юбилей 80 лет, 2000 г. Поздравление отела физиологии.
Слева направо: Е.Б. Кириченко, С.М. Соколова, В.Ф. Семихов, Л.В. Рункова.

Юбилей 80 лет, 2000 г.
Слева направо: А.И. Макридин, А.С. Антонов, М.Г. Пименов, Е.А. Клюйков.

Алексей Константинович Скворцов.
9 февраля 2000 г.

Оглавление

I. Корни. Старшее поколение	4
II. Жизнь в Желанье	12
III. Москва. Школа и медицинский институт	23
IV. Война. Рязань и Киров	33
V. Аспирантура. Институт цитологии	39
VI. Лысенкиада. Переход на ботанику	45
VII. Семейное устройство. Дети	51
VIII. В университете	58
IX. Главный ботанический сад	66
X. После 2000 г.	74
РАЗНЫЕ ОЧЕРКИ	78
Старая Ладога	78
Новгород	79
Абрикосы	80
Три встречи с Катюшей	81
Псков	82
Джим	84
В ВАКе	85
Австрия и Фриц Эрендорфер	86
Николай Васильевич Цицин	88
Игорь Юрьевич Коропачинский	91
Иркутск и Байкал	93
Первое знакомство с Нижним Поволжьем	94
Знакомство с Москвой и Подмосковьем	97
Журнал «Природа»	105
Аляска	109
Китай	112
Карелия и Кольский полуостров	116
Путешествия: Север	121
Урал	128
Сибирь	131
Прибалтика	134
Средняя Россия – севернее Москвы	138
Средняя Россия – к югу от Москвы	142
Средняя Россия – западнее и юго-западнее Москвы	145
Нижнее Поволжье	156
Забайкалье и Дальний Восток	158
Украина	161
Крым и Молдавия	166
Кавказ	168
Средняя Азия	174
Петербург	177

ЗАГРАНИЦА	179
Германия	179
Дания	181
Швеция	182
Норвегия	185
Австрия	187
Польша	188
Соединенные Штаты	189
Юрцев Борис Александрович	199
Павел Александрович Смирнов	200
Владимир Николаевич Сукачев	200
Николай Николаевич Цвелев	202
Иосиф Иосифович Сикура	203
Наталья Владимировна Старова	204
Немецкие профессора Мойзель и Егер	205
Вадим Николаевич Тихомиров	206
Галина Михайловна Проскурякова	207
Ирина Иосифовна Русанович	209
СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. К. СКВОРЦОВА (1947 – 2011 гг.)	211

Популярное издание

А.К. Скворцов

Воспоминания. Очерки.

Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 242 с.

Технические редакторы Р.В. Трохинская, Н.Ю. Степанова, С.А. полуэктов

Компьютерная верстка Н.Ю. Степанова